
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 13 МАРТ 1975

БРАТСКАЯ ДРУ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 13 (2490)

22 МАРТА 1975

15 марта из Москвы в Будапешт по приглашению ЦК Венгерской социалистической рабочей партии на XI съезд ВСРП отбыла делегация Коммунистической партии Советского Союза во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым. На снимке: проводы на Киевском вокзале столицы.

Фото А. Гостева

ЖБА НЕРУШИМА

В жизни братской Венгрии происходит знаменательное событие: 17 марта в Будапеште в атмосфере нерушимого единства партии и народа открылся XI съезд Венгерской социалистической рабочей партии.

В работе съезда по приглашению ЦК ВСРП принимает участие делегация Коммунистической партии Советского Союза во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым.

В состав делегации входят член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Украины В. В. Щербицкий, секретарь ЦК

Будапешт, 16 марта. Встреча на вокзале.

Телефото специального корреспондента «Правды» А. Пахомова

В президиуме XI съезда Венгерской социалистической рабочей партии.

КПСС К. Ф. Катушев, первый секретарь ЦК КП Грузии Э. А. Шеварднадзе, член ЦК КПСС, посол СССР в ВНР В. Я. Павлов.

Вместе с товарищем Л. И. Брежневым в Будапешт прибыли также член ЦК КПСС К. В. Русаков, член Центральной ревизионной комиссии КПСС А. М. Александров.

В резиденции делегации КПСС состоялась теплая, дружеская беседа товарища Л. И. Брежнева и членов делегации с товарищем Я. Кадаром и членом Политбюро ЦК ВСРП, секретарем ЦК ВСРП Б. Биску.

Бурными аплодисментами встретили делегаты и гости съезда, собравшиеся во Дворце профсоюза строителей, появление Первого секретаря ЦК ВСРП Яноша Кадара и других руководителей партии. Вместе с ними в президиуме съезда — глава делегации КПСС, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, главы делегаций других братских партий.

В повестке дня съезда: отчетный доклад ЦК ВСРП, отчет Центральной контрольной комиссии, изменения в Уставе ВСРП, принятие Программного заявления ВСРП, выборы центральных руководящих органов партии.

С отчетным докладом Центрального Комитета Венгерской социалистической рабочей партии выступил Первый секретарь ЦК ВСРП Янош Кадар.

В докладе дан глубокий и конкретный анализ экономических задач, стоящих перед страной, освещены проблемы партийного строительства и идеологической работы, вопросы укрепления руководящей роли партии и рабочего класса — ведущей силы социалистического общества. Докладчик остановился также на важнейших общеполитических и международных проблемах.

«Особое значение мы придаем непрерывному укреплению нашей глубокой и нерушимой братской дружбы с Советским Союзом,— заявил Первый секретарь ЦК ВСРП.—...С чувством удовлетворения съезд может констатировать, что венгеро-советская дружба безоблачна, братские связи между нашими партиями и народами нерушимы».

Зал заседаний съезда.

Телефото специальных корреспондентов ТАСС В. Мусаэльяна и В. Соболева

A SZOCIALIZMUS ÚTJÁN A
EGYÜTT A

ВИЗИТ ПРЕЗИДЕНТА ФИНЛЯНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

По приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства 12 марта в Москву с неофициальным визитом прибыл Президент Финляндской Республики Урхо Калева Кекконен.

12—14 марта состоялись беседы между Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым, членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным, членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным, членом Политбюро ЦК КПСС, министром иностранных дел СССР А. А. Громыко и Президентом Финляндской Республики Урхо Калева Кекконеном.

В ходе переговоров, проходивших в атмосфере дружбы и делового сотрудничества, состоялся конструктивный обмен мнениями по широкому кругу вопросов советско-финляндских отношений и актуальным международным проблемам.

На снимке: во время беседы.

Фото А. Гостева

ДАУДА К. ДЖАВАРА В МОСКВЕ

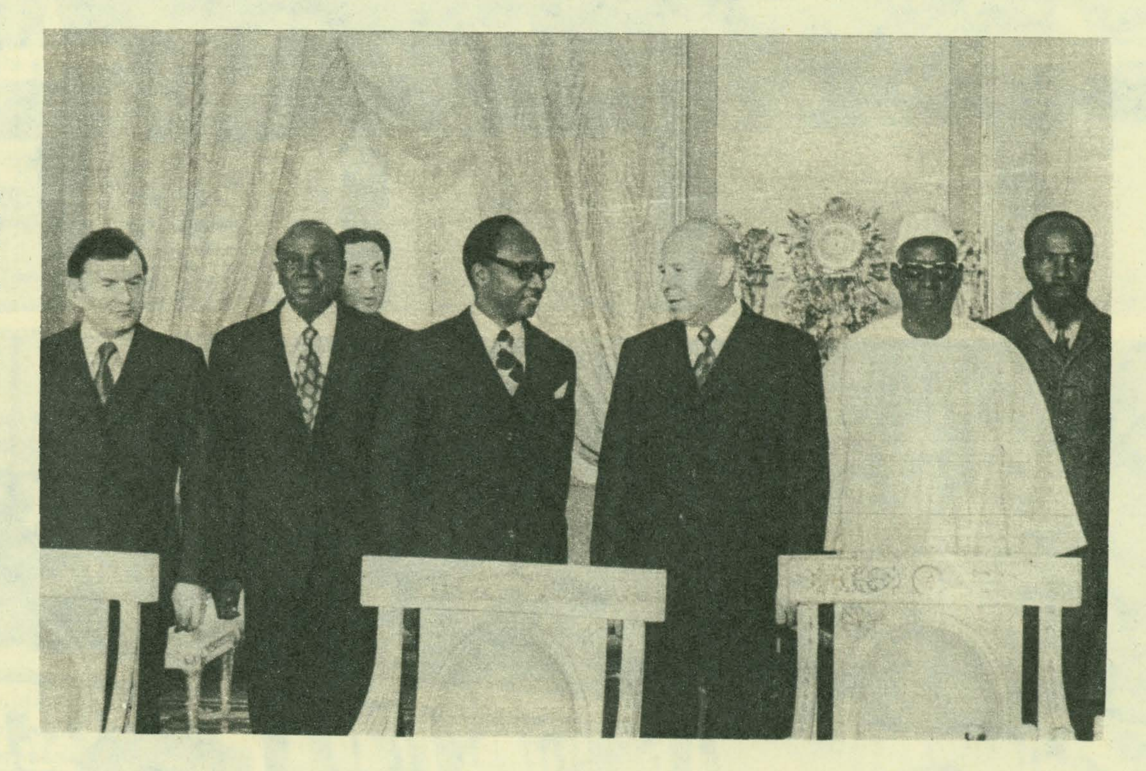
По приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства 17 марта в Москву прибыл с официальным визитом Президент Республики Гамбия Дауда Кайраба Джавара. Вместе с Президентом Республики Гамбия в Москву прибыли министр иностранных дел Алиу Бадара Н'Дьяй, государственный министр при канцелярии президента Кебба Н. Ли, другие официальные лица.

17 марта в Кремле начались переговоры между членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным, членом Политбюро ЦК КПСС, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР К. Т. Мазуровым и Президентом Республики Гамбия Дауда К. Джавара.

В ходе переговоров, проходивших в дружественной и конструктивной обстановке, состоялся обмен мнениями по широкому кругу вопросов, связанных с дальнейшим развитием советско-гамбийских отношений.

На снимке: перед началом переговоров.

Фото А. Гостева

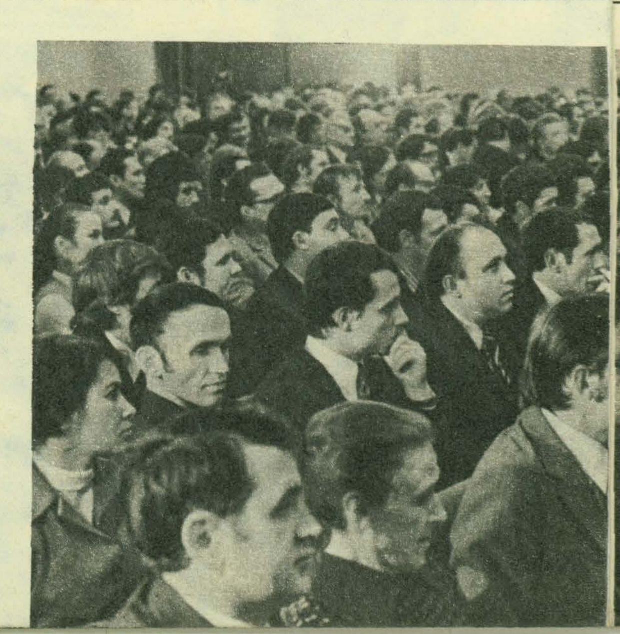

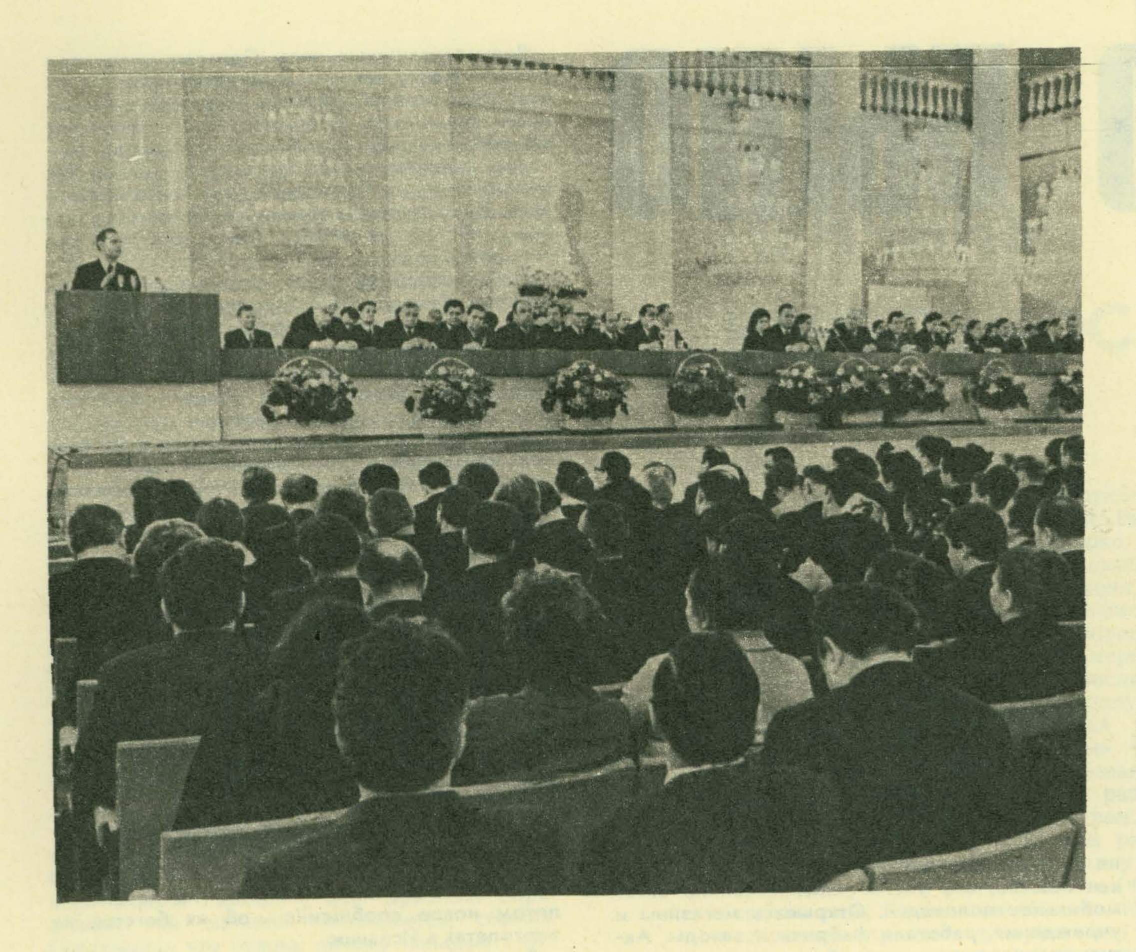
Активные помощники партии и комсомола

В Москве проходит VI Всесоюзное совещание молодых писателей, организованное совместно ЦК ВЛКСМ и Союзом писателей СССР. Форум творческой молодежи собрал свыше 300 прозаиков, поэтов, драматургов и критиков — представителей союзных и автономных республик, областей и краев Советской страны. В работе совещания принимают участие наряду с молодыми литераторами их старшие товарищи по цеху — писатели Москвы, Ленинграда, Киева и других городов, а также главные редакторы молодежных журналов, работники издательств, просвещения, радио и телевидения.

На снимках: выступает первый секретарь правления СП СССР Г. М. Марков.
В зале совещания.

Фото Л. Шерстенникова

Колхозный штаб

11 марта в Москве состоялось второе Всероссийское собрание представителей Советов колхозов. В работе собрания приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, министр сельского хозяйства СССР Д. С. Полянский, первый заместитель заведующего Сельскохозяйственным отделом ЦК КПСС В. А. Карлов, заместители заведующего Сельскохозяйственным отделом ЦК КПСС В. П. Бородин, И. К. Капустян. С отчетным докладом выступил председатель Всероссийского совета колхозов, министр сельского хозяйства РСФСР Л. Я. Флорентьев.

А через несколько дней, 14 марта, в Колонном зале Дома союзов на свое первое собрание съехались посланцы Советов колхозов всех союзных республик. Они обсудили итоги работы и задачи Советов колхозов на нынешнем этапе, выбрали союзный Совет колхозов.

В президиуме собрания — товарищи К. Т. Мазуров, Д. С. Полянский, А. Н. Шелепин, М. С. Соломенцев, заместитель Председателя Совета Министров СССР З. Н. Нуриев, первый заместитель заведующего Сельскохозяйственным отделом ЦК КПСС В. А. Карлов, заместители заведующего Сельскохозяйственным отделом ЦК КПСС И. К. Капустян, Н. П. Руденко, министры СССР и РСФСР, ответственные работники ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР. Здесь же знатные люди колхозной деревни, ученые.

С огромным воодушевлением собравшиеся избрали почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем Л. И. Брежневым.

С докладом «Об итогах работы и задачах Советов колхозов» выступил член Политбюро ЦК КПСС, министр сельского хозяйства СССР, председатель союзного Совета колхозов Д. С. Полянский.

В заключение состоялись выборы союзного Совета колхозов и его президиума. Председателем союзного Совета колхозов избран член Политбюро ЦК КПСС, министр сельского хозяйства СССР Д. С. Полянский.

Участники собрания направили письмо ЦК КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР.

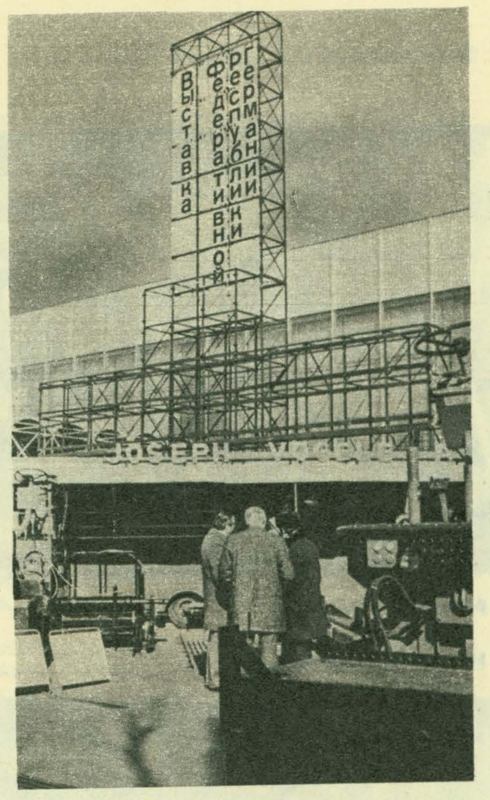
На снимке: 14 марта 1975 года. Первое собрание посланцев Советов колхозов союзных республик в Москве. На трибуне — товарищ Д. С. Полянский.

Фото В. БОРОДИНА

В ИНТЕРЕСАХ СОТРУДНИЧЕСТВА

На территории выставки ФРГ.

В Москве на территории ВДНХ проходит выставка Федеративной Республики Германии. В ней участвуют около 200 фирм и торговых организаций. Выставка отражает значительный рост товарообмена и экономического сотрудничества между Федеративной Республикой Германии и нашей страной.

— Этот рост,— отметил в беседе с нашим корреспондентом федеральный министр экономики ФРГ, доктор Ганс Фридерихс,— стал возможным в первую очередь благодаря таким историческим событиям, как подписание Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Федеративной Республикой Германии и визит Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в Бонн в мае 1973 года. Выгоды реалистической политики,— продолжал министр,— признаются значительным большинством населения ФРГ и, конечно, федеральным правительством, которое глубоко заинтересовано в расширении сотрудничества между двумя странами. В этом году объем товарообмена, наверное, превысит сумму в 10 миллиардов марок и увеличится, таким образом, по сравнению с 1970 годом, годом подписания Московского договора, примерно в 4 раза. Резервы для его дальнейшего увеличения имеются.

КАК ЭТО БЫЛО

Реакция не пройдет!

Народ и армия едины.

Д ень 11 марта в Лиссабоне выдался солнечный, но ветреный. С утра, как обычно, его узкие улицы затопило автомобильное половодье. Открылись магазины и учреждения, работали фабрики и заводы. Активисты различных партий раздавали прохожим прокламации, призывающие голосовать за их кандидатов на выборах 12 апреля.

Мы поднялись на холм к замку святого Георгия. Отсюда Лиссабон виден как на ладони. Неожиданно в небе появились два самолета, а вслед за ними вертолеты.

— Обычно над Лиссабоном военные самолеты не летают,— говорит мой спутник,— это, вероятно, учения.

Полюбовавшись красивым городом, мы спустились с холма и почувствовали, что в жизни столицы что-то переменилось. Закрывались некоторые магазины, по улице, тревожно сигналя, промчались автомашины с солдатами.

— Что случилось? — спросили мы у одного из пикетчиков, стоявших у входа в банк. От него мы узнали, что восставшие против правительства части авиации и парашютистов напали на казармы первого полка легкой артиллерии.

Мимо проехали огромные автомашины-бетономешалки. Они направились на шоссе, идущее от военно-воздушной базы «Танкуш» к столице. На этой базе находились парашютные части. Шоферы своими машинами собирались забаррикадировать важную магистраль.

В эти тревожные часы Португальская коммунистическая партия и другие прогрессивные силы страны показали свою организованность, решимость, прочную связь с Движением вооруженных сил. По городу ездили легковые автомобили под красными флагами. На перекрестках и площадях они останавливались. Репродукторы разносили призывы к народу: «Встать на защиту правительства и демократии!»

Мы приехали на улицу, где находится Центральный Комитет ПКП. При первом же известии о попытке вооруженного переворота сюда пришли рабочие и служащие ближайших учреждений и предприятий, чтобы защитить руководство своей партии. Улицу перегородили автомашинами и установили патрули.

Во второй половине дня по радио к населению обратился премьер-министр Васку Гонсалвиш. Он сказал, что Движение вооруженных сил полностью контролирует положение, просил сохранять спокойствие и в то же время проявлять бдительность.

Наступил час пик, а на улицах почти не видно автомашин. Только колонны демонстрантов — люди разных возрастов и профессий скандируют антифашистские лозунги, потрясая в такт сжатыми кулаками.

Национальное радио непрерывно передает сообщения генерального штаба вооруженных сил. Они противоречивы. Сначала сообщают, что генерал ди Спинола вместе с пятнадцатью сообщниками на машинах бежал к испанской границе. Просьба ко всем, особенно жителям пограничных районов, быть бдительными, помочь задержать мятежников. Называют номера их машин. Почти сразу же дают поправку: бунтовщики укрылись в одном из посольств, потом новое сообщение — об их бегстве на вертолетах в Испанию.

Вечером едем на стадион «Кампу Пекену». Здесь по призыву компартии происходит грандиозный митинг. Оратор говорит, что португальский народ еще раз отразил нападение крайне правых сил, которым помогают международные империалистические круги. Рядом с нами коренастый мужчина лет сорока держит красное знамя. Знакомимся. Его зовут Барбоза Каву, работает на телефонной станции.

— Реакционеры,— говорит он,— хотели захватить власть и разгромить левые силы. В первую очередь нашу партию. Они против выборов в учредительное собрание, не хотят новой конституции. Они за возврат к старому. Ничего подобного народ не допустит.

Это намерение широких масс подтвердили длившиеся почти всю ночь манифестации. Десятки тысяч людей под национальными португальскими флагами и кумачовыми знаменами шли и шли по улицам Лиссабона.

На другой день отправляюсь в казарму первого полка легкой артиллерии. Здесь при обстреле с воздуха самолетами путчистов был убит солдат Жоакин Карвалью и двенадцать солдат ранено. Несмотря на проливной дождь, перед казармой тысячи людей. Они пришли проститься с погибшим и выразить свою солидарность с Движением вооруженных сил. Че-

СТОЙКОСТЬ И БДИТЕЛЬНОСТЬ

Над банковскими конторами в португальской столице вывешены красно-зеленые национальные флаги. Революционный совет, созванный после провала военного мятежа, на своем первом заседании принял закон о национализации всех банков, принадлежащих португальскому частному капиталу. Эти меры были вызваны тем фактом, что уже сейчас доказано: за группкой реакционных генералов и офицеров, которые 11 марта пытались захватить власть, совершить переворот, стоят не только влиятельные экономические группировки Португалии, но и связанные с ними иностранные тресты. В списках арестованных лиц по подозрению в участии в заговоре — имена руководителей ряда самых крупных португальских частных банковских компаний.

Как заявил в своем обращении к народу президент республики генерал Кошта Гомеш, «вся правда о заговоре, его корнях станет достоянием гласности в ближайшее время», «расследование будет быстрым, но не поверхностным». Он подчеркнул, что военный путч не затронул единства вооруженных сил и их связей с народом.

Страна по-прежнему живет под впечатлением недавних событий. Граница с Испанией остается закрытой. Военные патрули охраняют радио- и телевизионные центры. Газеты сообщают, что всем войсковым частям приказано сохранять бдительность. Непрерывно заседает следственная комиссия под председательством вице-адмирала Роза Коутиньо. Ей поручено не только установить степень виновности каждого участника заговора, но и разобраться во всех связях путчистов, точно определить, кто стоял за ними.

Впрочем, цели заговорщиков ясны — они пытались нанести удар национально-демократической революции, помешать движению страны вперед, к прогрессу. Они ставили перед собой задачу завладеть руководством Движения вооруженных сил, подавить левые партии, загнать в подполье коммунистов, подорвать единство ДВС и народа. Тот факт, что за путчистами не пошел никто, кроме полка парашютистов, обманутого фальшивыми приказами, да группы офицеров авиации и чинов военной академии, свидетельствует, что речь шла о типичной авантюре, не имеющей никакой массовой поддержки. Все планы генерала ди Спинолы (он сейчас разжалован, лишен генеральского звания) и стоявших за ним сил провалились буквально за несколько часов. Мятеж, начавшийся примерно в полдень, прак-

рез железные ворота проходим в казарму. У гроба почетный караул представителей различных родов войск португальских вооруженных сил.

— Хороший был солдат,— говорит о Карвалью капитан Педроза Афонео, командир первой роты, в которой служил Карвалью. Парню едва исполнилось двадцать лет, единственный сын у родителей.

Я прошу рассказать, как все произошло.

— Пусть расскажет главный герой событий капитан Дини ди Алмейда,— отвечает офицер.

Капитан Дини ди Алмейда молод, высок и строен. На шее широкий траурный галстук, на поясе пистолет.

— Все началось около двенадцати часов,— рассказывает капитан.— По распорядку у нас обед. Офицеры и солдаты направились в столовую, вдруг появились два небольших самолета типа «фиат». Это, собственно, учебные машины, но они вооружены пулеметами и использовались в колониальной войне для поражения наземных целей. Самолеты развернулись и стали пикировать. Пули хлестнули по плацу, по нашим помещениям. Смотрю, казарму атакуют парашютисты, развертываются цепью и стреляют на ходу. Полк мгновенно был поднят по тревоге. Часовые со своих постов и дежурные расчеты пулеметов открыли огонь. Один наш сторожевой пост расположен за пределами казармы в жилом доме. Там находился караульный взвод с пулеметом. Они обстреляли парашютистов с тыла, и те залегли.

А мы никак не поймем, в чем дело. Почему парашютисты на нас нападают? Я решил это выяснить. Вынул белый платок и пошел для переговоров. Навстречу два сержанта. Спрашиваю: где офицер? Оказывается, сбежал. Спрашиваю, что нужно, почему нападают? Отвечают, что получили приказ командования разоружить артиллерийский полк. Якобы полк участвует в заговоре против правительства и якобы составлены списки руководителей Движения вооруженных сил, которых сразу расстреляют. Полк должен выступать сейчас. Вот поэтому их срочно и перебросили сюда на вертолетах.

Я ответил:

— Никакого заговора у нас нет, полк никуда не выступает, а собирается обедать. А приказ вы получили преступный. Реакционные офицеры хотят развязать братоубийственную войну, захватить власть и совершить контрреволюцию.

Парашютисты пошли со мной в казарму, поговорили с нашими солдатами, убедились, что их обманули, и тут началось общее братание.

...Из Лиссабона мы улетали утром. В столице Португалии все спокойно. Народ прочно держит в своих руках завоевания революции, и ничто не свернет его с пути демократических преобразований.

А. ГОЛИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора.

Лиссабон — Москва.

тически был подавлен уже к 17 часам вечера. Путчисты оказались в полной изоляции. И уже в 15 часов генерал ди Спинола, укрываясь на военно-воздушной базе «Танкуш» (в 100 километрах от столицы), объявил: «Все потеряно». Со своими приспешниками он бежал в Испанию. Потом, в автомобилях, на которых мятежники прибыли на воздушную базу, было найдено оружие, документы и чеки, подписанные одним из крупнейших капиталистов страны, Шампалимо.

Вот так начали тянуть нить к раскрытию заговора, о существовании которого заявил президент республики.

Жизнь в Португалии вошла в нормальную колею: никакой паники, люди спокойно, деловито, упорно и настойчиво работают во имя новой Португалии.

В. ЕРМАКОВ

Лиссабон, по телефону.

ПРИЧИНЫ НЕРВОЗНОСТИ

Виктор КУДРЯВЦЕВ

Пномпень осажден патриотическими силами. Несостоятельность правительства Лон Нола стала очевидной. Вашингтон весьма болезненно реагирует на все происходящее сейчас в Камбодже. В конгрессе разгораются споры: увеличивать или не увеличивать военную помощь режиму Лон Нола, а также правительству Тхиеу в Сайгоне, сколько времени «держать» воздушный мост в Пномпене, как быть с американцами, находящимися в камбоджийской столице, и т. п.

Одна из причин такого «нервного» подхода к «камбоджийскому кризису» заключается в том, что перед американским руководством встает сейчас реальная необходимость второй раз за последние пять лет пересмотреть свою политику в отношении Индокитайского полуострова. Американской администрации с большим трудом, преодолевая сопротивление влиятельных кругов в конгрессе, удалось «выпутаться» из непосредственного участия в индокитайском конфликте. Новая концепция американской политики на Индокитайском полуострове, разработка которой связана с государственным секретарем Г. Киссинджером, заключалась в следующем: для обеспечения американских интересов в этом районе достаточно оказывать военную и экономическую помощь режимам Тхиеу и Лон Нола, которые способны своими силами противостоять «мятежникам» (читай: освободительным силам.— **В. К.**). За последние годы Вашингтон обильно подкармливал оба режима. И, надо сказать, они старались оправдать доверие, вели себя весьма воинственно. Правительство Тхиеу не скупилось на провокации и нарушения Парижских соглашений. Лонноловцы неоднократно пытались организовать «решительное наступление» на патриотические силы Камбоджи.

И вот теперь этот принцип, эта доктрина оказались более чем уязвимыми. Обнаружилось, что марионеточные режимы, созданные против воли народов этих стран, грозят рухнуть, если с американской стороны не будут приняты какие-то срочные и чрезвычайные меры. Их «самозащищаемость» оказалась эфемерной. Это, по существу, признано и самим Г. Киссинджером, который заявил на пресс-конференции, что «Камбоджа наверняка падет», если не получит от США эффективной помощи...

Если проанализировать дискуссию по вопросам «решения уравнения со многими неизвестными», как охарактеризовал один журналист задачи американской политики в Юго-Восточной Азии, то можно выделить несколько предлагаемых решений. Одно из них выдвигается самим американским руководством. Речь идет о «подновлении» упоминавшейся доктрины. Предлагается, в частности, проводить разницу между режимами Тхиеу и Лон Нола в отношении значимости их для стратегических интересов США в этом районе. Так, Г. Киссинджер высказался на тот счет, что если сайгонский режим следует считать союзником США, то лонноловский, мол, с Вашингтоном связывает в течение последних пяти лет только некая «ассоциация». Во главу угла им было поставлено «спасение» правительства Тхиеу, как основного клиента США в Индокитае. Режим же Лон Нола был рассмотрен как «обеспечивающий» американские позиции в Южном Вьетнаме.

Окончательные выводы из этих посылок сделаны не были. И сейчас обозреватели ломают голову: означает ли это, что Вашингтон готов «пожертвовать» Лон Нолом ради укрепления режима Тхиеу? Или, наоборот, все будет сосредоточено на сохранении марионеточного правительства в Пномпене, поскольку «веревочка», начавшая виться в камбоджийской столице, может «окончиться» в Сайгоне?

Пока же администрация добивается согласия конгресса на значительное увеличение военной помощи обоим режимам.

С другой стороны, в конгрессе раздаются голоса, требующие вообще пересмотреть понятие «американских интересов» в Индокитае. Или по крайней мере не связывать их неразрывно с судьбой обоих режимов. Сторонники этой точки зрения весьма прохладно относятся к увеличению помощи Лон Нолу и Тхиеу. Они резонно ссылаются на то, что оба правителя потеряли, если когда-либо имели, всякий авторитет в народе из-за своей продажности и корыстолюбия. Они считают, что взятые в исторической перспективе шансы обоих режимов на так называемое «выживание» равны нулю...

Нет недостатка и во влиятельных фигурах, которые хотели бы пересмотреть существующую доктрину путем использования методов устрашения и давления вплоть до нового открытого военного вмешательства. И нельзя сказать, что военно-промышленный комплекс теряет время даром... В эти дни в районе, прилегающем к Индокитайскому полуострову, происходили маневры военного блока СЕАТО. В нем участвовали, ни много ни мало, 31 военный корабль, 30 военных самолетов, 7 000 рядовых и офицеров из США, Англии, Австралии, Филиппин и Таиланда. Приведены в состояние боевой готовности контингенты американской морской пехоты в Таиланде и на Окинаве. Продолжается и курсирование американских кораблей 7-го флота вокруг южной оконечности Индокитайского полуострова. Короче говоря, сторонники нагнетания напряженности не упускают случая «потрясти оружием».

Наиболее реалистическим подходом к положению на Индокитайском полуострове было бы прекращение всякого вмешательства в дела населяющих его народов, уважение их суверенного права самим решать вопросы своей внутренней жизни. Именно такой подход отвечает интересам мира и международной разрядки, искоренения из практики отношений между государствами всякого рода рецидивов «дипломатии канонерок».

С. ГЛОБАЧЕВА

ТАЛАНТ СВОЕОБЫЧНЫЙ

На Урале, недалеко от города Свердловска, есть поселок Кольцово, ранее называвшийся Малый Исток. Здесь на одном из домов установлена мемориальная доска в память о художнике Л. В. Туржанском.

Неиссякаемой творческой кладовой была для Леонарда Викторовича уральская природа. «В уральском пейзаже,— любил он повторять,— есть все живописные оттенки, которые пленяют нас, художников. Надо только попристальней вглядываться в них и хорошенько запоминать». Но не горные вершины и бескрайние лесные дали Урала привлекали мастера. Он «пристально вглядывался» в немудреный пейзаж уральской деревни, «хорошенько запоминал» красоту самого обыденного. Деревенская улица с убегающими вдаль рядами домов и заборов, а то и просто деревенский двор, последние островки снега на полях и мирно стоящие, обдуваемые весенним ветром большеголовые крестьянские лошади, вспаханный чернозем и звенящая золотом полоса осеннего леса вдали за околицей — вот постоянная тема его пейзажей. Окрестным крестьянам были понятны и близки «виды», которые «срисовывал» их земляк. Один из крестьян, лошадь которого особенно часто попадала в этюды Туржанского, шутя говорил, что пора бы положить его коню пенсию за многолетнюю и верную службу.

Художник родился в 1875 году в Екатеринбурге (ныне Свердловск), но весь его творческий путь был связан с деревней, с небольшим селом, которое живописец любовно называл «мой Исток».

И хотя после окончания Московского училища живописи, ваяния и зодчества он остался жить в Москве, москвичом становился только в зимние месяцы. Влюбленный в весну, боясь пропустить самые ранние признаки ее наступления, он выезжал в Малый Исток, когда кругом еще лежал снег, и работал там до поздней осени, до первых зимних дней.

Весной он любил писать все: и холодок серых пасмурных дней и яркость ветреной солнечной погоды, но особенно таяние последнего снега, когда теплая, почти рыжая от прошлогодней травы земля уже освободилась из-под его покрова и лишь кое-где еще сверкают белые островки.

Расцвет творчества Туржанского совпал с тем временем, когда в русском искусстве этюд с натуры начал цениться вровень с картиной. «Вырубить кусок жизни мгновенно и правдиво» — таково было творческое кредо этого живописца. Надо только, чтобы этот этюд, этот «кусок жизни», сохраняя неповторимость момента, ставил задачи картины — завершенность композиционного и цветового решения и, главное, передачу того большого чувства, которое владело художником. «Писать тогда, когда есть что сказать»,— часто повторял он.

Туржанский писал исключительно с натуры, заканчивал этюд на одном дыхании. Мог работать, стоя на пронизывающем ветру по многу часов подряд. Жена художника В. С. Любимова вспоминала, что часто ей приходилось помогать Леонарду Викторовичу держать мольберт, чтобы ветер не опрокинул холст.

Умение превращать этюд в картину, которое Туржанский воспринял еще в училище от своих великолепных учителей В. Серова, К. Коровина, А. Степанова, ставило его вровень с большими, самобытными художниками.

Ему не было скучно писать одни и те же сюжеты, он повторял, что самое важное — суметь передать состояние природы, ту красоту и правду, которые заключены в каждом, даже небольшом ее куске. Потому многие мотивы, мимо которых проходили и пройдут другие художники, для этого мастера, влюбленного в солнечные лучи, согревающие все вокруг,— большая и серьезная тема.

Великолепный анималист, Туржанский охотно писал животных, но неказистых крестьянских лошадей любил особо. И как бы ни изображал их — на холодном ветру или в тихий вечер, тружениками на весенней пахоте или задорными стригунками,— он всегда находил какой-то «свой», острый и выразительный силуэт. Недаром впоследствии родилось определение «туржанские лошадки».

Кончалась весна, наступало жаркое лето, но весенние дни продолжали жить и сверкать в этюдах художника, развешанных на стенах его мастерской. Летом он чаще всего писал свежие ветреные дни, грозовое состояние природы, закаты и сумерки — краткие мгновения угасающего дня: его привлекали динамика и столкновение противоборствующих сил.

Наступление осени художник встречал с радостью. Осенью ему работалось легко: все в природе приходило в движение, ежечасно меняясь. И только когда прочный снежный покров закрывал все вокруг и становилось трудно работать на натуре, он покидал Малый Исток, возвращался в Москву с большим и ценным багажом.

Начинались хлопоты по отбору и оформлению работ на выставки, открывавшиеся в конце декабря, под Новый год. А в мастерскую художника начиналось паломничество московских коллекционеров, собирателей, которые стремились еще до выставки приобрести его лучшие полотна.

Работоспособность мастера была колоссальной. На выставках «Союза русских художников» с 1904 по 1923 год иной раз он показывал более 30 произведений. Это прогрессивное для русского искусства объединение, включавшее в себя в начале XX столетия всех крупнейших мастеров «московской живописной школы», было большой дружной творческой семьей, в которой Леонарду Викторовичу дышалось легко и где он чувствовал себя не только своим, но и необходимым человеком.

На выставках «Союза» пейзажи художника экспонировались рядом с произведениями его учителей. Тут же неизменно были выставлены работы его единомышленников: М. Аладжалова, С. Жуковского, С. Виноградова, А. Архипова, А. Васнецова и ближайшего друга Туржанского — Петра Ивановича Петровичева.

Современники называли Туржанского и Петровичева «столпами» выставок «Союза русских художников», отмечая, что их полотна неизменно являлись «приманкой» экспозиций.

На дружеских «Шмаровинских средах», вечерах передовых московских художников, неразлучных друзей в шутку называли «двумя Аяксами» по имени легендарных античных героев, хотя внешне и в своем творчестве они резко отличались друг от друга.

Искусствовед В. Лобанов оставил нам в своих воспоминаниях живые портреты Петровичева и Туржанского: «Первый — грузноватый, с открытым русским лицом, улыбающийся, добродушный, с упоением писал Подмосковье, архитектуру старорусских городов и пылающие огневыми красками пышные букеты пунцовых роз.

Второй — невысокого роста, с черной бородкой, собранный, волевой, сдержанный, был влюблен в красоту Урала... Роднило и сближало этих двух «тишайших» в жизни художников в какой-то мере одно: необычайная застенчивость и скромность.

— Беда с ними,— говорил один наблюдательный собиратель.— Картины у них в мастерской отбирать — дело не трудное, но добиться назначения цены — почти невозможно!»

Когда Константин Коровин, приобретая на «среде» небольшие этюды Туржанского, хвалил их вслух: «А хороши этюды, этот Аякс землю нашу матушку так пишет, хоть сейчас лопатой бери и копай»,— Туржанский только ниже опускал голову над работой.

Коровин действительно высоко ценил живопись Туржанского. Спрашивая своих учеников, кто им больше всех понравился на выставках, не дождаясь ответа, говорил сам: «А мне больше всех нравится Туржанский!»

Блестящий живописец и тонкий колорист К. Коровин не мог не оценить того удивительного дара, которым природа наградила Туржанского. А дар этот — безошибочное чувство цветовых и тональных отношений. Это позволяло ему в каждой работе, даже в самом маленьком этюде, все, вплоть до самого дальнего плана, писать «в полную силу,

Л. Туржанский (1875—1945). ОСЕННЯЯ ГОСТЬЯ. 1934.

ЛЕТОМ. СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ. 1930-е годы.

Л. Туржанский. ЛЕСНАЯ ДОРОЖКА. 1940.

ВЕЧЕР. ВЕСНА. 1935.

чтобы звенело». Мы никогда не увидим у него смазанности, не встретим черноты в тенях или разбеленности в световых частях. Даже самые густые тени и яркий свет у него насыщены цветом, его точной тональной разработкой.

Это чувство давало ему возможность великолепно передавать солнечное освещение, хотя краски его полотен не яркие, а скорее сдержанные и спокойные. Критика вскоре после появления произведений Туржанского на выставках отмечала это исключительное качество тогда еще молодого художника. Ему удалось найти свою скромную и тем не менее сильную гамму красок, писалось в одной из статей, и он владеет ею с таким чутьем, что в его черноватых пейзажах солнца больше, чем в ярких красках иных живописцев.

Необычной была и сама живопись мастера. «Сильная, в густых, сочных мазках»,— говорил о ней А. Рылов. Писал Туржанский круглыми, мягкими кистями, энергично лепя форму. Мазок получался объемный, точный, подвижный. Положенные плотно мазки сплавлялись, создавая как бы эмалевую, подобную драгоценным камням, поверхность картины.

«Выразительней подчеркивайте форму. К месту, к месту мазкито»,— любил он повторять своим ученикам.

Воспоминания учеников о Туржанском дополняют наше представление о его талантливой, энергичной натуре: «Всегда мягкий, тактичный, он в работе был раздражителен, резок... Все внимание и все чувства его были в творческом порыве, и обычно он не замечал окружающего...»

Еще в 1913 году он построил в Истоке небольшой дом, а позже пристроил мастерскую. Туда из Екатеринбурга, затем Свердловска, регулярно приезжали молодые уральские художники, чтобы работать рядом с уже известным, гостеприимным «отцом Леонардом».

«Это ли имя не говорит за себя! — вспоминает один из его учеников, Н. Сазонов.— Его талантливая, деятельная натура не терпела покоя, эгоистического ухода в себя, в свой творческий мир. Внимание, помощь, забота о судьбе творческой молодежи не знали никаких границ.

Веселый и строгий, внимательный и нетерпимый. При нем все давалось легче, понималось проще, писалось вдохновеннее. Такой уж это был человек — наш отец Леонард!»

Приезжая в Исток, он привозил с собой и развешивал на одной из стен мастерской работы любимых художников: Левитана, Серова, К. Коровина, Петровичева, Аладжалова. На других стенах висели новые этюды самого Леонарда Викторовича. «Они казались маленькими оконцами в мир»,— замечал другой его ученик, И. Слюсарев.

Туржанский щедро открывал им этот мир, охотно объясняя задачи, которые ставил в каждом своем этюде, делился своими удачами.

К художественной индивидуальности учеников он относился очень бережно. В нем не было ничего от властолюбца, подавляющего чью бы то ни было инициативу. Он не раз говорил: «Да пишите, как хотите и чем хотите, лишь бы было написано».

Но надо было видеть Туржанского, заметившего на чьем-нибудь полотне краску вместо тона. «Где же тут правда тона?» — с убийственной холодностью обращался он к ученику. В слове «правда» для него заключалось очень много понятий —«правда тона», а значит, и правда отношения к той натуре, что изображаешь. А все это в его работе было главное.

Пейзажист-лирик, казалось бы, далекий от политической жизни, Туржанский не был равнодушным к судьбе Родины.

Еще в далекие студенческие годы, после поражения революции 1905 года, он выступал на страницах екатеринбургского художественного литературно-сатирического журнала «Гном» с острыми политическими карикатурами на реакционные жандармские порядки, установившиеся в стране.

Его активное участие в политической жизни было также связано с судьбой Урала. Когда в 1919 году Красная Армия освободила Екатеринбург и жизнь в городе начала нормализоваться, Туржанский, не уехавший на этот раз в Москву, одним из первых крупных художников-профессионалов включился в ее новое русло. Он сразу же пришел преподавать в промышленно-художественную школу, а в 1920 году принял участие в первой после освобождения от белых художественной выставке.

Мастер принял участие и в оформлении города ко второй годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Надо было видеть, как он работал над оформлением социалистического города! Сколько энергии, сколько изобретательности вложил он в дело художественной пропаганды! Плакаты его отличались широкой свободной манерой исполнения, свежим, неизбитым колоритом.

Писал он быстро, темпераментно. Оставалось только удивляться, как у него получалось все просто, сильно, хорошо. Он не раз повторял: «Плакат — картина улицы». Плакаты его несли огромный заряд публицистической силы.

Параллельно с уральскими циклами он писал пейзажи Москвы — скромные, спокойные, но не менее лиричные. И хотя этот художник не принадлежал к коренным москвичам, столица ценила и знала его творчество. В марте 1959 года, весной, которую он так любил, открылась посмертная выставка его работ. И вновь москвичи выразили ему свое признание. «Большой русский колорист и поэт», «главное — все наше, русское, и душа, и красота»,— писали взволнованные посетители.

Пейзажи Туржанского своеобычны. Они подкупают зрителей своей искренностью и глубокой любовью к скромной, неяркой природе Урала. Они доносят до нас облик во многом уже забытой деревни, с ее нехитрым обиходом, старыми избами, крепким, земным колоритом. Талант художника окреп в начале нашего века, и его картины создают перед нами образ певца старой уральской земли.

ЧИТАТЕЛИ РАССКАЗЫВАЮТ

САМЫЙ ПЕРВЫЙ

Ему вручали этот орден в центре деревни, у сельсовета, под звуки оркестра, приглашенного из Быхова. Кавалеру ордена приготовили и подарки — отрез шерсти на костюм и... пуд соли. Соль тогда была в особой цене: шел 1921 год.

...Вопрос об учреждении ордена Трудового Красного Знамени был рассмотрен на VIII Всероссийском съезде Советов в Москве в декабре 1920 года.

«Честь и слава тому заводу, тому сельскому обществу, тому отдельному работнику, кто первым получит от Республики орден Трудового Красного Знамени»,— говорилось в обращении съезда Советов.

И вот в июле 1921 года первым орденом Трудового Красного Знамени был награжден Никита Минчуков, крестьянин села Чигиринка, Быховского уезда, Гомельской губернии (сейчас Кировского района, Могилевский области), за самоотверженную защиту от ледохода Чигиринского моста, имевшего в то время важное оборонное значение.

Много лет с тех пор прошло, много воды утекло из Друти, но старожилы-чигиринцы помнят трудовой подвиг своего земляка.

В ту весну ледоход начался особенно грозно. К ледорезам привалило много плотов круглого леса, вмерзших в лед еще с осени. Плоты заторосили Друть, два ледореза, не выдержав напора, сломались. От нагромождения леса и льда стал пошатываться мост.

Военные инженеры, прибывшие, чтобы организовать защиту от ледохода, решали, как предотвратить катастрофу, грозящую разразиться с минуты на минуту. Требовалось комуто спуститься на веревке с моста и на весу перерубить хотя бы пару связок (жерестей), скреплявших плоты, прижатые к сваям, возле которых бурлил водоворот. На эту опасную операцию вызвался Никита Захарович Минчуков. Смельчака обвязали веревками и спустили на крайний плот. Ловко орудуя топором, он стал рубить связки. Как только плотина из бревен рухнула, бурлящий поток начал крошить плот, и во все стороны полетели бревна и льдины. От неожиданности мужики, которые удерживали Никиту Захаровича, отпустили веревку, и он упал в водоворот. Однако тотчас же вынырнул и прыгнул на проносившуюся мимо льдину.

Опытный плотогон Никита Захарович верно сориентировался в густом тумане, преодолел могучее течение и пригреб льдину к Горелой гриве, высокой горе, не затопляемой половодьем. Здесь его, мокрого, продрогшего, и нашли спасатели, которые отправились на поиски.

За этот поступок Никита Захарович и был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Т. МИНЧУКОВА

Минск.

«МЕЧТА» ВОШЛА В СТРОЙ

Старинный уральский город Кунгур известен не только как «хозяин» знаменитой Ледяной пещеры. Кунгурские турбобуры достойно представляют отечественное машиностроение на нефтяных промыслах более сорока стран мира. Славен город и своими обувщиками, железнодорожниками, швейниками, лесопильщиками. Изделия кунгурских мастеров резьбы по камню не раз демонстрировались на союзных и зарубежных выставках.

Молодеет старый город. Недавно здесь открыт новый кинотеатр на 800 мест, который построен строителями СМУ-2 треста «Пермгражданстрой». А по сути, это была народная стройка — почти каждый горожанин принял в ней участие. Кинотеатру дали поэтическое название «Мечта».

Г. ГРАЧЕВ

Кунгур.

ЧИТАТЕЛИ РАССКАЗЫВАЮТ

КТО НАЗ
ИХ

ОТ МОСКВЫ ДО БЕРЛИНА

На рассвете 2 мая 1945 года мы, разведчики, вместе с нашим командиром находились у Бранденбургских ворот. Здесь же остановились танкисты 23-й танковой бригады. На митинге выступал командир батальона 150-й стрелковой дивизии. Фамилий их я не знаю, но эту картину пришлось видеть всю. 30 апреля наша артбригада вела огонь прямой наводкой из этого района по объектам, где засели фашисты с фауст-патронами, преграждавшие подступы к рейхстагу. Утром 2 мая рейхстаг уже был в наших руках.

Мой сын Дейнега И. Х. погиб смертью храбрых под Сталинградом 7 августа 1942 года. Я, рядовой артиллерист-разведчик, защищал Москву, участвовал в прорыве блокады Ленинграда. Был на Ладожском озере, и на высотах Синявино, и под Мгой.

16 апреля в пять утра началось решающее наступление на Берлин. 19-го мы заняли сахарный завод, 21 апреля вступили в пригород Берлина, а потом вели бои на улицах. И вот 2 мая 1945 года мы оказались у Бранденбургских ворот. Вместе со мной были разведчики нашей части Кардемон, Нигманов, Греков, начальник разведки капитан Шелепень.

Участники этого митинга оставили свои подписи на стенах рейхстага.

Я, рядовой защитник Родины, прошел с тяжелыми боями от Москвы до Берлина и все время с пехотой, а иногда и впереди пехоты.

Х. ДЕЙНЕГА

Днепропетровск.

Посылаю снимок моих боевых друзей. Они прошли путь от Сталинграда до Берлина.

«В ТОТ ДЕНЬ МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ 16...»

На снимке не виден номер танка «ИС», и поэтому невозможно определить, к какому полку нашей 11-й гвардейской тяжелой танковой бригады он относился. Возможно, это машина, на которой мне пришлось воевать от Вислы до Берлина, а возможно, нашей роты или нашего 91-го гвардейского тяжелого танкового полка. В колонне танков, первой подошедшей к рейхстагу, наш был головным. Утром 2 мая 1945 года на улицах Берлина стояла дымка от пожаров, слышалась редкая стрельба недобитых гитлеровцев. За какой-то час до этого был подожжен фаустпатроном головной танк нашей колонны, и мы заняли его место. Здесь, у рейхстага, стояла сравнительная тишина. На улице, проходящей вдоль рейхстага и Бранденбургских ворот, разбитая немецкая самоходка (кажется, по этой улице проходили трамвайные пути). На аллее, выходящей из Бранденбургских ворот в сторону колонны, стоял подбитый «тигр». Между ним и рейхстагом в воронке от бомбы большого калибра наши пехотинцы, человек шесть-семь, с двумя пулеметами, ручным и станковым, заняли оборону. Один пулемет направлен в нашу сторону, другой — в сторону «тигра». Подъехали к ним, выскочили из танка, соскочили с брони и автоматчики, навстречу из воронки поднялись пехотинцы. Обнялись, разговорились. Один из пехотинцев, пожилой дядька, прислушиваясь к редким выстрелам и взрывам, ещё сказал: «Братцы, неужели войне конец?» Оказалось, что к рейхстагу они подошли с другой стороны, относились к армии Чуйкова и вот уже больше суток держали в этой воронке оборону. А мы были из пятой армии Берзарина. Пока стояли и разговаривали, подошли остальные машины нашего полка и начали располагаться у рейхстага. Свой танк мы продвинули немного вперед и поставили под деревья около аллеи, на всякий случай развернув пушку в сторону колонны, видневшейся вдали (как после узнали, это была колонна Победы), но вскоре и оттуда показались наши, советские танки. В дальнейшем примерно на том месте, где мы стояли, была сделана братская могила, в которой похоронен и наш командир гвардии младший лейтенант Андрей Никитич Павлов, погибший в уличных боях. Почти целый день простояли у рейхстага, а к вечеру нас вывели на окраину Бер-

ОВЕТ ИМЕНА?

НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Мой путь к Берлину начался в грозных боях под Сталинградом. Я служил во 2-м дивизионе 157-го артиллерийского полка 74-й стрелковой дивизии 62-й армии, переименованной в 8-ю гвардейскую.

Наша часть была непосредственной участницей битвы за Берлин, участвовала в штурме рейхстага. Утром 2 мая 1945 года нам было приказано приготовиться к выполнению новых задач, и во время передислокации мы вышли к площади у Бранденбургских ворот.

Не могу утверждать наверное, что на фотографии изображен именно тот митинг, участником которого был и я, ибо в тот день происходило очень много митингов. Они явились стихийным выражением нашей огромной радости, вызванной уверенностью в скорой победе.

Изображенная на снимке пушка очень похожа на ту, с которой связана и моя фронтовая судьба.

Пишу это письмо совсем не потому, что претендую на праздничное приглашение (хотя можно ли не мечтать об этом?), а потому, что фотография в «Огоньке» всколыхнула во мне воспоминания о тех далеких днях и нашей суровой юности.

Сейчас мне 53 года, 17-й год тружусь на Брянском автомобильном заводе. Мои сыновья, близнецы Владимир и Сергей, служат в рядах Советской Армии. Теперь они приняли эстафету великого дела, которому я отдал свою молодость.

Каждый год в день 9 мая мне приятно и радостно сознавать, что есть и моя доля участия в этой грандиознейшей победе, светом которой озарено и по сей день все человечество.

Свято храню в памяти и тех, кто не дошел со мной до конца, хотя они мечтали об этом так же, как и я. Если можно, напомните молодежи, и моим сыновьям в том числе, как дорого досталось им право быть свободными и счастливыми и как свято надо беречь все это.

Е. МАТВЕЕВ

Брянск.

лина. Командир танка и механик сфотографировались около «Т-34» и «ИС», что стояли вплотную к рейхстагу. Механик Иван Кирюшкин видел себя даже в кинохронике на ступеньках рейхстага, ну а мне не пришлось. Посмотреть бы Берлин, каким он стал сейчас, а то видеть мне его пришлось мельком, в основном ночью, днем мое место у прицела танковой пушки. А через прицел много не увидишь.

Что можно еще добавить? В 91-й гвардейский тяжелый танковый полк я попал в конце 1944 года, сбежав из группы, ехавшей в Саратовское танковое училище. Было мне в ту пору 15 лет. Полк следовал эшелоном на фронт под Варшаву. Сначала я был заряжающим, потом командиром орудия. Перед боями на Одере мало «старичков» осталось в нашей роте. Нашим танком командовал младший лейтенант Андрей Павлов, механиком был младший лейтенант Иван Кирюшкин, командир орудия — я и заряжающий — Николай Котик. Бой на Одере под Кюстрином для нашей роты начался на два дня раньше, чем общий прорыв. 14 апреля 1945 года, на рассвете, рота и несколько СУ-76 при поддержке артиллерии и минометов посланы были в разведку боем и прорвали первую линию обороны. А 16 апреля уже двинулся весь фронт. При прорыве последней, третьей линии обороны на нашем танке оторвало снарядом ствол орудия. В этот день мне исполнилось 16 лет. Фронт догнали под Берлином. К этому времени из второй роты остался один наш танк. В уличных боях экипаж участвовал с первого и до последнего дня. В Берлин вошли в районе электростанции. Помню, у нее было восемь труб. Повернули направо вдоль Шпрее. Участвовали в боях у Силезского вокзала, а после переправы через Шпрее двигались в направлении центра Берлина. 28 апреля погиб командир танка Павлов. Два дня воевали без командира, а 1 мая дали нам командиром младшего лейтенанта Петра Зелинского. С ним и пришли к рейхстагу.

Я награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды и медалями. Демобилизовался в 1947 году и с тех пор работаю шофером.

В. МАХОВ

Московская область, станция Катуар.

СЕМЕЙНАЯ ПРОФЕССИЯ

На снимке я нашел своего отца. Командир первого пехотного батальона 1054-го пехотного полка 301-й стрелковой дивизии пятой ударной армии, майор Айрапетян Грач Минасович стоит на танке, у задней части башни, в фуражке и плащ-накидке. Подробности я узнал у него самого. Его батальон закончил войну у стен рейхсканцелярии и получил задачу выдвинуться в направлении Трептов-парка, в район сосредоточения полка. По пути следования, как раз на этом месте, которое изображено на фотографии, они встретили колонну наших танков. Стихийно возник митинг, на этом митинге отец держал слово перед товарищами по оружию. Поздравил их с Великой Победой нашего народа в одной из суровейших войн истории. Он очень хорошо помнит этот день и этот момент.

Отцу, как и его товарищам, пришлось пройти тяжелый путь. Перед самой войной папа окончил Бакинское общевойсковое училище. С первого и до последнего дня войны он провел на передовой. Участвовал в обороне Кавказа, был в рядах освободителей Украины, Молдавии, Румынии, Польши и закончил свой боевой путь в Берлине.

В Советской Армии папа прослужил 30 лет, в 1972 году ушел в отставку в звании полковника.

На смену ему пришли сыновья: мой старший брат Минас — лейтенант Советской Армии, я, Артем,— курсант Одесского высшего артиллерийского командного ордена Ленина училища имени М. В. Фрунзе.

Вот и получается, что защищать Родину — это наша семейная профессия. И мы очень гордимся этим.

Наш дедушка был также кадровым военным, прошел три войны: гражданскую, финскую и Великую Отечественную. Последнюю он закончил в Праге.

А. АЙРАПЕТЯН

Одесса.

На снимке: Г. М. Айрапетян (в центре), октябрь 1945 года.

БЕРЕГ

Юрий БОНДАРЕВ РОМАН **Рисунки И. ПЧЕЛКО**

ГЛАВА ВТОРАЯ

В столовой, большой, накуренной, наискось из окон пронизанной столбами солнца, заполненной солдатами его взвода, в толчее и хаосе оживленного говора, смеха, шуточек, общего возбуждения вокруг стола запоздалое появление Никитина сразу было встречено обрадованными возгласами: «А, лейтенант, давай на свое место, все готово!» — и тот укол тревоги на лестнице прошел мгновенно — прошел ненужным напоминанием об опасности некстати. И он снова подумал удовлетворенно: «Конечно, не стоит ничего вбивать в голову, пока идет все отлично! Главное — жив мой взвод и жив я! Что же еще нужно?»

Большинство солдат толпились у края стола, шумели позади сержанта Меженина, а он, стоя, коленкой придерживал мешок на стуле, вертел на ремешке вынутые из коробки часики, оглядывал солдат сощуренными глазами и говорил громко:

— Рассудим, братцы, что за это дело можно иметь? Поджаренную свининку, пиво и всякую немецкую жратву. Спрашивается: как такое сделать? Кумекаю: а раз плюнуть! Таткин, слушай сюда! После завтрака тебе сходить к хозяину закрытого магазина, что напротив, и предложить: мол, так и так, не желаете ли часики по обоюдному соглашению насчет обмена, полюбовно, хоть мы вас, сволочей, и придушить должны, а кое-как терпим! Нет возражений, пустить трофеи по этому делу?

— Какое там! Таткин сможет, он голова в цифрах! Счетоводом в колхозе на счетах чесал, небось, как на пианинах. Его б старшиной поставить, у него подсчет снайперский! — захохотали позади Меженина, и там, в толпе, любовно принялись тискать, хлопать по плечам, по шее низенького ростом, рыжего Таткина, всегда обстоятельно расчетливого, хозяйственного наводчика третьего орудия, который даже пригнулся, закашлялся под напором незлобивого солдатского подзадоривания.— Да если бы Таткин в интендантах ходил, второй раз Берлин брать можно было бы! Таткин у нас ровно генерал без звания, мозгой в разных направлениях ворочает!

— А в мешке никак все часики? — поинтересовался Таткин, польщенный всеобщим признанием своих хозяйственных заслуг, и раздвинул «молнию» мешка проворными руками.— Чего тут? Бумаги вроде шуршат... Что это такое?

— Миллионы, Таткин, в упор гляди, едрена Матрена! — крикнул Меженин.— Законные рейхсмарки, раскумекал, нет? Корову и дом целый можно купить да немочку в придачу, что пальчиком из окна за сигареты манит, понял? Гляди сюда, Таткин!..— И, заранее угадывая впечатление, которое он сейчас произведет, Меженин выхватил из мешка и хлестнул по краю стола пухлой пачкой купюр.— В каждой такой по пять тысяч! Понял, отчего козел хвост поднял? Держи эту пачку для разведки, Таткин, да разнюхай в любом магазинчике, берут их или нет? А с ними, братцы, жить можно будет!

— Неужто всамделе миллионы?— ахнул Ушатиков и по-птичьи вытянул через плечо Меженина длинную шею, стараясь поближе разглядеть деньги на столе.— Это мы навроде капиталистов? Мешок? Неужто настоящие? — вскрикнул он по обыкновению удивленно и восторженно.

— Выходит, миллионщиком ты стал, малец, раскрывай карманы!

— Да куда столько-то? Че делать-то? Ужасти!..

— С кашей съешь заместо закуски и добавку попросишь! Не растеряешься!..

В заразительном и любвеобильном порыве друг к другу, толкаясь, дурачась, солдаты теперь увесисто захлопали ладонями по плечам, по худенькой спине Ушатикова, успокаивая его этим дружным тисканьем, а он прыснул, залился жеребячьим смехом, как от щекотки, и тогда старший сержант Зыкин, командир четвертого орудия, человек в серьезных годах, семейный, рассудительный, не умевший радоваться долго, сплюнул цигарку, дососанную до губ, позвал внушительным голосом:

— Ушатиков!

— Что?

— Это как называется? — спросил Зыкин и показал коричневый обкуренный палец.— Понятие имеешь?

— Известно что, товарищ старший сержант, палец ваш, я не вижу разве? — заморгал Ушатиков с ничем не истребимой, обезоруживающей наивностью.

— Врешь, Ушатиков, не палец, а оглобля. Или, скажем, не оглобля, а курица,— сказал Зыкин в сердцах.— Посмотри, малец, лучше. Или без очков не видишь?

— Как так курица? Всамделе смеетесь, товарищ старший сержант?

— Замечание имею. Ты, Ушатиков, из смеха и вопросов состоишь,— проговорил Зыкин.— И какие такие философы, коровьи дети, у вас в Калуге родятся? «Неужто немцы?» «Неужто танки?» Все твои вопросы наперед знаю. И тут тебя опять как дубиной по голове удивление оглушило: «Неужто настоящие?» А ежели настоящие, ну чего ты с миллионами делать будешь? Живем мы, братцы, как на курорте, и ровно оглупели, как мухи! В голове — карусель.

— Но-но, Зыкин! — прикрикнул Меженин, мерцая глазами, и голос прозвучал властно.— Ты моих орлов не трогай! Если польза от чего есть, с какой стати ушами хлопать? Не заслужили, что ль? Верно, ребята? Ты, Зыкин, у нас святой, молись за нас! Трофеи по всем статьям взяты. И чин чинарем. Как, Таткин, нормальные гроши? Докладывай, бухгалтерская голова, чтоб все слышали, есть в них какая ценность, или я оглупел, как вон Зыкин говорит? Себе в карман миллион не положу, мама так делать не велела!

Он терпкой насмешкой подавил возражение Зыкина, и солдаты, посмеиваясь, одобрительно загудели, подмываемые любопытством, сгрудились за спиной рыженького Таткина, который между тем с деловой предосторожностью отодрал ногтем скрепляющую новенькую пачку купюр банковскую полоску, крякнув, священнодейственно послюнив два пальца, вытянул одну бумажку из пачки и, рассматривая против солнца, подозрительно покрутил ее и так и сяк; хитрое усатое личико его выражало важную работу и значительность действия.

— Похоже, не фальшивые,— сказал он.— Рейхсмарка тысячного достоинства. С такими дела не имел. Не знаю таких.

И он, бережно вложив купюру обратно в пачку, ударил пальцами о пальцы, точно пыль счищал.

— Так если ты, бухгалтер, счетовод и петришь в финансах, значит — будешь дело иметь! — возвысил голос Меженин.— Соображай, бухгалтерская голова, на полных денежных правах, понял, нет? Мы платим немчишкам, и все — законно!

— Давай, Таткин, давай! — послышались ободряющие голоса.— С паршивой овцы хоть шерсти клок! Они у нас, гады, без денег все брали, а мы как-никак по совести... А часики куда? Значит, мы теперь миллионщики, ха-ха! Ну, сержант, ухватистый ты у нас... А завтракто, братцы, про кашу и бир забыли! И лейтенант ждет!

«Глупо и непонятно. Зачем им деньги?» — подумал Никитин, молча наблюдая за Таткиным, за распорядительностью Меженина, за солдатами своего взвода, не в меру возбужденными этими деньгами и часиками — ведь еще сутки назад там, в Берлине, на аллеях Zoo, ничто не имело ценности, кроме одного-единственного — жизни.

— Меженин, уберите со стола всю эту ерунду! Пора завтракать, — сказал Никитин в момент краткой тишины и сел на «лейтенантское» место, добавил: — Мешок с трофеями спрячьте-ка под стол, а то очень много шума. Так что выдал сегодня старшина? Пиво? Раздавайте каждому по три бутылки, сержант, вместо ваших трофеев. Так будет лучше.

За завтраком пили пиво, шипевшее пеной из горлышек темных бутылок, наливали его в большие граненые кружки, взятые на кухне, чокались толстым стеклом под шутливые тосты, аппетитно ели кашу, звенели массивными золингеновскими ложками по фарфоровым тарелкам, тоже взятым «напрокат» в кухонном буфете, говорили, кричали, перебивая друг друга, вспоминали шестнадцать дней в Берлине, уличные бои и баррикады, как проламывались через квартиры, через стены домов к Тиргартену,— и, отмытые, покрасневшие, радостно хохотали при каждой пришедшей на память детали, а солнце яростно ломилось в окна, широко рассекало стол горячими белыми квадратами, пекло спины сквозь гимнастерки — становилось жарко. И в этом нескончаемом завтраке, тостах, неумолкающих разговорах, в сигаретном и махорочном дыму, вкусе чужого пива, в шумной тесноте столовой, весенней жаре было какое-то ненасытное, жадное и нетерпеливое пиршество людей, только что удачливо пролезших сквозь игольное ушко, все помнивших и все забывших для того, чтобы жить теперь.

Никитин отхлебывал пиво, смотрел на солдат, знакомых и чем-то незнакомых ему по новым жестам, улыбкам, тону голоса,— и за сутки ощутимая перемена этой окончательно счастливой судьбы теплым наплывом блаженства охватывала его. И сержант Меженин, весь прочный, с расстегнутым воротом гимнастерки, потный, без конца выкрикивающий тосты за «капут войне, за баб, за немчишек, которым всем передохнуть», и наивный круглоглазый Ушатиков со своим удивленным всплеском рук, готовый залиться звонким серебристым бубенчиком, охотно засмеяться любому посоленному слову, и хитренький Таткин, украдкой составляющий выпитые бутылки под стол, подальше от глаз начальства, и степенный, серьезный командир четвертого орудия Зыкин, глубокомысленно покуривающий гигантской величины махорочные самокрутки,— эти разные и близкие ему люди почему-то сейчас успокаивали его, вливали в душу растроганное и доброе согласие со всем их настоящим и прошлым, и невозможно было представить их другими людьми, усталыми, злыми, закопченными, которыми он командовал, ежедневно отвечая за жизнь каждого, и на которых недавно раздражался при виде той глупости с часиками и деньгами. И сожалея уже, Никитин подумал: «Почему я должен мешать им? Пусть делают, что хотят...»

Потом он подумал, что право на раздражение давало ему офицерское звание, хотя, может быть, у него не было права советовать им, принимать решения в житейских вопросах, потому что только один знал лучше их — то, что было огневыми позициями, орудиями, вычислением прицела и стрельбой, одно это, главное, связанное с жизнью каждого из взвода, держало и укрепляло уважение к нему, как если бы он был опытнее всех в понимании самого важного на войне, независимо от возраста.

Он командовал людьми, но не умел, подобно немногим солдатам, развести костер на ветреном морозе, не мог сварить по неписаным правилам суп на костре, ловко растопить в хате печку, переночевать с женщиной или, накрывшись плащ-палаткой, «проверить» улей на пасеке пустой деревни, выкачав необъяснимым способом полное ведро меда, не мог перед стрельбой и согреть спину, кругообразно потираясь о щит орудия, что часто делал в обороне зимой пожилой Зыкин. Однако он научился необходимой грубоватости, командному голосу, офицерскому самолюбию и тем крепким и спасительным в бою словечкам, которые не отличали его от других. Когда говорили о женщинах, он принимал снисходительно-знающий вид, ибо если бы Меженин, в особенности после Житомира, понял, что Никитин единый раз на войне по-настоящему обнимал и целовал женщину, он, вероятно, стал бы открыто презирать его интеллигентскую несуразность.

Разговоры за столом не умолкали, дым сгущался, волнисто покачивался над красными лицами, перемешивались взбудораженные голоса, будто опять с утра начался и продолжался вчерашний праздник, и Никитин не прерывал затянувшийся завтрак, не уходил из столовой, а приятно погружался в этот веселый гул, ощущая раскаленно пылающее за окном солнце и сияние мельчайших пылинок в его неиссякаемо ярком потоке.

— А вот что, други мои, было, когда мы через проломы в Тиргартен шли,— степенно заговорил старший сержант Зыкин, посасывая толстенную самокрутку.— В четвертом, как помню, доме пролез я в дыру на размер проломленной печки, чтобы, значит, разузнать, как сподручнее орудие, дубину-то нашу, протаскивать. Дело к вечеру было. Залезаю в немецкую квартиру, мебель поломанная, темнота, пыль везде толщиной в палец, сквозь щель

Продолжение. См. «Огонек» № 12.

на потолке маленько светом брезжит. А до этого мы в соседнем подвале трофейных жирных консервов нажрались под завязку, живот крутит, спасу и терпежу никакого нет. Ну, как в таком положении орудие через пролом поволокешь, когда без удержу наизнанку выворачивает? И смех и грех. Только пролез я в дыру, ремень — на шею, автомат рядом положил и готов: присел, значит, орлом в углу, задумался, как полагается. Сижу и слышу: в темноте шорох какой-то, похоже — шебуршит что-то, потом кряхтенье началось — вздрогнул я даже и рукой за автомат. Глядь — в другом углу фриц сидит, тоже ремень на шее и тоже сильно задумался, как следовает, расположился, и вижу: автомат у ног...

— Ах ты, боже мой! Неужто фриц? Как так? Живой?—с ужасом изумления воскликнул Ушатиков и хлопнул ладошкой себя по бедру.— И впрямь живой?

— Это ты где, малец, видел, чтобы мертвый фриц с ремнем на шее по своей нужде сидел? — осуждающе глянул на него Зыкин, и вокруг разом засмеялись.— Так вот, увидел меня, моментом хвать за автомат, напрягся весь, застонал вроде, а в темноте разобрал я, в немолодых годах он уже. Что делать? Сидим секунды, не дышим и друг дружку из углов страшными глазами убиваем, друг дружку в плен берем. А тут так несет меня, что и никакой войны не надо, свет белый не мил. И в голове мельтешит что-то: думаю, если он первый начнет, тогда и я успею, мол... А он вдруг автомат свой осторожненько так положил и все смотрит, смотрит на меня, ровно овца больная. И я тоже свой на землю и тоже дурной овцой смотрю. Потом сделали мы это самое дело, он первый, как бешеный, вскочил, ремень в зубы, автомат на шею и в пролом — нырь, только задницей и блеснул! Ну, тогда и я встал... Вот такое было.

— Значит, испугался, Зыкин, а? — жестко хохотнул Меженин и ударил кулаком по столу, заглушая смех солдат.— Эх, евангелисты божьи! В церкву вам ходить! Да я б его не очередью, а одной пулей на дерьме срезал! Фрица пожалел?

Зыкин, размышляя, подул на самокрутку, сказал веско:

— Хоть умный ты, сержант, а дурак. В вечном деле все одинаковы. Тоже люди...

— Философ ты с куриных яиц, Зыкин! — ревниво сказал Меженин и бугорками прогнал желваки на скулах. — В этих случаях пусть лошади думают, у них голова большая... А я вот тоже раз в Берлине дуриком испугался, аж волосы дыбом. Возле того метро... Как эта улица называется? Унтер... ден... Линден, помните, ребята? Фрицевский пулеметчик никому дышать не давал — лупил с балкона очередями по перекрестку. Заметил, второй этаж, взбегаю по лестнице, ага, вот она квартира, звоночки, таблички, ударил плечом, а дверь, гадюка, открыта. В первой комнате — ковры, мебель, никого... Какая-то жратва на столе, бутылки, консервы. А квартира огромная. И пулемет смолк, тишина мертвая в доме. Держу палец на спусковом крючке, на цыпочках иду по комнатам, последняя дверь закрыта, я — торк ее. И враз за спиной кто-то человеческим голосом: «Ку-ку, ку-ку!..» Конец тебе, Меженин, думаю, все! Поворачиваюсь, как зверь, и режу очередями. Вижу — а это кукушка из часов выскакивает: «Ку-ку, ку-ку»,— а я по ней, по часам, по стенам, по зеркалам. Она выскакивает, а я по ней, по ней, сволочуге, пока вдрызг не раскокошил! Во, когда испуг был, Зыкин, а ты мне про поносного фрица вкручиваешь с философией от куриного нашеста! Хреновина! В рай ты мечтаешь попасть, Зыкин, вот твой угол зрения, тебе свечки по убитым фрицам ставить нужно! А в аду все равно встретимся — сколько ты немцев из своего орудия ухлопал? А?

— Напрасно часы и зеркала ты порушил,— рассудительно заметил Зыкин и начал слепливать новую цигарку.— В тебе черт сидит, Меженин, и хвостом вертит.

— Насчет хвоста это верно! — Меженин, жмурясь, как кот, с хрустом потянулся сильным, добротным телом.— Эту работу я уважаю! Эх, братцы, а до войны не то было. Работягой меня считали ударным. Бывало, придешь домой, головой ткнешься в подушку — мертвец! Жена с претензиями, конечно: «Нервы у тебя, значит, Петенька, очень здоровые». «Здоровые? — говорю.— Да я свои нервы давно на запчасти для трактора променял». Какая после этого любовь? Домкратом не подымешь! А на войне, что ж, здесь свободный разворот есть. Война кончится, братцы, и еще вспомним вольную жизнь!..

— Я и говорю, черт тебя изнутри ест,— повторил Зыкин.

— Всего не сожрет, что-нибудь да останется!

Меженин, как всегда, подавил Зыкина, всецело завладел общим вниманием взвода и, сладко потягиваясь, щурясь на майское солнце, поглаживал крутую, завешанную орденами грудь, — во всем удачливый красавец парень, которому прощалось многое за бездумную удаль, за разговорчивость, за необычную в бою везучесть, точно заговоренный он был и точно вместе с ним заговорен был его орудийный расчет, не понесший от границ Белоруссии ни одной потери. В бою с ним свободно и надежно было и было спокойно в любых обстоятельствах на передовой, он, чудилось, жил на войне, не задумываясь, прочно уверенный в неизменчивом везении своем и, не раз обласканный благосклонной судьбой, знал собственную цену в батарее.

— Вот поглядите, ребята, бухгалтер Таткин у нас топор-мужичок, а? — продолжал Меженин и, веселя солдат, подмигнул в сторону Таткина.— Молчит, как два умных. Тихий, цифры на уме, а ходок, видать, был — не приведи господь! Идет с работы, увидит какую-нибудь с толстыми ножками, счеты в кусты, и давай вокруг петушком круги делать. Рыжие, они бесовитые, опасные для девок, как дьяволы! Так, Таткин? Правильно говорю?

— Славяне, гляньте-ка! — крикнул кто-то, захохотав.— А Таткин три тарелки каши утер и полбуханки шорстнул, во-о аппетит!

Маленький, тщедушный, Таткин обладал на удивление неповторимым аппетитом, мог есть сколько угодно и когда угодно, порой грыз припасенные сухарики даже ночью на посту, похрустывая в темноте голодной мышью, и сейчас, застигнутый вниманием, не перестал жевать, острое его лисье личико было углубленным, серьезным.

— Соображаю я, товарищ сержант.— Он повел рыжими бровками на Меженина.— Об деньгах этих. Может, после завтрака и на разведку какого магазина идти?

— А ты, сообразительная голова, немецкий язык знаешь? Как говорить будешь: руками или глазами? — спросил Зыкин.

— Такое и без слов завсегда понятно. Деньги, они что... сами говорят.

— Таткин, люблю я тебя за расчетливость ума, а ты лучше скажи откровенно — куролесил, небось? — не унимался Меженин.— Гастролер ты, видать, и красивый мужчина был! И ростом вышел, и косая сажень в плечах, и на гармони вальсы наяривал! По всему вижу — ходок ты был неисправимый!

— В ум не приходило,— скромно опустил выгоревшие бровки некрасивый Таткин, и в этой его ангельской кротости было и нежелание и согласие участвовать в собственном розыгрыше, который время от времени падал на него и повторялся во взводе для общего увеселения.

— Врешь, Таткин, большого туману напускаешь! Рассказывай — послушаем, а потом я про Житомир кое-что веселое расскажу, хоть лейтенант чуть под суд меня не отдал! Да прошлое дело, анекдот получился. Рассказать, товарищ лейтенант, для смеху? Зуб на меня не будете иметь?

То, что Меженин не очень кстати вспомнил о Житомире, о том давнем и неприятном, что случилось там и что Никитин не хотел вспоминать, было словно бы направлено против него, против его стыдливой неопытности, распознанной тогда Межениным.

— А при чем Житомир, сержант? Все было глупо! — сказал он резко и, сказав, почувствовал, как запылало лицо под взглядом Меженина, густые женские ресницы его подрагивали в безвинном любопытстве.

— Не так, что ли, сказал. лейтенант? Я плохого не помню, а речь о бабах шла,— проговорил он.— А бабы на войне — тоже подарок или трофеи, так я считаю, ежели не вру...

— А я как раз о трофеях,— перебил Никитин, сердясь на звук своего голоса, на то, что придал какое-то значение словам Меженина о Житомире.— Именно насчет трофейных денег,— проговорил он совсем не то, что надо было сказать. — Зыкин прав: зачем они? Пришли в Германию, чтобы превратиться в торговцев? Часы — это другое. Раздайте их всем, Меженин, у кого нет. Хоть на посту будут точное время знать. А деньги... Никаких магазинов и никакой торговли. Ну-ка, Таткин, пересчитайте рейхсмарки («Зачем я сказал, чтобы пересчитали рейхсмарки?»). А лучше так: или сожгите их, Меженин, или сдайте в штаб полка, чтобы никаких глупых соблазнов не было. Не хочу, чтобы взвод оказался в дурацком положении купцов!

Он знал, что этим приказом мог разжечь в Меженине злость, задеть его самолюбие и одновременно мог возбудить недовольство солдат к тому, что он, командир взвода, решил сделать, как бы отнимая у них легкомысленную надежду на сладкую жизнь. Но невольно он отдал распоряжение, и все затихли, осторожно поглядывая на него, на Меженина, а тот, стиснув челюсти, всверлился в лицо Никитина жестко-светлыми глазами, выговорил, снисходительно ухмыляясь:

— Ясныть, лейтенант. Сделаю. Как приказано. Наше дело телячье.

И тотчас, загремев стулом, поднялся, весь расправился, красивый зрелой телесной ладностью, подошел к тому месту, где лежал мешок под столом, вытянул его, рванул «молнию», демонстративно-небрежно высыпал на стол перед Таткиным кучу плоских коробочек, разъехавшиеся пачки новеньких купюр и скомандовал:

— Кто не обжился часами, разбирай без паники! Таткин, считай гроши! Лейтенанту — право выбрать любые первые!

— Не надо. У меня еще ходят,— ответил Никитин и тут же подумал, что суеверно не заменял свои ручные часы, старенькие, почерневшие циферблатом от гари и окопной пыли, найденные им в офицерском блиндаже после почти бескровного боя под Гомелем.

В тот момент, когда солдаты, взбодренные командой Меженина, затолкались вблизи стола, охотливо разбирая наугад эти игрушечные на вид коробочки, в столовую вошел лейтенант Княжко, командир первого взвода, крикнул с порога:

— Здравию желаю, второй взвод! Привет, Никитин! Позавтракали? А почему кошку не кормите?

Он был очень молод, этот лейтенант Княжко, и так женственно тонок в талии и так подогнан, подтянут, сжат аккуратной гимнастеркой, крест-накрест перетянутой портупеей, и так нежно, по-девичьи зеленоглаз, что каждый раз при появлении его во взводе рождалось ощущение чего-то хрупкого, сверкающего, как узкий лучик на зеленой воде. И хотя это ощущение было обманчивым — нередко мальчишеское лицо Княжко становилось неприступным, гневно-упрямым, Никитина будто омывало в его присутствии веяние летнего свежего сквознячка, исходящего от голоса, взгляда, от всей его подобранной фигурки. Княжко был из московской профессорской семьи, учился на филологическом факультете, жил на Озерковской набережной, хорошо знал переулки Пятницкой, где жил Никитин, они никогда не встречали друг друга на замоскворецких тротуарах и сблизились только на фронте в конце сорок третьего года. Лейтенант Княжко прибыл, еще хромая, из тылового госпиталя, был назначен в батарею на место убитого командира первого взвода. До этого он служил в пехоте, командовал на Днепре ротой, но в связи с ранением и хромотой был не взят в стрелковую часть, а направлен по личному желанию в дивизионную артиллерию.

— Если нас посетил первый взвод, то, конечно, братский привет! — ответил Никитин, обрадованный приходу Княжко, испытывая странное подспудное чувство какого-то далекого июльского утра в замоскворецких тупичках с солнцем над заборами и тополиным пухом на мостовой.— Здравствуй, Андрей! А что такое — откуда у тебя кошка?

— Откуда, спрашиваешь? Это уж, второй взвод, недопустимое безобразие, на глазах у вас животное с голоду может умереть, а вы что?

Лейтенант Княжко выглядел, по обыкновению, педантично опрятным, ни единой складки на гимнастерке, светлые волосы причесаны на косой пробор, гладко влажны, грудь чуть выпукла, ослепляет полосой орденов, сапожки до безупречной чистоты зеркальны. Необычным

было то, что на сгибе руки он, словно фуражку на торжественном построении, держал лохматую дымчатую кошку и гладил ее зажмуренную, грязную морду, тыкавшуюся ему в плечо.

— Сидит, понимаешь, бедная, возле дома сирота сиротой и какую-то траву ест,— заявил Княжко.— Куда смотришь, Никитин? Ушатиков, дайте ей немедленно каши, накормите по-солдатски, а то к себе во взвод возьму!

Он на пол спустил с рук кошку, а она сейчас же легла на спину, показывая свалянную шерстку худого живота, потом разнеженно потерлась спиной о затоптанный сапогами ковер, ленивым движением лап будто приглашая продолжить начатую Княжко игру.

— Боже же мой, смотри ты, настоящая кошка! — ахнул, засмеялся Ушатиков, только что не без удовольствия наладив на запястье новые часики и мгновенно забыв про них.— Неужто немецкая? Кысанька, кысанька... Гляди, гляди, лапами что выделывает! По-русски она понимает? Как к ней обращаться-то?

— Только на чисто французском,— не улыбнувшись, Княжко щелчками сбил шерстинки на рукаве.— Немецкие кошки, как правило, воспитываются в лучших французских аристократических домах, но при этом не брезгают русской кашей. Вы поняли?

— Да я сурьезно, товарищ лейтенант... Ух, какая животная важная!

Ушатиков, вытаращив ласковые голубиные свои глаза, пощекотал кошке живот, кошка, продолжая играть, тронула, мягко ударила его лапой, а он заморгал, сидя на корточках, позвал разомлевшим, умиленным голосом:

— Кысанька, шпрехен, шпрехен, ком, ком, каши тебе дам... хенде хох, гут, гут, гутен морген... Ух, какая зверь солидная!

— Вы ей голову заморочили,— не удерживая смех, сказал Никитин.— Наверное, немецкие кошки понимают один международный язык: кыс, кыс, кыс. Попробуйте. Если не пойдет, немецкий разговорник возьмите.

— А верно, товарищ лейтенант, должна соображать,— кыс, кыс, кыс! — умилялся Ушатиков и, пятясь на корточках, поманил кошку.— Сюда, сюда, я тебе и посудину найду. Сюда, сюда, в угол иди, а то невзначай раздавят тебя сапожищами-то...

— Есть что-нибудь новое, Андрей? — спросил Никитин.— Из штаба никаких слухов? Молчат до сих пор?

Лейтенант Княжко счистил прилипшие к гимнастерке шерстинки, вкось поглядел на стол, сплошь заваленный купюрами, на сосредоточенного Таткина, перекладывающего пачки ровными рядками, на возбужденные лица солдат, которые, окружив Меженина, еще разбирали коробочки с часами, сказал:

— Все по-прежнему. Ни одного приказа. Интересно, где и какой вы банк конфисковали, Никитин? — Он вкладывал в вопрос иронию, но зеленые глаза его оставались серьезными.— В Берлине? Или Кёнигсдорфе?

— Просто хорошо живем, товарищ лейтенант! — откликнулся громко Меженин из гущи солдатской толкотни.— Только никто не завидует, хоть все удобства во дворе, телефон в аптеке! Прошу принять подарочек, гарантия известная — годик простучат!

— И много у вас подобных ценностей?

— Всем хватит, товарищ лейтенант, вагон и маленькая тележка! Возьмите вот эти плоские, на руке глядеться будут. И стрелка секундная есть.

— Ничего немецкого не беру,— суховато ответил Княжко.— Насколько мне известно, Меженин, это предпочитают делать похоронные команды.

— Новенькие, товарищ лейтенант, как из магазина. Не с руки сняты!

— Не имеет значения.

— Ясны-ыть,— протянул Меженин неопределенно.— Дело полюбовное, кому попа, а кому попадью. Наш лейтенант тоже с принципами. Засек!

Сощуриваясь, он завел, послушал часики и, разочарованный, бросил их на стол, они звякнули меж груды коробочек.

— Ну и прекрасно.— Княжко повернулся к Никитину: — Ты позавтракал, вижу? Пройдемся к орудиям. День сегодня отличный. Совсем летний.

— Просто великолепный день, — согласился Никитин и, надевая выстиранную вчера пилотку, предупредил Меженина: — Если из штаба будут звонить, сообщить немедленно.

— Не аристократично, но не плохо придумано,— сказал перед дверью Княжко, кивнув в угол столовой, где усердный Ушатиков на корточках кормил кошку из крышки немецкого котелка, старательно соскребывая с солдатских тарелок остатки пшенной каши.

Был час полного утра, тихие улочки провинциального немецкого городка были по одной стороне горячи, знойны, затоплены солнцем, по другой стороне лежала тень, еще прохладная, еще по-весеннему чуть сыроватая, и здесь в прохладном воздухе был особенно густо разлит сладковатый аромат ранней сирени, белой, пышной, отяжеленно свисавшей над железными оградами. И этот текущий по тротуарам дурманный дачный запах уже смешивался с неожиданными для покойных улочек дымками солдатских кухонь, бензиново-пыльным запахом машин, стоявших цепочкой вдоль подсохших обочин мостовых.

Мирный городок этот давно проснулся, ярко краснел черепицей, золотились стволы сосен, отдавались начальственные голоса старшин во дворах, занятых полковыми хозяйствами, гремели поварские черпаки о нутро отмываемых после завтрака котлов, кое-где в глубине окраинных садов отдаленно завывали моторы тыловых машин. На площади возле кирхи и вокруг на улочках появлялись группами солдаты, совсем по теплу, без шинелей, без ватников ходили посредине мостовых, с интересом разглядывая чужие вывески пансионов под голландскими фонариками, женские шиньоны в зеркальных витринах парикмахерских, опущенные жалюзи закрытых пивных баров, уютно отдыхая, покуривали, сидели на каменных плитах, гладких ступенях кирхи, грелись на солнцепеке, переговариваясь, задирали то и дело головы к острой готической высоте ее кровли, купающейся в теплой голубизне неба.

— Веселый городок,— сказал Княжко, чаще, чем Никитин, козыряя встречным солдатам.— Уютно жили. И вообще прекрасное время май!

Никитин спросил:

— Но где бюргеры, скажи ты мне? В подвалах сидят? Попрятались все? Или сбежали, как мои хозяева?

Это был, по всей видимости, типичный курортный городок, чистенький, удобный, вымытый, с множеством маленьких магазинчиков, ресторанчиков, баров и пансионов, куда на лето выезжали, наверное, отдыхать берлинцы, однако сейчас немецкая речь нигде не слышалась тут, и хотя солдаты, заняв дома, жили в квартирах вместе с хозяевами, повсюду на окнах были еще задернуты шторы, и лишь порой края их осторожно шевелились, когда близкий мотор машины или дребезжание кухни, взрыв хохота или звуки солдатского говора возникали, раздавались на улице.

— Думаю, немцы уже перестали надеяться, что мифическая армия Венка спасет Берлин. И все же чего-то ждут в страхе,— ответил Княжко.— По крайней мере хозяева моего дома перепуганы насмерть, еле дышат, ходят на цыпочках, говорят шепотом «Гитлер капут» и мелким бесом заискивают перед солдатами. И юлят передо мной, как перед генералом. Даже пытаются приносить какую-то жуткую бурду «кафе» в постель. Наверняка убеждены, что переживают нашествие Чингисхана. Но немцы есть немцы. Крафт, крафт! Преклонение перед силой.

— А мне любопытно, куда смылись хозяева моего дома,— проговорил Никитин.— Все оставлено — и никого.

— Ну вот тебе представитель арийской расы, легок на помине,— сказал Княжко, морщась.— И, кажется, навеселе.

Навстречу, в узоре тени железной ограды, за которой неудержимо, буйно, снежно цвела сирень, продвигался, непрочно ступая по каменным плитам, пожилой краснолицый немец в черной паре,— он приостановился вдруг, издаги приподнял шляпу, обнажил малиновую широкую лысину и так, не надевая помятую шляпу, начал кланяться покорно и подобострастно, выговаривая заплетающимся языком:

— Guten Morgen, Herren Offiziere, guten Morgen...[1]. Рус карашо, Гитлер капут... аллес... Сталин гут, карашо, Гитлер плёхо, капут,— повторял он с какой-то заведенной пьяной нелепостью заученный набор слов, пока Никитин и Княжко не поравнялись с ним, потом красное его лицо заискивающе задрожало крупными своими морщинами.— Entschuldigen sie, Herren Offiziere, geben sie mir, bitte, eine Zigarette[2]. Рус карашо цигаретте... Водка гут...

— У тебя есть? — строго спросил Никитина некурящий Княжко. — Дай ему. Где он набрался, этот ариец? По-моему, славяне показали широту души. Наверняка.

— Битте. — Никитин раскрыл пачку трофейных сигарет, и немец этот, все не надевая шляпу, тихонечко кончиками ногтей вытянул одну, застонав, сладострастно понюхал ее; тогда Никитин сказал:— Возьмите несколько штук. А, черт, как это по-немецки? Bitte, nehmen sie noch Zigaretten, bitte, bitte![3]

— O! Nur zwei Zigaretten, danke schön, danke schön![4] — заговорил благодарно немец и так же аккуратненько взял вторую сигарету, рассмотрел пачку и воскликнул с притворным недоумением: — O, «Juno», deutsche Zigaretten! Danke schön, entschuldigen sie, bitte, Herr Offizier[5]. Auf Wiedersehen!.. Рус карашо!

И, держа над потной лысиной шляпу, немец долго стоял возле ограды, оборачивался, провожая Никитина и Княжко улыбкой вставных зубов.

— Рус карашо, водка гут. Вот, оказывается, что,— сказал Княжко, на ходу гибким телом гимнаста подтянулся, сорвал за оградой веточку сирени, вдохнул ее дошедший до Никитина холодноватый росистый запах и тотчас сурово сдвинул атласные брови.— Я вот о чем хотел поговорить, Вадим. Еще неизвестно, зачем нас отвели в Кёнигсдорф. Думаю, не так просто. А после Берлина в батарее началась чепуха. Как будто война кончилась, и поголовно обалдели все. Из штаба никаких приказов. Свободного времени полно. Сегодня ночью вышел проверить часового, а его, миленького, на посту нет — оказывается, спит на диване мирным сном младенца и пузыри пускает. Это уже — из ряда вон! Завтра же начну заниматься с батареей усиленной строевой. Хоть чем-нибудь встряхнуть, хоть этим вернуть славян на грешную землю. Иначе превратимся мы тут в умиленных телят.

— Да, — сказал Никитин. — В моем взводе тоже что-то такое ерундовое. Но ты знаешь, я сам не могу отделаться от чувства, что все кончилось...

Они замолчали. По середине мостовой шла группа солдат-саперов, донесся смех, перебористые звуки губной гармошки.

— Твой Меженин, по-моему, занялся одними трофеями,— проговорил Княжко и, переложив веточку сирени из правой руки в левую, ответил на приветствие поравнявшихся солдат; один из них, веселый, хитроглазый, бедово играл «Катюшу» на губной гармошке.— И он давит на всех. Ты это замечаешь?

— Замечаю, но он прекрасный командир орудия.

— Ты либерал — адвокат девятнадцатого века,— сказал Княжко. — Не вижу в этом разумной полезности. Ты командир взвода, и ты должен влиять на солдат, пока не все кончилось...

— Неужели ты думаешь, что еще не скоро кончится?

От закрытого бара на углу под старой вывеской, где был изображен медведь с пенившейся в лапе кружкой пива, они свернули на боковую улочку, всю здесь заставленную машинами артиллерийских тылов, фурами и повозками медсанбата, сплошь заросшую вдоль тротуаров старыми соснами, прошли сквозь их желтую тень, и в конце улочки будто крыши раздвинулись впереди — ослепила глубинная прозрачность голубого волнистого воздуха над полями и погожего, голубого неба с легкими по высоте дымами весенних облаков, засияла солнечная даль молодой травы, разрезанная вытянутым за окраиной городка длинным зеркалом озера в песчаных, как курортные пляжи, берегах,—всюду, до горизонта стоял теплый майский полдень.

— Я думаю,— сказал задумчиво Княжко,— что мы не простим себе, если окажемся в бессильном положении...

Продолжение следует.

[1] Доброе утро, господа офицеры, доброе утро...

[2] Извините, господа офицеры, дайте мне, пожалуйста, сигарету.

[3] Пожалуйста, возьмите еще сигарет, пожалуйста, пожалуйста!

[4] Только две сигареты, большое спасибо, большое спасибо!

[5] О, «Юно», немецкие сигареты! Большое спасибо, извините, пожалуйста, господин офицер.

КАКАЯ ОНА СЕГОДНЯ, СИБИРЬ?

Ю. ЛУШИН,
фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.
Специальные корреспонденты
«Огонька»

ПО КОМПА

СКОЛЬКО В БРАТСКЕ... БРАТСКОВ!

В белом, насквозь промороженном воздухе проступали контуры города — улицы, дома, магазины, какие-то вывески. Все это вдруг уступало лесу, который прорезала дорога, а потом вновь возникали улицы.

«Что это?» — спрашивал я. «Братск». «А проехали что?» «Братск». «Куда же мы едем?» «Да в Братск же».

Вот так раз, удивлялся я, сколько же у них этих Братсков? Мне хотелось взглянуть на знаменитую, самую мощную в мире ГЭС, вызвавшую к жизни город, но ее все не было и не было, пока я не догадался, что она, вероятно, тоже существует в одном из многочисленных Братсков, который мы каким-то образом миновали стороной. Так оно и оказалось.

Окончательно запутавшись, я решил: утро вечера мудренее, распутаю узелок завтра. Но он оказался не столь уж простым, то есть на первый взгляд все объяснялось элементарно. Братск, разумеется, был один, состоял, как и всякий большой город, из нескольких районов, но эти районы здесь расположились далеко друг от друга, никак не образуя целое, зато каждый претендовал на звание Братска. Так их получилось девять. Почему? Удобно ли жить людям в таком городе? Я знал, что почти наверняка могу ответить на эти вопросы сам, и вряд ли ошибусь, но мне хотелось подтвердить свои предположения мнением компетентных людей, старожилов города. Наконец, хотелось понять и почувствовать: сохранился ли в городе тот знаменитый дух братства, спаявший в единую семью людей, построивших ГЭС, и не только ее одну.

МОЩНЕЕ В МИРЕ НЕТ

Так говорят сами братчане, игнорируя вполне резонное возражение красноярцев: «Нет, наша мощнее». Как ни странно, правы и те и другие. Может ли быть такое? Судите сами. Если сравнить годовую работу обеих станций в идеальных условиях, то, несомненно, победителем окажется Красноярская ГЭС. Но дело как раз в том, что Енисей идеальных условий для работы ГЭС не предоставляет, ибо уровень воды в нем непостоянен, а это существенно влияет на выработку электроэнергии. Другое дело Ангара. Недаром ее называют рекой, полной электричества. Она полноводна в любое время года, потому что главный ее источник — «славное море, священный Байкал» — неиссякаем. Она стремительна, ее русло с каждым километром понижается на 20 сантиметров (например, у Волги — семь сантиметров на километр). В этом и заключается разгадка энергетического потенциала Ангары, он-то и позволяет Братской ГЭС по годовой выработке электроэнергии превосходить Красноярскую. Кстати, энергия Братской к тому же самая дешевая в мире. Именно поэтому Ангара выбрана местом для строительства целого каскада гидроэлектростанций — Иркутской, Братской, Усть-Илимской, Богучанской. Уже подсчитано, что вместе они дадут индустриальной Сибири около 70 миллиардов киловатт-часов электроэнергии в год. На что направить такую силищу?

Помню, еще десяток лет назад мы, журналисты, спорили, порой даже возмущались, что вот, мол, построена крупнейшая в мире ГЭС, а куда девать ее энергию, пока не знают. Естественно, я вспомнил о тех давних спорах в разговоре с первым секретарем Братского горкома КПСС Виктором Александровичем Тарасовым и услышал в ответ:

— А вы поезжайте-ка на Братский алюминиевый завод, там увидите, во что превращается мощь Ангары.

И я поехал на БРАЗ, почувствовав в словах Тарасова гордость за завод.

ПРОЧНОСТЬ И ОСНОВАТЕЛЬНОСТЬ

Я стоял посреди электролизного цеха и смотрел на циклопических размеров электролизеры. Изредка вдоль них медленно проезжала машина, подсыпая в ненасытные зевы беловатый порошок окиси алюминия, который проваливался куда-то вниз, чтобы там превратиться в металл. Я не знаю, с чем сравнить ту машину, но по принципу действия это напоминало кормораздатчик где-нибудь на птицефабрике. Только тут «корм» превращался в алюминий. Кто же его «переваривал»?

— Вольты,— ответил директор завода Иван Макеевич Шулепов.

— Кто, кто? — не понял я.

— Под вашими ногами сейчас девятьсот вольт,— засмеялся Шулепов.

— Понятно,— сказал я и как бы невзначай отошел метра на три в сторону.

— Там тоже девятьсот,— прокомментировал мой маневр директор.

— Не по этой ли причине у вас так мало рабочих в цехах? — нашелся я.

— Не сказал бы,— все еще смеясь, ответил Шулепов,— а если серьезно, то мы мечтаем вывести людей из цехов, оставив минимум.

— Кто же будет работать?

— Автоматы, машины. Уже сейчас у нас в каждом корпусе действует система «Алюминий-3», которая автоматически следит за режимом работы электролизеров. Но это только начало.

— А качество? Оно при этом не страдает?

— Скорее, наоборот. Сейчас более половины всей нашей продукции имеет Знак качества. К тому же завод еще продолжает строиться и с пуском последних цехов станет одним из крупнейших производителей алюминия не только в нашей стране, но и в мире.

— Какую часть энергии Братской ГЭС потребляет ваш завод?

— Весьма значительную,— ответил директор,— но вообще Братский территориально-производственный комплекс испытывает сейчас дефицит электроэнергии, поэтому все с нетерпением ждут пуска Усть-Илимской ГЭС.

— Дефицит! — воскликнул я.— Вот так сюрприз.

Я проходил по цехам, смотрел, как лился в ковши раскаленный металл, как выпекали из него в одном месте огромные многотонные слитки (кстати, впервые в стране), а в другом — обычные бруски небольшого размера с оттиском «БРАЗ» на каждом (такие отправляются в 20 стран мира). Я проходил по цехам и никак не мог убедить себя, что все это возникло на голом месте. Просто не верилось. Цеха БРАЗа, ГЭС, сам город Братск, другие его заводы так прочно обжили землю, что, казалось, существовали тут всегда. Сколько я уже видел наших юных советских городов на Дальнем Востоке, здесь, в Сибири, на Урале, которые так же возникали в глухих местах, и всякий раз меня поражала та прочность и основательность, с какой они появлялись на земле. Прочность и основательность тем более удивительные, что возводятся и обживаются города людьми очень молодыми. Я долго думал над этим и пришел к выводу, что дело не в каком-то там феномене, а в закономерности нашей жизни. Письма

■

Здесь, у Кодинского створа на Ангаре, встанет Богучанская ГЭС.

Бригадир комплексной бригады Николай Корначев — ветеран строительства Усть-Илимской ГЭС.

Энергия Братска.

На развороте вкладки:

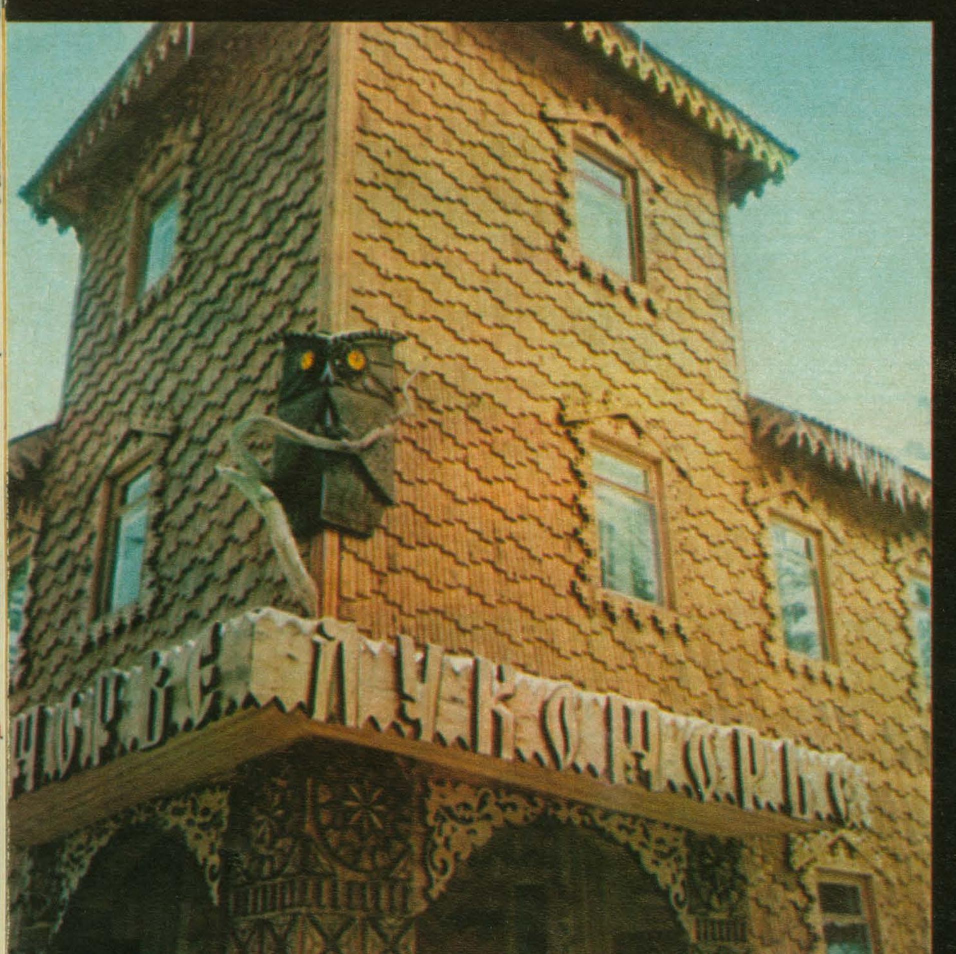
Братский алюминиевый... Гигант среди гигантов.

Огни Усть-Илима.

СУ АНГАРЫ

Риты Власовой, молодого врача, уехавшего от удобств большого города в Сибирь, только утвердили меня в этой мысли.

Друг писал ей из большого города, откуда она уехала:

«Рита, Рита, что тебя там увлекло? Не верю, что тебе нравится не спать по ночам, ездить верхом в тучах мошкары, купаться в ледяной воде. Ритка, милая, пойми: романтика хороша только в книгах. Тайга, тундра, пустыня — для особых людей, фанатиков, правда, сильных физически, но фанатиков, которым так же противен городской уют, как мне их ночлег под холодным небом. Это разница вкусов, и все. В тебе я такого фанатизма не наблюдал, ты горожанка. Так какая разница, где приносить пользу, лишь бы ее приносить. Думаю, что у тебя пройдет, ты пока слепая, но прозреешь и вернешься».

В ответ она писала:

«А кто сказал, что романтика — это мошкара, холодные болота? Нет ничего противнее такой романтики. Романтика — это свойство души. Снега, северные закаты, бег оленей, тундра в цветах — это экзотика. А романтика в том, чтобы уметь радоваться красоте земли, каждой снежинке, травинке, уметь делать честно свое дело и видеть в этом большой смысл. А еще романтика в том, чтобы уничтожить мошкару, все болезни, всю эту ложную «романтику» юрт, северного быта. Этим я, как могу, и занимаюсь...»

Еще она писала:

«Здравствуй, Саша! Ты пишешь о разнице вкусов. Нет, не во вкусах дело, а в отношении к жизни. Никто не осудит тебя за то, что живешь в городе, но не разубеждай других, не отравляй их души своей, извини, несколько приземленной философией. Будь нейтрален, как Швейцария. А я не могу нарушить нашу молодую советскую традицию — когда юные уходят в ветер, ищут, строят и строятся сами, становятся людьми. Когда, как не сейчас, пока плещутся, бьются в тебе силы, одолевать версты, искать и не сдаваться? Ты скажешь: можно искать и в лаборатории, на твоей строительной площадке. Верно. Дело не в городском уюте, не в квартире, которую ты получил. Есть и здесь, на севере, ужи, которым «тепло и сыро». Хуже, когда пусто в «квартире» души. Это я не о тебе, а вообще говорю...»

Строят и строятся сами... Как точно сказано! Познать самого себя, испытать свои силы можно только тогда, когда преодолеешь трудности, познаешь неизведанное.

Представьте себе такую картину. Поздняя сибирская осень, холодный ветер с дождем сечет лицо, не сегодня-завтра ударит мороз, а пока земля-матушка и на землю непохожа — сплошное море воды и грязи. На берег этого моря из подошедшего поезда высаживается молодой человек в модном костюме, плаще и штиблетах. За плечами у него институт, он оставил в Киеве аспирантуру. Сюда, на строительство Коршуновского горно-обогатительного комбината, он приехал, чтобы собрать материал для кандидатской диссертации. Прошло пятнадцать лет. Молодой человек построил и комбинат, перерабатывающий в год 15 миллионов тонн руды, и город Железногорск с асфальтом улиц и комфортом домов на месте моря грязи, и диссертацию защитил, но в Киев не вернулся. Почему? Может, провинция засосала? Нет, «провинция» открыла перед ним такие перспективы, такое интереснейшее поле деятельности, какого не могла обещать столица. Анатолий Николаевич Закопырин, это о нем шла речь, теперь начальник строительства Братского ЛПК — лесопромышленного комплекса — громаднейшего предприятия.

Строят и строятся сами, то есть себя, свой характер строят.

■

Зимний бассейн Братского лесопромышленного комплекса.

Юные устьилимцы.

Терем-теремок.

Людмила Дядюхина — участница ансамбля «Сибирячка» из Усть-Илимска.

УРОКИ БРАТСКА

— Если посмотреть на Братск с позиций нынешнего дня, а тем более завтрашнего, то вывод можно сделать вполне определенный: так создавать города нельзя,— сказал председатель горисполкома Николай Григорьевич Перевалов. Он очень любит свой город, болеет за него, как за дитя родное, поэтому имеет право на эти горькие слова.— В городе сейчас почти двести тридцать тысяч жителей, и рост его продолжается. Братску идет двадцатый год, и для него к настоящему времени создано три генеральных плана (наверное, рекорд для молодых городов). Почему же возник этот трижды генплан? Сначала, когда строилась ГЭС, не знали, какую промышленность развивать в этом районе. Потом началось развитие ЛПК, потом вырос крупнейший потребитель энергии — алюминиевый завод. На всех этих стадиях генплан кардинально изменялся. Было, на мой взгляд, хорошее предложение — разместить город в живописной прибрежной зоне моря, а промышленные предприятия вынести километров за двадцать. Оно не прошло: посчитали — далеко. Теперь же оказалось, что город растянулся еще дальше, причем промышленность приблизилась к жилой зоне. Комплексного планирования и проектирования города не получалось. Известно, что Братск создается на средства дольщиков-министерств — цветной металлургии, энергетики, целлюлозно-бумажной промышленности, лесной и промышленности строительных материалов. У каждого из них есть свой сметно-финансовый расчет — СФР,— в котором досконально перечислено все, на что они имеют право тратить средства. Но ни в одном из СФР нет статей на планирование, на проектирование города, то есть еще на дальних подступах уже как бы закладывается некомплексность его развития.

Город начинается с проекта. Это общеизвестно. У нас же бывало, что к началу строительства отсутствовал не только проект, но и разрешение на строительство у того или иного дольщика, иными словами, не имелось средств. И почему-то у всех промышленных предприятий основная задача — строительство только жилья (естественно, после производственных планов). Остальное никого словно бы не касается. Как же так? А кто будет создавать коммунально-бытовые, культурные учреждения, строить спортивные сооружения? У нас есть расчеты проектных институтов, государственные нормы, наконец, которые предусматривают определенный вклад в развитие города каждого предприятия в зависимости от его мощности. Нам сверх норм не надо. Но мы и до норм-то еще не дотягиваем. В Братске не хватает средств транспорта и связи, нет Дома пионеров, Дома молодежи, торгового центра, театра, Дома быта, Дворца бракосочетаний, крытого катка, школы города работают в три смены... Я понимаю, что не все сразу, не в одну пятилетку, но это же надо планировать.

Теперь посмотрите на карту. Лучший для застройки район у моря пока пустует. Почему? Тут должен стоять Дом связи, на который не выделены средства, хотя почтой и телеграфом пользуются все, здесь — Дом быта, там — драматический театр, высотные дома, площадь Ленина — центр города, одним словом. Как заставить дольщиков заботиться о комплексном развитии города? Возьмем, например, БРАЗ, где работают тысячи человек. Что он построил? У него нет ни одного склада, школы, объектов связи, быта, в жилье вложили средств всех меньше, а в общественный транспорт — ничего. Сейчас БРАЗ начинает исправляться, но ведь не каждого увещаниями проймешь. Нужен какой-то иной, более эффективный инструмент воздействия... И хорошо было бы, чтоб любой план по развитию города не принимался в Госплане без подписи председателя горисполкома. Пусть она не будет решающей, но пусть и председатель выскажет свое мнение.

Я вам все это говорю не для того, чтобы поплакаться в жилетку. Просто Братск не первый и не последний город, который строит наша страна, хочется, чтобы его уроки не пропали даром...

Мне тоже хотелось верить, что ни один из этих уроков Братска не забудется. И, слушая председателя горисполкома, я думал еще о том, что хотя порой нелегко приходится молодому городу, но живет он полной жизнью. И Братск и еще один город, питаемый пока энергией Братской ГЭС и вызванный к жизни строительством другой ГЭС,—Усть-Илимск.

ДНИ И НОЧИ УСТЬ-ИЛИМСКА

Итак, 22 декабря, всего одни сутки из жизни города. День — самый короткий в году, ночь — самая длинная. Чуть развиднелось только к десяти утра. Наверное, не случайно именно этот день стал праздником энергетиков. Кому же, как не им, заливать рано наступающие сумерки светом электричества? На Усть-Илиме нынче и в день праздника идет работа. Напряженнейшая вахта, с каждым часом приближающая пуск первых трех агрегатов... Мимо окон нашей гостиницы круглые сутки спешат самосвалы с бетоном и непрерывно растет мощная преграда Ангаре — плотина. А за огнями бетонного завода, на правом берегу, видны огни будущего лесопромышленного комплекса — большой стройки СЭВ. Ее соавторы — Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния и наша страна.

— Таких комплексов у нас еще не было,— объяснял перед нашим отъездом сюда начальник Братскгэсстроя Александр Николаевич Семенов.— Я имею в виду не мощность его, а другое—новейшее оборудование, современные строительные материалы и уникальный проект: весь завод должен находиться под одной крышей. Поэтому нам, строителям, необходимо будет вводить комплекс весь, а не по частям, как мы привыкли. К тому же и сроки жесткие, так что будет трудно. В 1979 году мы должны уже поставлять странам СЭВ целлюлозу, а к 1980-му — построить 930 тысяч квадратных метров жилья — домов современнейших, улучшенной серии. По сути, на правом берегу поднимется новый город...

Я смотрел в сторону правого берега, туда, где мерцали огни завтрашнего города, и думал: а что же станется с нынешним, уже построенным на левом берегу Усть-Илимом? В декабре, кстати, исполнился ровно год, как он получил статус города, но строится-то Усть-Илим как-никак добрый десяток лет. Давно я здесь не был. Теперь, естественно, не узнаю его улиц, домов, кварталов, потому что все это — новое. Кстати, официально город назван Усть-Илимск, но я зову его Усть-Илим, как и все, кто живет в нем. Когда шла речь о названии, жители города просили оставить привычное. Однако решили иначе. Но ведь город не просто точка на карте, географический пункт, а плод труда, мечты и надежды тысяч людей, воздвигавших его на голом месте и прочно обосновавшихся в нем. Почему-то этих людей не послушали...

А в городской газете стихи:

За что я люблю Усть-Илим?
За гордость ангарских стремнин.
За что я люблю Усть-Илим?
За то, что он стал моим...

Твердя про себя немудреные строчки, я поехал на плотину, спустился на нижнюю эстакаду и пошел по ней с левого на правый берег, к машинному залу. «За то, что он стал моим... за то, что он стал моим...» А ведь в этом, пожалуй, главное, то главное, что заставляет людей, когда нужно, две смены подряд класть бетон, грудью вставать на пути пожара, грозившего плотине прошлым летом, или на пути льда и воды, напиравших на перемычку, как это было в 67-м...

Декабрьский день угасал. Я заметил, что открыты еще два донных отверстия,— значит, уровень моря подошел к проектной отметке и у воды теперь достаточно сил, чтобы крутить турбины. Тут было красиво, у донных отверстий. Со страшной силой Ангара вырывалась из плена и толстыми мощными струями хлестала в зеленовато-голубые торосы, успевшие нарасти на морозе. Над ними висела водяная пыль, сквозь которую слабо очерчивались контуры ГЭС. Я швырнул в поток небольшую доску. Ее словно из пушки выстрелило — и не увидел, куда улетела... Вот силища! Скоро она начнет служить человеку.

Эта мысль владела теми, кто был сейчас в машинном зале. Здесь витало предощущение пуска. Во всем: в точных движениях монтажников, в отрешенности роторщиков, колдовавших во чреве третьего агрегата, даже в приподнятом настроении буфетчиц, строгости контролеров, проверявших недавно введенные пропуска, и суете киношников, от которых нервно шарахались бригадиры. Два агрегата, прибранные, словно невесты, оградили белой лентой и повесили табличку: «Стой! Опасно для жизни». Первый уже работал на холостых оборотах, второй готовили к пуску. Какие-то люди смело ныряли под ленту и что-то такое, понятное

только им, рассматривали у агрегатов. Их жизни, вероятно, это не угрожало. В одном из людей я узнал Анатолия Басова, бригадира роторщиков.

— Толя, десять минут есть?— остановил я его.

— Откуда?— ответил Басов, блеснув стеклами очков. — Нет и не будет до самого пуска.

— Тогда поговорим?— предложил я не очень-то логично.

— Поговорим. Вот сейчас полюс вытащим и поговорим.— А сам двинулся к площадке, где его парни собирали ротор третьего агрегата. Я за ним.

— Да, да, полюс — это важно,— согласился я, имея смутное понятие только о двух полюсах — северном и южном.

— Он пять тонн весит,— просвещал меня Басов.— А тут их сорок восемь штук. Один не выдержал высоковольтных испытаний...

— Менять будете?

— Ну, кто же нам другой даст. Отремонтируем.— Басов сильно затянулся, выпустил облако дыма и... вдруг исчез. Я посмотрел на часы. Прошло ровно десять минут.

Я отправился, чтобы не терять времени, в бригаду Николая Корначева, и второй раз сумел поймать Басова только к ночи. Он стоял среди рабочих, окружавших второй агрегат. Тут явно назревало какое-то событие. Над головами висел плакат: «Слово рабочих — крепкое слово! Пустим агрегаты в срок и толково». Понятно. Ожидается пуск.

— Толя, десять минут есть?

— Нет, конечно,— засмеялся он,— но поговорим.— И мы отошли в сторону.

— Это, наверное, не первая ГЭС в вашей жизни?

— Нет, первая двенадцать лет назад была.

— Здесь, на севере?

— На севере... На Северном Кавказе,— пошутил он.— Но уже тогда я находился на первой стадии увлечения Сибирью и рвался в Братск или в Красноярск. Кстати, повинен в этом ваш «Огонек». Да, да... Жил я тогда тихо-мирно в Архангельске, работал сварщиком и учился вечерами на третьем курсе кораблестроительного института. Вот и прочитал както в «Огоньке», что начинается строительство невиданной еще ГЭС в Красноярске и все такое прочее. Что же это?— думаю.— Просижу тут всю жизнь и не увижу ничего удивительного, а там без меня люди ГЭСы строят. Может, и я смогу? Взял в институте академический отпуск, написал заявление в трест «Спецгидроэнергомонтаж», приготовил валенки, полушубок, шапку. Сижу, жду известий. Приходит бумага: «Зачислен на работу. Выезжайте на Кавказ, на ХрамГЭС-2». Вот тебе и Красноярск. Расстроился немного, да не забирать же заявление. Поехал. А на следующий год уже был в Братске. Вот с тех пор — сибиряк. Академический отпуск, как видите, затянулся, и корабли вместо меня кто-то другой строит.

— Какая же теперь у вас стадия увлечения?

— Что, что? — не понял Басов.

— Ну, вы говорили, что тогда у вас была первая стадия увлечения Сибирью...

— А, вот вы о чем. Сейчас третья. Первая — это когда новичок приезжает в Сибирь и всему умиляется. Ах, снег! Ах, морозы! Ах, кедры! Вторая — когда он в душе восхищается собственной дерзостью и пишет друзьям примерно так: «Здорово, старики. Как там делишки на материке? Москва стоит? Я только что из тайги, встретил медведя, но не дрогнул. Высылаю шкуру бандеролью»... Ну, а третья — это когда...

Басов оборвал себя на полуслове и шагнул к агрегату. Началось! По радио объявили: «Задвижки открыты. Водовод второго агрегата заполнен». На пульте регуляторщиков Анатолия Тихомирова и Вадима Руднева гаснет красная лампочка и вспыхивает зеленая.

— Стержень выведен,— сдерживая волнение, говорит Руднев, и Тихомиров медленно поворачивает штурвал регулировки. Ожили стрелки приборов. Откуда-то снизу, словно бы из подземелья, доносится мощный гул — там моторы привели в действие лопасти направляющего аппарата, Ангара хлещет по ним со страшной силой, медленно поворачивая турбину. С каждым поворотом штурвала зазор между лопастями увеличивается, растет скорость вращения, гул усиливается. Руднев не может сдержать радости и кричит в телефонную трубку:

— Скорость девяносто процентов... Девяносто пять... Все в порядке. Сто... Я говорю — сто!

Вот и все. Второй агрегат поставлен на холостые обороты. Немного обидное слово — холостые. В них, этих первых оборотах, сконцентрирована энергия тысяч людей, их труд, напряжение мысли, радости и неудачи. Разве могут такие обороты быть холостыми?! Я смотрю на Басова. Погасшая сигарета дрожит в его пальцах, он счастливо улыбается. Ведь это его бригада собирала ротор второго агрегата. Мы вместе выходим в ночь. Празднично сияют вместо звезд прожекторы на кранах. Через несколько дней они будут питаться собственным электричеством, электричеством Усть-Илимской ГЭС. Мы молчим. Потом я спрашиваю:

— Что же все-таки такое третья стадия?

— Третья?— откликается не сразу Басов.— Вы ее только что видели. Это праздники и будни работы. Очень мало праздников, и очень много будней. Кто прошел третью стадию, тот остается верен Сибири до конца.

ВПЕРЕДИ — БОГУЧАНЫ

Вертолет летит на север. Смотрю вниз на чистые заснеженные леса по склонам сопок. Сосны, сосны... И Ангара между ними. К северу она становится все шире, раздвигая свои берега иногда до шести километров. Ангара — наш компас, она ведет к Богучанам. Молодой штурман оторвался от карты, посмотрел вниз и, наклонившись ко мне, прокричал в ухо:

— Чем дальше в лес, тем больше ГЭС, да?

В ответ я поднял большой палец. С этой переиначенной местным творчеством поговоркой я уже был знаком. На 70-м километре шоссе Братск — Усть-Илим, где начата вырубка просеки для дороги к новой ГЭС, стоял фанерный щит. На нем теснились одна над другой надписи. «До Братска 70 км». «До Усть-Илима 120 км». «До медведя 30 м». От надписи «До Богучан 260 км» шла на север стрела и стояла приписка: «Нам туда». А еще ниже красовалось: «Чем дальше в лес, тем больше ГЭС».

Вертолет плавно развернулся над маленьким поселком и пошел на посадку. К нему заторопились люди, и по этой спешке можно было предположить, что гости тут пока нечасты.

— Это и есть Богучаны? — спросил я первого встречающего. Он был широк в кости; плотен и приземист, как крепкий гриб. Через минуту я уже знал, что это начальник комплексной изыскательской экспедиции Иван Сергеевич Буров, что изыскивает он не первую и, вероятно, не последнюю сибирскую ГЭС. Хотелось подольше поговорить с бывалым человеком, но времени — в обрез. Утешало одно: стройка — дело будущего, и на ней я еще побываю непременно.

— Это и есть Богучаны? — повторил я свой вопрос.

— Нет,— ответил Буров,— Богучаны в ста пятидесяти километрах ниже.

— Но ГЭС-то тут будет?

— Тут, тут,— успокоил меня Буров,— вон у той сопочки, у Кодинского створа. Тут есть речка такая, Кода, в Ангару впадает. Если же плотину ниже ставить, то на дне моря окажутся месторождения бокситов, титановых и железных руд. А руда богатая, пятьдесят процентов железа в ней...

— Значит, можно ожидать, что, кроме ГЭС, здесь возникнет какой-то промышленный узел?

— Да не какой-то, а довольно крупный, рудники, обогатительные фабрики, лесопромышленный комплекс, город вырастет. Кстати, говорят, что он сразу будет возводиться из панельных зданий.

— А эти домики куда денутся? — с сомнением кивнул я в сторону деревянного поселка, построенного изыскателями.

— Домики уйдут на дно моря. С тем расчетом их и ставили...

Я вглядывался в окружающий пейзаж. Синь близкого леса. Тракторная дорога. Два катера, вмерзших в лед. Бревенчатые дома, из труб вьется дымок. Лайки с закрученными спиралью хвостами. Костер на снегу, и вокруг веселые парни в полушубках («Запишите: мы все — с Хребтовой»). Женщина с коромыслом, и ведра полны воды (к счастью). Сейчас вертолет взмоет вверх и пойдет на юг, и все увиденное начнет стремительно уноситься в прошлое. Я знаю, что оно никогда больше не повторится, и от этого немного грустно. Я знаю, что, когда приеду сюда снова, все здесь будет иным, даже сама Ангара. Все забурлит, забьет ключом. Такова она, нынешняя жизнь Сибири.

О ДЕ ФУ

Виктор ПОНЕДЕЛЬНИК, заслуженный мастер спорта, председатель Федерации футбола РСФСР

Прошло достаточно времени со дня окончания X первенства мира. Более трех месяцев назад закончился и наш XXXVI чемпионат страны. Начался пятый чемпионат Европы, причем начался для нас уже по-привычному — с неудачи сборной СССР. И теперь настала пора поделиться своими мыслями.

После чемпионата мира и неудачного выступления нашей сборной в Ирландии было высказано немало горьких истин, но лишь немногие осторожно, намеками упомянули о самых существенных фактах, объясняющих бедственное состояние нашего футбольного хозяйства, остальные же комментарии вновь и вновь, набивая оскомину, касались лишь мелких просчетов в формировании сборной. Все эти упреки адресуются тренерам, которые вынуждены иметь дело в большинстве своем с игроками, далекими от международных стандартов.

Неудачные выступления нашей сборной и клубных команд в международных встречах, конечно, огорчают любителей футбола, вызывают многочисленные нарекания, в первую очередь обращенные к футболистам. Но смешно в поражениях винить какого-то отдельного тренера или игрока, считая, что ошиблись лишь они.

Сборная СССР — это острие большой пирамиды. Сборная — это не тренеры В. Лобановский или К. Бесков, не врач С. Мышалов или массажист А. Морозов, не игроки О. Блохин или В. Колотов, а отечественный футбол! Неудачи сборной — это неудачи нашего футбола. Нам надо раз и навсегда перестать оправдывать поражения различными второстепенными причинами, закрывая глаза на те существенные провалы в организации нашего

ЛАХ

ТБОЛЬНЫХ

футбольного хозяйства, которые с каждым годом становятся все ощутимее.

Мой многолетний опыт игрока сборной СССР, а ныне спортивного журналиста позволяет утверждать, что, хотя нашим футболистам, которые вынуждены соревноваться с профессионалами самой развитой и высокооплачиваемой спортивной индустрии, не так-то легко добиваться побед, это не может служить оправданием многих неудач, постигших нас в последние годы.

Сборная СССР и ее тренеры (и предыдущие, и настоящие, и будущие) не могут ничего изменить в нынешнем состоянии советского футбола. Дело упирается не только в серьезные организационные просчеты, устаревшие методы тренировок, в отсутствие полноценных учебно-тренировочных баз, в низкий уровень воспитательной работы, но прежде всего — и это, на мой взгляд, самое главное — в нежелание, а может быть, и в неумение местных, профсоюзных и спортивных руководителей развивать и популяризировать футбол.

До сегодняшнего дня многие считают, что футбол в рекламе не нуждается, что нам незачем заботиться о посещаемости стадионов, ведь футбол — «народная любовь»! Все это — заблуждение, и вот доказательство: в 1971 году на пленуме Федерации футбола СССР было заявлено, что в стране насчитывается около 4,5 миллиона футболистов, половина из них юные. Но прошло всего два года, и на новом пленуме мы узнали, что юных футболистов в стране 1,6 миллиона, а теперь установлено, что регулярно занимаются футболом всего 110 тысяч человек...

Вот пример отношения к футболу лишь в одном из российских советов спортивных обществ — в «Трудовых резервах». Три-четыре года назад в этом спортивном обществе работали 24 штатных тренера по футболу. Команды успешно выступали не только во второй, но и в высшей лиге. Питомцы «Трудовых резервов» появились в сборной СССР. В московском «Спартаке» заиграл полузащитник Булгаков, в «Торпедо» — Соловьев и Пловихин, в «Динамо» — Пудышев, у киевлян — Колотов. Но вот руководители общества вначале сократили число тренеров до 17 человек, а в прошлом году произвели еще одно, на этот раз двойное сокращение, фактически ликвидировав секции футбола во многих городах. К сожалению, не лучше с развитием футбола и во многих других спортивных обществах, и так как массовость и мастерство понятия неотделимые, то и уровень сборной команды начинает снижаться. Не случайно французский еженедельник «Франс футбол» ставит нашу сборную в квалификации сильнейших европейских команд 1974 года на 24-е место. Печальная, но, увы, справедливая оценка.

Что же надо делать? Прежде всего необходимо перестроить футбольные клубы высшей лиги. В начале прошлого года президиум украинского совета «Динамо» одобрил предложение тренеров команды о создании при Киевском совете общества специализированного футбольного центра — прообраза нового клуба.

Что же предложили молодые специалисты? По их мнению, структура нынешних футбольных команд высшей лиги устарела и не учитывает того, что футбол становится своеобразным театральным зрелищем и, как любое зрелищное предприятие, находится в сфере неумолимых экономических законов, а нам пока нечего противопоставить высокоразвитой футбольной индустрии Запада, уверенно осуществляющей свою политику. Это понимают многие специалисты, которые не имеют возможности влиять на создание четкой юридической организации новой структуры клубов и их материальной базы.

Парадоксально, но факт — специалисты футбола оказались «вне игры»! И причина этому ясна: футбол не входит в программу массовых спартакиад, не приносит зачетных очков, а значит, призов и грамот и поэтому занимает одно из последних мест во всех планах любой спортивной организации. Это положение даже закреплено в принципах определения победителей социалистического соревнования между спортивными обществами. Шкала начисления очков здесь такова, что достижения, скажем, одной гимнастки или штангиста оказываются намного весомее успеха целой футбольной команды, даже такого клуба, как киевское «Динамо».

Не удивительно, что при подобном отношении к футболу с каждым годом сокращается число занимающихся, стареет его материальная база, уменьшается выпуск качественного инвентаря для команд мастеров и для юных футболистов, уничтожаются футбольные поля, слабо ведется подготовка специалистов для детского и юношеского футбола. А все эти организационные неурядицы и прорехи местные профсоюзные и спортивные руководители пытаются залатать с помощью меценатской опеки. Другого выхода у них просто нет. И чтобы этот выход появился, необходимо определить правовые нормы в отношениях руководителей футбольных клубов с руководителями спорткомитетов, директорами крупных предприятий. Только тогда у нас исчезнет из обихода словечко «меценат», только тогда не будет места некомпетентному вмешательству посторонних лиц в дела тренеров и Спорткомитету СССР не придется принимать постановления о снятии с первенства СССР той или иной команды, в которой меценатствующие покровители, не обладающие специальными знаниями, развалили всю учебно-тренировочную и воспитательную работу.

Определенные правовые нормы не позволят привлекать к работе в клубах мастеров,— как это еще нередко бывает в наших командах всех лиг,— тренеров низкой квалификации, особенно из числа бывших футболистов, не знакомых с методикой современного футбола, не имеющих специального образования и опыта педагогической работы. Руководители клубов должны получать возможность полноценного отбора тренерских кадров не только для работы с мастерами, но и для работы с детьми и юношами. Тогда-то и стабилизируется учебно-тренировочный процесс.

Итак, киевляне, чемпионы и обладатели Кубка СССР, вплотную подошли к созданию футбольного клуба нового типа. Построена великолепная тренировочная база, укомплектована команда мастеров, идет подготовка резерва, опытные люди следят за каждым молодым футболистом, который появляется в той или другой команде. Постепенно осуществляется сложная задача объединения в одно целое команды мастеров и групп подготовки со специализированной футбольной школой и школой-интернатом с футбольным уклоном. Хозяйственные организации призваны полностью обеспечить материальную базу, и такое слияние спортивных и хозяйственных подразделений позволит урегулировать все правовые, финансовые, бытовые отношения, необходимые для успешной работы клуба высшей лиги.

Все, о чем я пишу, не новость. Наши друзья в ГДР и Польше уже провели подобную перестройку в своих клубах высшей лиги и добились многого, не случайно на X чемпионате мира их сборные команды оказались грозными соперниками для грандов мирового футбола.

Я имел возможность подробно познакомиться с организацией футбола в этих странах. Вот примерная схема футбольного клуба: совет клуба, куда входят исполнительный директор — заместитель председателя спортобщества, тренеры команд мастеров во главе с главным тренером, пресс-атташе, завуч специализированной детско-юношеской школы, директор школы-интерната, заведующий финансово-хозяйственным отделом, помощник исполнительного директора по воспитательной работе, научный консультант, заведующий рекламным отделом; директор стадиона—помощник исполнительного директора по строительству. У нас же ответственность за развитие клубного футбола, за положение дел в командах мастеров, в юношеском или детском футболе или в коллективах физкультуры делят между собой и спорткомитеты, и федерации, и профсоюзные организации.

Думая о создании новой организации клубов, надо учитывать и необходимость реорганизации Управления футбола Спорткомитета СССР и Всесоюзной федерации футбола. Они представлены в Международной федерации футбола и в УЕФА (Европейская ассоциация футбола) и именно поэтому должны осуществлять руководство сборной и координировать действия всех клубов, решать вопросы не только обеспечения всех сборных команд (первой, олимпийской, молодежной и юниорской), но и планировать перед началом сезона международные встречи для сборных и клубов, а также создавать материальный фонд для развития массового футбола на местах. Хорошо было бы в составе членов президиума федерации иметь представителей крупных промышленных министерств.

Киевляне сделали первый шаг, и их примеру должны последовать и другие. От того, насколько оперативно удастся спортивным и профсоюзным организациям решить все эти вопросы, во многом будет зависеть наше дальнейшее продвижение к высшим футбольным вершинам.

Игорь БЕЛЯЕВ

Многое изменилось в Израиле за последние год-полтора: ушло в отставку правительство Голды Меир, стоявшее у власти пять лет. По рекомендации специальной комиссии кнессета (парламента) во главе с председателем израильского Верховного суда С. Агранатом, занимавшейся расследованием причин поражений израильской армии в октябре 1973 года, покинули свои посты начальник генерального штаба генерал Элазар, руководитель военной разведки генерал Зейра и его помощники. До «выяснения всех обстоятельств» отстранен от исполнения своих обязанностей генерал Гонен, командовавший Суэцким фронтом. Уволен из армии генерал Таль, в прошлом начальник Главного оперативного управления генштаба израильской армии.

«КОЗЕЛ ОТПУЩЕНИЯ»

Все большее число израильтян заявляют о том, что устали от войны. Они выступают за мир на Ближнем Востоке, за политическое решение всех спорных проблем с арабскими соседями. Многие еще совсем недавно настаивали на «удержании» арабских земель, захваченных в июне 1967 года и позже. Изменить свою позицию их заставили новые реальности на Ближнем Востоке. Они существуют! Именно эти реальности прежде всего берутся в расчет, когда рядовой израильтянин размышляет о своем будущем. Ставка на войну с арабами как основное средство решения спорных проблем кажется теперь рискованной. Теперь волей-неволей приходится думать о мире.

Израиль с огромным трудом приходит в себя от октябрьского шока 1973 года, когда впервые за четвертьвековую историю существования своего государства израильтяне остро почувствовали, что терпят военное поражение. Не кому иному, а Голде Меир принадлежит признание: «В первые два дня войны («октябрьской».— И. Б.) нам казалось, что мы ее проиграли». Тогда у министра обороны Даяна нервы сдали настолько, что он побоялся снять телефонную трубку и сообщить премьер-министру о падении «линии Барлева». Те самые египтяне и сирийцы, которых презрительно третировали как «нецивилизованных», неспособных к освоению современной техники, не умеющих постоять за себя, показали, что научились воевать. Да, да, научились! Причем куда быстрее, чем можно было вообразить! Теперь об арабах в Израиле начинают думать и говорить иначе. Правыми сегодня оказываются те, кто призывает к поискам действительно реальной основы мирного сосуществования с соседями.

От заносчивости и ничем не прикрытого восхищения самими собой к признанию жизненной необходимости считаться с правами арабов — такова канва происходящей смены настроений. Разумеется, это только начало... Многие еще верят в правоту «ястребов», шовинистически настроенных лидеров реакционного альянса «Ликуд», получивших изрядное число мандатов в кнессете.

Комиссия Аграната не нашла ответа на вопрос: кто виноват в поражении 1973 года? Члены комиссии пока назвали лишь «козлов отпущения». Да и то не всех! Они очень старались не задеть израильский цех военно-политических лидеров, кто в течение многих лет вершил судьбы страны.

Одной из самых приметных новостей за последнее время в Израиле было сообщение о том, что генерал Даян, министр обороны в кабинете Голды Меир, остался «за списком» членов правительства, сформированного Ицхаком Рабином. Мало этого. Когда недавний кумир израильтян лишился своего поста, на котором очень хотел и рассчитывал остаться, никто словно и не пожалел об этом. Бывшего министра обороны подвергли уничтожающей критике за поражение израильской армии в первые дни этой войны. Однако свести все дело к «неудачам» и просчетам Даяна не удалось. Критические настроения коснулись более широкого вопроса. А именно: куда завело Израиль доминирование генералов в политическом руководстве?

КТО ПРАВИТ ИЗРАИЛЕМ!

Довольно широко распространено мнение, что в Израиле якобы действует устойчивая буржуазно-демократическая традиция: в стране существует парламент (кнессет), многопартийная система и прочие обычные атрибуты такой традиции. Как в кнессете, так и в правительстве не так уж много профессиональных военных. Тем не менее израильские генералы никогда не были лишь послушными исполнителями воли штатских политиков. В последние годы они откровенно навязывали стране свой курс. В частности, упорное уклонение Израиля от какого бы то ни было политического урегулирования ближневосточного кризиса — один из результатов этого курса.

У сведущих израильтян на этот счет совершенно определенное мнение. В книге Ю. Элицура и Э. Салпетера «Кто правит Израилем?», вышедшей в Тель-Авиве, констатируется особая роль военных в этой стране. Причем дело не только в том, что после службы в армии перед высшими израильскими офицерами зажигается «зеленый свет» для занятия руководящих постов в частных компаниях, фирмах или на государственной службе. Все, что связано с генералитетом Израиля, подчеркивают авторы книги, имеет для страны первостепенное значение.

Занимая руководящие посты в армии, высшие офицеры Израиля определяют структуру израильской промышленности, размеры капиталовложений в нее, направление программ развития всей экономики страны. Именно они предписывают (конечно, под предлогом обеспечения «выживания Израиля»!), какую ее отрасль развивать в первую очередь и каким предприятиям оказывать государственную поддержку.

Израильские генералы оказывают решающее влияние на внешнюю политику страны. Министерство иностранных дел Израиля планирует и осуществляет свои важнейшие акции в зависимости от того, кто выступает в качестве главного поставщика оружия ее армии и флоту. Сейчас это США. И Израиль по сей день ориентируется на Вашингтон.

Но, с другой стороны, совершенно очевидно, что «концепция генералов» отражает стремления наиболее воинственных лидеров сионизма. И не подлежит сомнению, что генералы всегда олицетворяли агрессивную суть этих стремлений. В результате после ухода Голды Меир вполне естественно появление Ицхака Рабина в роли главы нового израильского правительства. Нынешний премьер-министр Израиля — профессиональный военный.

Израильские генералы разработали известную концепцию «обороны осажденной родины». Она оправдывает захват любых арабских земель под предлогом «защиты» или «выживания» перед лицом намеренно раздуваемой «угрозы» со стороны соседей Израиля. Концепция оправдывает и даже предусматривает упреждающий удар по любой арабской стране опять-таки в «интересах обороны». История Израиля демонстрирует непреложный факт: почти все находившиеся у власти израильские правительства следовали этой «концепции генералов».

Наконец, израильские военные играют важную роль во всем, что связано с определением общественных настроений в Израиле. Именно генералы постоянно поддерживают как в своих заявлениях, так и во время многочисленных лекций перед студентами, представителями интеллигенции, профсоюзами, солдатами и офицерами (они никогда не пренебрегают возможностью выступить в любой аудитории)· мысль о том, что «подлинный мир» с арабскими странами возможен только тогда, когда гарантируется безусловная военная победа над ними.

«ОСВОЕНИЕ» НАГРАБЛЕННОГО

Едва в 1967 году израильские солдаты появились на восточном берегу Суэцкого канала и западном берегу реки Иордан, на Голанских высотах, как обозначилось стремление Тель-Авива ни в коем случае не отдавать захваченного. Если отбросить нахлынувшее на израильтян неоправданное чувство превосходства над арабами, то вряд ли можно было даже предположить, что соседи Израиля когда-либо смирятся с потерей своих земель и попранным достоинством. Об этом писали многие политические наблюдатели, ученые, журналисты. Наивно было даже предполагать, что Израиль окажется в состоянии вершить судьбы десятков миллионов арабов.

Однако генералы сформулировали и провели через правительство основные принципы действий Израиля на оккупированных территориях Египта, Сирии и Иордании, получивших название политики «открытых мостов». Внешне она казалась неожиданной, «демократической» и даже заманчивой. Каждый араб, живущий на западном берегу реки Иордан, как и за пределами Иордании, мог ежедневно пересекать израильскую границу. И даже работать в Израиле.

Тель-Авив хотел не только обеспечить Израиль арабской рабочей силой, но и приучить мир к

мысли, что никакой борьбы арабов за освобождение своих земель, оккупируемых Тель-Авивом, нет и не может быть. Вместо борьбы, утверждали генералы, между израильтянами и арабами налаживалось бы экономическое и даже политическое «сотрудничество». Израиль занимал бы в нем господствующее, а арабы — подчиненное положение.

Однако «заманчивые» перспективы политики «открытых мостов» не были реализованы. Арабы не поддались на удочку израильских «зазывал». Тем более что оккупационные власти обрушили на арабское население волну насилий, притеснений и откровенного произвола.

Все годы, предшествовавшие «октябрьской» войне, правительство Израиля под влиянием «концепции генералов» оставалось «твердым» в осуществлении политики репрессивных мер в отношении Египта и других арабских стран. «Если мы хотим и если так будет нужно,— заявил М. Даян в 1968 году,— то мы сможем добиться победы, уничтожая мирное население. Арабские города — это не Лондон. Мы находимся немногим более 100 километров от Каира. А присутствие наших войск на Синае сеет ужас среди арабского населения. Стоит нам лишь захотеть, как мы разобьем волю арабов к сопротивлению». Даяну вторил генерал Шарон, заявивший, что «израильская армия способна в течение недели захватить земли между Багдадом, Хартумом и Алжиром». Генерал Ход, командующий ВВС, утверждал, что если победа в «шестидневной войне» явилась вопросом нескольких часов, то можно предполагать, что в следующей войне это будет вопросом минут.

Тель-Авив упорно игнорировал высказанное после июня 1967 года согласие Египта на заключение мирного договора с Израилем на основе полного освобождения оккупированных арабских территорий. В итоге, столкнувшись с нежеланием израильского правительства приступить к политическому урегулированию, в частности, с помощью посредника ООН Г. Ярринга, Египет и Сирия дали в октябре 1973 года продолжавшейся агрессии решительный отпор.

«Демократическая традиция» в действии... Так расправляются с инакомыслящими в Израиле.

Не отдавать захваченного, держать под прицелом арабских соседей — такова суть «политики генералов».

Фото из журнала «Тайм».

ОБРАЗУМИЛИСЬ ЛИ ГЕНЕРАЛЫ!

Приходилось слышать о том, что генералы якобы знали о подготовке египтян и сирийцев к войне в новых условиях. Тогдашний военный министр Даян объясняет свою замедленную реакцию на полученную им разведывательную информацию уверенностью в том, что новая война с арабами продлится не более... шести часов. Что случилось на деле, хорошо известно. Вместо шести часов Даян пережил шесть неприятных дней, отчаянно спасая положение. В результате просчетов и провалов своих генералов израильская армия понесла тяжелые потери. Ее не спас прорыв танков Шарона на западный берег Суэцкого канала и продвижение в сторону Дамаска.

Израиль не смог бы позволить себе роскошь долго продолжать затяжную войну. Все, в том числе экономика страны, находилось на опасном пределе. Полученная в ходе боев американская военная помощь, весьма большая по объему, не решала главной задачи. Трагизм положения для Израиля заключался в том, что тревога его жителей за будущее всей страны росла и уже не поддавалась контролю. Решение Совета Безопасности о прекращении огня многим израильтянам, в том числе тем, кто принимал участие в военных действиях, теперь представлялось благом. В Израиле начался продолжающийся по сей день «кризис доверия» между широкими слоями населения и генералами, между рядовыми гражданами страны и ее политическими лидерами. Курс израильских генералов, а вместе с ними и слишком многих политиков оказался несостоятельным. Базируясь на идее новых территориальных захватов, военном превосходстве Израиля над арабами, противостоянии всем, кто хотя бы на словах позволял себе не соглашаться с целями июньской агрессии 1967 года, он обернулся для израильтян опасным испытанием. Дело в конце концов не только в очень тяжелых потерях на фронтах, напряжении экономики, росте цен, ухудшении условий жизни. В Израиле сейчас наблюдается новый «взрыв» эмиграции из «земли обетованной» — у иностранных консульств стоят очереди желающих получить визы в другие страны.

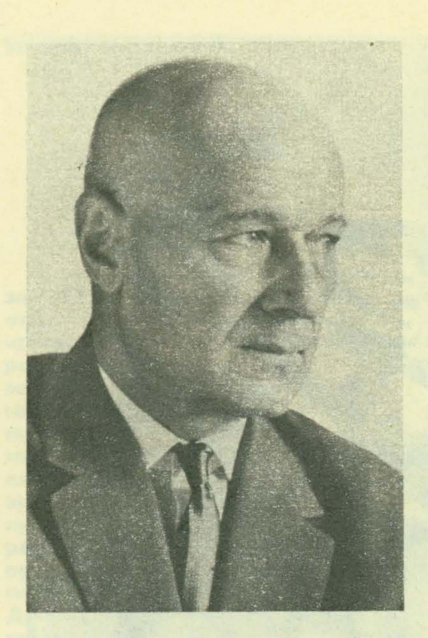
«Политика генералов» не принесла Израилю ни мира, ни выигрыша войны. Ну, а как военная клика? Образумилась ли она? Судя по той лихорадочной политической деятельности, которую она развернула в настоящее время, ничуть.

Израильские генералы, оставшиеся на службе после «октябрьской войны», не хотят уступать. С их точки зрения, новая агрессивная акция против Сирии, например, принесет им «реабилитацию» за поражение в 1973 году. Начальник израильского генштаба генерал Гур вновь «пустил в оборот» доктрину «превентивной войны» против арабов. Клика генералов явным образом тянет к новой войне на Ближнем Востоке.

— Где же логика? — спрашивают многие израильтяне. Генералы, потерпевшие жесточайшее поражение в октябре 1973 года, снова призывают к войне, пагубной для страны.

Новые настроения в Израиле еще распространены не настолько, чтобы захватить все слои его населения. Военная клика еще сильна, она пытается пугать израильтян «арабской опасностью», пытается не допустить распространения этих новых настроений.

Снова и снова в Израиле возникает вопрос: окажется ли в состоянии нынешнее руководство страны понять смысл происходящего на Ближнем Востоке и преодолеть опасные горизонты «политики генералов»? При ответе на него довольно часто напоминают, что Ицхак Рабин тоже генерал...

Николай ГРИБАЧЕВ

РАССКАЗ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА

КОСОЙ ФАЮК

Фамилия у него настоящая, а вместо имени прозвище — как прилепила в детстве улица, так и не отодралось. Косой да Косой, все знают, о ком речь — чего же еще? Рослый, ширококостный, чуть сутулый. Лицом темноват, волос лезет густо, крылья носа нервные, в злости раздуваются, глаза в самом деле косят — глядит, склоняя голову к правому плечу. Оттого, что чуть не до самой женитьбы дразнили, характер сложился колючий, обособленный. Был резок на язык, задирист, какую бы речь ни вел, все с намеком, с подковыркой. Объясняя косину свою, говорил с усмешкой:

— Матка в поле родила, в сноп носом положила, а мне округ поглядеть захотелось. Глаза и вывернул.

Добавлял заносчиво:

— Косо гляжу, да прямо хожу!

Когда укоряли, что живет отшибно, дружбы не водит, в гости не ходит, отбрехивался: «Баба с морквой дружила — в щи положила! Мне самому по себе способнее — чужая дурь в уши не липнет, своя не вылезает». В политике все примерял на свое разумение: царя скинули — так ему и надо, умный был бы, усидел бы; Советская власть помещиков прогнала, землю дала — хорошо сделала, только власть шляпу носит, а мужик пашет да косит. Много от него довелось претерпеть не только соседям, но и сельсовету и позже колхозу — сидел на собраниях аккуратно, слушал, но не было такого решения, которого он не дополнил бы своими домыслами, подчас вовсе диковинными, не перетолковал бы в неожиданном виде. Когда объясняли новую налоговую политику, вылез, оттесняя соседей, к столу, предложил платить не деньгами, а шубами. Громыхнули хохотом, дивились:

— Отчего шубами-то?

— Чтоб овечек больше разводили. А за шубы, если продать, те же деньги и выйдут...

Смеялся при этом и сам Косой Фаюкин, и непонятно было: блажит или по темноте огород городит? Достатка считался среднего, что означало лишь не крайнюю степень бедности — однолошадник, две свиньи, корова с телкой; хлеба если до новины хватало, то и слава те, редко удачливый год. Хата как хата, из осиновых бревен, под соломой, только с затейливо обделанным крыльцом — грубо вырезанные петушки, сердечки, всякие загогулины. Еще лодка в хозяйстве, на которой летом в ночную пору шнырял по реке и протокам, ловил сомов на жареных галок и лягушек.

На шумной сходке, где обсуждался вопрос о колхозе, сидел как бы придремывая, скособочив черноволосую лохматую голову к правому плечу, а когда все наговорились до хрипоты, схватился с места, махнул рукой:

— Пиши и меня, чего там... Давай пиши! По старому порядку хреновина выходила, может, по новому редька получится. Только мне сразу балабон выдайте за ваши деньги.

Балабонами называли плоские, из толстой жести звонки, которые вешались на шею лошадям, чтобы слышно было, где пасется, особенно в ночном. Председатель собрания, человек городской, уже измученный, перемочаленный вопросами и пререканиями, удивился — зачем же балабон?

— Без балабона потеряюсь,— усмехнулся Косой Фаюкин.— Я — конь с затинкой, когда в табуне похожу, а когда и на отбое. Искать долго.

Как впоследствии оказалось, это не было пустобайкой для потехи. Оставляя в колхозе жену и двух сыновей на подросте, он, перелаявшись в правлении, два раза, никому не сказавшись, убегал — первоначально месяцев на шесть, второй раз на полтора года. Только и было вестей, что открытка без обратного адреса — жив. И все же возвращался, посмеиваясь, объяснял:

— У меня, должно, в прародителях цыган был, своей крови подмешал. Как дома, так все думаю — там мне поспособнее да половчее будет. Оттуда гляжу — ну что ты скажешь, тут, дома лучше!

— Цыгане коней меняют, а то и крадут.

— Так это при полной природе, у меня половинка на четвертинку.

— Похвастался бы, как на стороне жил.

— Как в раю жил... Выпивка даровая, вода, значит, а закуска — что достал, то и умял. Работа легкая, как в церкви молишься — кланяйся да кланяйся... Топором в плотницкой артели тюкал.

— А вот возьмут тебя да из колхоза отсеют.

— А решето где достанут? Такого, чтоб я проскочил, еще не сделали... Ляпаешь без разбору — отсеют! Землю, скот, телеги, плуги, бороны сдал? Сдал. Женка да старший сын со всеми вместе спины насаливают? То-то. Значит, и мой навар во щах.

Перед войной жизнь села наладилась, развели бакши с помидорами и огурцами, возили обозами в город, сдавали яблоки, растили на большой плантации махорочный табак — и сытнее стало и деньги начали заводиться. Степеннее делался и Косой Фаюкин, ходил в черной суконной кепке, тяжелых башмаках, городских брюках, посмеивался: «Харч у меня буржуйский, к зиме жиром обложусь, как гусак, шубы не надо!»

Но с приходом немцев в суматохе бомбежек, эвакуаций, движения войск, когда день состоял из грохота и крика, женских причитаний, скрипа телег, гула моторов и коровьего рева, а к вечеру все затягивалось пыльным маревом, растерялся Косой Фаюкин, отбился от людей: взяв жену и посильный скарб в лодчонку, подался сперва вверх по реке, потом протоками в ближние леса. Знал, что кое-кто ушел в партизаны, но не заинтересовался: пусть воюют прямоглазые, а его дело сторона. И, чего доброго, насмешничать будут, за всю жизнь из ружья не стрелял, не знает, с какого боку подходить. Нет, насмеялись по своему времени и хватит. Упустили с горки сани, в гору везите сами. А как уляжется все, устоится, так и видно будет, что к чему. Соседу, сивому старику, сказал:

— На воде недельки две пережду, пока пыль осядет. За хатой приглядишь — рыбкой попотчую.

Отчалил после завтрака, примкнув дверь зеленым со ржавчиной замком; поднявшись версты на полторы вверх по реке, протиснулся кое-где волоком по узкой протоке, поселился на небольшом острове посреди глухих болот. Кругом темная вода с провальными окнами, течеи, камыши, хляби, ни пешему прохода, ни конному проезда. Только кулики пищат, у воды пить просят, да лунь на опушке петляет в сумерках. Выкопал небольшую, лишь бы по непогоде втиснуться, землянку, перекрыл жидким березовым накатником, соорудил постели из елового лапника; мастерил нехитрые ловушки на мелкого зверя, плетухой промышлял карасей и линей. Жира на таком подкорме не нагонишь,— про гусака пришлось позабыть,— но и кость не тает, можно держаться. Жена его Матрена, ростом чуть пониже, но плотная, работящая и выносливая, боязливо намекала, что время идет, надобно или в лесу к людям определяться, или домой подаваться — сколько можно на звериной положении мытариться? Косой Фаюкин фыркал:

— Это у тебя задница по теплой печке зудит, а голову дурь гонит... Вот полетт осень дождями, расхлюстает дороги, засвистит сивером — выкурят наши гитлерюков этих. Они у себя дома набалованные, по шаше на машинах тюрюкали, а тут поухай в грязюке, повырызгайся... До белых мух то ли дотянут, то ли нет. Соображать надо.

Но и белые мухи полетели — после нахрапистых холодных дождей, в которых лес качался и плыл, как донная трава в озере, после мучнистых утренников, туманивших все вокруг, зима завернула по-настоящему, залепила землю, заскрипела морозами. Карасики и линьки кончились, озеро застыло, плохонькие ловчие снасти, что день, оказывались пустыми. Зайчишка один в неделю попадется — какая сытость? Муку приели, вкус хлеба забывать стали, приканчивалась соль. Одежку, уходя, захватили потеплей, полушубки и летом на таком бедовании к месту, хоть на голой земле спи, а с обувкой не рассчитали, в сапогах при легких портянках на морозе ноги костенеют. Как ни примеривайся, ни изворачивайся, не прожить так-то. Да и болота, когда крепко промерзнут, перестанут быть защитой.

Тогда-то и решил Косой Фаюкин прибиваться к партизанскому лагерю — знал, что он километрах в пятнадцати, иногда оттуда, торя дороги напрямки, забегали попутно разные люди. Что у них делается, какая там жизнь — о том помалкивали, но обнадеживали, что дело найдется.

Уходили обстоятельно, на самодельные подсанки, грубые, «косоротые», как назвал их сам, подобрали весь приклад — чугунки, сковородки, помятые алюминиевые миски, зеленое с обитой краской ведро. Тащили вдвоем, влажный снег на свеях забивал передок, на облизанных ветром пригорках корявые полозья драли землю. Вроде и кладь невелика, а пришлось и попыхтеть и попотеть. За день дотянуться до места не удалось, ночевали без огня в густой еловой чащинке, временами забывались и сном, а больше пришлось стучать зубами. Ночь выдалась непогожая, вьюжная, по вершинам деревьев устрашающе выло, неподалеку, раскачиваясь, скрипела засохшая

сосна,— шкрр, шкрр! — будто кто огромный, с колокольню, шел в намерзлых сапогах. Жена мелко крестилась, бубнила «Отче наш», другого из церковного ничего не знала. Косой Фаюкин язвил:

— Плохо стараешься, норовишь за копейку рупь добыть. Ты из-под навеси ползи на волю, голыми коленками в снег брякнись — может, бог и услышит, небо откроет, летом дохнет. И я бочком пристроюсь...

Сам он в бога не верил, особенно с тех пор, как, выпрастывая невод из коряг, запутался в ячеях крестом и чуть не утонул. Пришлось крестик оторвать, хорошо шнур был не толстый и потлел от пота. Рассказывая об этом случае, прибавлял: «Я ему угождение делал, а он эту сбрую в удавку против меня же обратил. Такая справедливость выходит!» Верующие при таких заворотах плевались, Косой Фаюкин скалил крупные зубы, обещался: «Я и вас всех до пекла доведу!..» Утром поглодали зажаренной впрок зайчатины, мерзлой, со снежным хрустом, впряглись сызнова. Идти по свежему снегу, волнистому, на затишьях сбитому в сугробы, стало тяжелее. К лагерю добрели в сумерках, по морозу — небо под закат расчистилось, поиграло красноватым светом, а потом высыпали звезды и над головой загудели самолеты. Командир отряда, в обындевевшей бороде,— в сутеми и не поймешь, какого возраста,— смотрел на Косого Фаюкина, измотанного дорогой, качал головой, посмеивался:

— В стародавние времена по этим местам святые отшельники жили, те многие годы выдюживали.

Косой Фаюкин, хотя от усталости у него подкашивались ноги, буркнул неуступчиво:

— Будете так воевать, лет десять сидеть и придется. Мхом обрастете.

— Смотри ты, какой стратег! — удивился командир.— Это чем же мы плохо воюем?

— Навоевал медведь в берлоге.

— А что? — засмеялся командир.— Похоже. Ну, да вот теперь ты прибыл, авось получше все пойдет. Только не пойму я — чего ты к нам, обложенным, пожаловал? По зиме языком рожь молотить? Иные остряки в селе остались.

Косой Фаюкин посопел:

— Престарелые и остались... Да придурки, которые в полицаи подались. Так я с ними по нужде на одном поле не сяду. К тебе тоже не за красивые глаза прислонился — податься некуда.

— Ладно, потом уточнимся. А раз уж прибыл, сдавай свои причандалы в колхоз, становись к делу по способности. Нам дрова для землянок заготовлять надо, воду в бочке из реки возить, печки топить. А жену к поварихам в помощь. Сойдет?

Так прижился Косой Фаюкин в партизанском лагере. Было голодновато, в желудке весь день щемило, да это еще ничего, если бы не безвылазная работа. Жил он в землянке вместе с другими, вставал затемно, когда и в ясную погоду по горизонту ни одного дневного проблеска, только примутненная снежной пудрой синева в звездах; откашлявшись на свежем воздухе от землянечной копоти, выводил из хлибкого стойла — большого шалаша с лапником по рештовке,— запрягал в дровни серую кобылу с выпирающими ребрами, прислонясь спиной к обмерзлой бочке, ехал на реку, обстукивал затянутую льдом прорубь, деревянным полуведерным ковшом на рукоятке наливал воду. Ездить можно было поближе, через поляну к излучине, но командир настрого заказал торить след по открытому — под низкими облаками, как гончие, шныряли немецкие разведывательные самолеты, вынюхивали и высматривали. Приходилось с километр петлять по ельнику, подпирать плечом бочку, когда сани раскатывало на корневищах. И так не раз, а четыре или пять на дню, спозаранья утром или поближе к ночи.

После завтрака, проглотив миску кулеша, часто на одной воде, синеватого, с пшенной прогорклостью, ехал Косой Фаюкин за сушняком подальше от лагеря, в чащобы по краю болотистого ручья. Его напарник Михайло Кузовков, одноногий, на деревянной култышке,— прочее по колено отхватило давно, когда воевал на Тамбовщине с антоновцами,— был поневоле неухватист, но по первости не унывал. Даже над увечностью своей пошучивал:

— Тебе два сапога нужны, а мне один — выгода, у тебя две ноги мерзнут, а у меня одна — прибыль.

— Ага,— соглашался Косой Фаюкин.— На этой войне другую оторвет, совсем благодать. Сапоги — они вон почем, лет за пять на корову набежит! А если к тому и голову отхватит, совсем кум королю, на харчи тратиться не надо.

— Тут все могут,— легко соглашался Михайло Кузовков.— То ли мне, то ли тебе. Железяка разбора не делает, ей все одно.

— Ну! — одергивал Косой Фаюкин, шагая, чтобы не обременять лошадь, за розвальнями, в которых на березовых или сосновых чурках сидел Михайло Кузовков.— Умную голову, как моя, в десять раз меньше берет. А она еще заговоренная. Никому не открывался, тебе первому.

— Баба, что ль, какая нашептала?

— Бабы мне про другое шептали. Сам ежели мужиком был, догадаешься. А это, когда из колхоза убегал, пешеходящий один при Свенском монастыре. Про монастырь, небось, слыхал? Охудал и разрушается, но служба бывает и пришлый народ во дворе табунится. Так один такой костлявенький, в серенькой волосне, как пушок осотовый, дунь и улетит, сам назвался. «Я тебе,— говорит,— неуязвимость полную ото всего сделаю: от дурного глаза, от ворожейной порчи, от змеиного яда, от железа, от водяной беды. За один рупь». «Рупь,— говорю,— я тебе в ладонь хлопну, если удостоверение с печатью выдашь, а так тридцать копеек бери». Неуступчивый попался, на полтиннике сторговались. С тех пор, сколько живу, пальца не порезал, шкуры на волос не подрал. Когда эвакуировались, гитлерюк бомбу на меня спустил, прямо в макушку жудит — ну, думаю, сей момент располовинит, обжулил меня старичок свенский. А потом дотумкал — в шапке я, не распознала она сверху, что к чему. Снял ушанку, и что ты думаешь? Разглядела, отвиливать стала, отвиливать да как в речку жахнет! Еще и соменка глушеного подобрал, жарево устроил...

Про костлявенького старичка и его заговоры Косому Фаюкину плотник в артели рассказывал, зубоскал и выпивоха несусветный, остальное сам придумал. Говорил, вышагивая за розвальнями, склонив к правому плечу голову, косил глазами на Михайлу Кузовкова — верит, нет? Тот похохатывал, дымя самокруткой, похлопывал рукой по деревянной культе:

— Ну, гнешь, ну, брешешь! — И заключал: — Как в книжке.

— В какой такой книжке?

— Про Кащея... А все у каждого своя слабина есть, напал на нее и — каюк. Или случай выпадет. Я вот с женкой и дочкой в эвакуацию подавался, у меня брат под Воронежем. Да как шарахнули бомбежкой, крик и слезы, метнулся каждый, куда глаза глядят — ветки охапками валятся, сосны кверху кореньями. Светопреставление! Не помню, что и получилось, очухался по ночной росе в ямке с водицей, выдрался из-под березовой макушки — никого кругом. И в голове шум, не соображаю, блукаю без смысла, исхожу сипом, как недорезанный петух: «Анюта, Машка!» А мне только эхо: «А-а-а». Двое из отряда подобрали, сюда привели, а где жена и дочка — не

знаю. Вот и говорю — случай, могло быть, что в тылу на печке отлеживался бы.

— А то на небо попал бы, моя Матрена думает, что там кашу с маслом даром дают. Всего и дела, что молитвы гундосить, а харч идет...

Загрузив дровами сани, Косой Фаюкин по первости возвращался один, оставлял Михайлу Кузовкова в лесу, чтобы лишний раз культей снег не толочь, а уж во второй или, когда доводилось, в третий снова клыпали вдвоем. Останавливали лошадь, чтобы дать отдохнуть, она, немолодая и заезженная, тяжело поводила боками, с хрипом дышала, от намокшей шерсти шел парок. Смотрели, сожалея, сами тоже переводили дух: харч — воробья накормить, годы на плечах немалые, поломано в лугах да в поле вон сколько.

— И для чего такая жизнь? — недоумевал в особо тяжелый день Михайло Кузовков.— Каб водки побольше, жареного-пареного, гульни всякой. Тогда б оно другое дело.

— Не по нраву?

— Так ведь, как вот кляча наша, все в оглоблях ходим.

— Дак помри, и все тут. Кто мешает? А в мой мешок свою мякину не тряси, без надобности. Если же язык чешется, вон лизни на морозе топор с обуха — пройдет...

Косой Фаюкин понимал, что глупые рассуждения эти у Михайлы Кузовкова от тяжкой усталости, но считал, что слезу точить — зря силу изводить. Баба поплачет — ей от веку положено, ее и пожалеть не зазорно, а мужику, который раскиселился, это ни к чему. Тут щекотку из глаз к рукам перегонять надо, в работе пройдет.

И в самом деле, ввечеру Михайло Кузовков, наторевший сносно орудовать шилом и дратвой, как ни в чем не бывало садился за починку прохудившихся сапог и просивших каши солдатских башмаков — тут дел всегда полно: порасквасили в осенних хлябях, изодрали. И, отогревшийся, полусытый, прихлебывая время от времени из кружки чай, заваренный ветками малины, начисто забывал мрачные дневные мысли, бубнил себе под нос забавные поговорки или припевки, из которых особенно часто любил повторять одну — «Батька с улицы идет, матку новую ведет». А Косой Фаюкин, если люди еще были на заданиях или учениях, принимался за свою третью обязанность — топить печки. Большие, из железных бензиновых бочек с коленчатыми трубами, выходившими под земляные козырьки, чтобы не искрило и дым был не так заметен, они накалялись к ночи докрасна. Рассчитывали так — кто и застынет днем по худой одежонке, заколенеет в дозорах и засадах, так до утра отпарится. Молодые бойцы во благодушии, особенно когда водился табак и землянку заволакивало до потолка сизым дымом, пошучивали:

— Взорвешь ты нас такой топкой. На воздух кинешь!

— Гитлерюки вас кинут,— отшучивался Косой Фаюкин.— Вон и нынче, как прояснело, летали, подглядывали — где вы тут? Вам же в него, кроме как матюком, и пальнуть нечем.

— Ты, может, знаешь, где зенитный пулемет достать?

— Знаю.

— Это где же он, твой арсенал?

— Не у меня, у гитлерюков.

— Руки пока коротки.

— То-то, что коротки. В обрез до котелка с кашей и хватает.

— У тебя длиннее?

— Мои на обогреве да водопое мыкаются. Надо будет для пользы дела — отращу.

Языкочесание чаще всего тем и кончалось, но бывало, что своими шуточками доводил Косой Фаюкин бойцов до кипения, до той злости, которая ничего уже не разбирает, и тогда его обкладывали крепкими словами. А он подхохатывал, похмыкивал, ходил довольный — проняло! Втолковывал:

— Теперь вижу — не зря тут харчитесь. Потому что драка без злости — баловство одно. Злость силу дает и страх снимает. Вон теленок добрый, его ногой в бок чкнешь, а он только головой помотает да помыкает. Про гитлерюков сами говорите — настырные, как клещи, всосется в кожу, без крови не оторвешь. Оттого, что против всех лютые. А ты лютее будь, он и попятится. Я в молодости, когда улица на улицу драться сходились, безбоязно под колья шел. Вижу — вот они, иной из плетня вынут, сучочки на нем смертоубийственные. А мне вроде и нет ничего, злостью заслонилось.

— Попадешь под его пулеметы, не то запоешь.

— Чего я петь стану, без времени не угадаешь.

— Да чего собачитесь? — ввязывался в такие минуты Федор Шлыкин, сорокалетний односельчанин Косого Фаюкина, в молодости первый уличный заводила и забияка.— Воду варить — воду хлебать. У нас ведь армия почему отступает? А потому, что военкоматы маху дали, всех главных героев в обозники послали. Копошатся они там, усами шевелят, как тараканы, глянешь — мать честна, от одного страха душа в пятки! Вот как догадается Москва фронтовиков в тыл подать, а обозников на передовую выпустить, в две недели Берлин возьмем и Гитлера на осинке повесим. Кто не верит, давай об заклад биться. На пачку махорки...

При таком поддеве, намеке на его должность начинал горячиться Косой Фаюкин, сбивался с мысли, частил словами и, заметив в какой-то момент, что над ним устраивают потеху,— даже Михайло Кузовков, вынув изо рта щетину, скалится,— вздергивая рыжеватые усы, круто поворачивался, хлобыснув дверью, выскакивал на мороз. В конце декабря ночи стояли холодные, ветреные, по низам мело сухим снегом, сипело и посвистывало, в мглистом небе ходили взад-вперед верхушки сосен и елей. Ни звезды, ни огонька, будто все живое окоченело и только движется, совершая свое страшное и непонятное дело, какая-то невидимая и непостижимая сила, над которой нет никакой власти. Подступала тоска по селу, по своей хате — натопить бы к потемкам, вздуть семилинейку, поесть разварной картошки с солеными огурцами или холодным салом да забраться на печь, на теплые кирпичи. Разве так уж много это для человека, который всю жизнь работал, не скуля и не отлынивая, растил хлеба и скот, сажал яблони, строил? И своим довольствовался, не зарился на чужое...

Нет, выжили из своего дома, вышвырнули, как приблудную собаку за ворота. Сплевывал от бессильной досады, матерился вполголоса. Думал, отчего так выходит? Припоминал — на его веку и с японцами воевали, и с теми же немцами, и со многими другими, и вот опять. Болезнь есть на свете какая, бешенство на людей, что ли? Так следили бы ученые люди, прививки какие-нибудь делали кому надо... Потом приходили мысли о сыновьях — старшем, Степке, и младшем, Сереге: забрали в армию на первой же неделе, сидят, наверное, где-нибудь в окопах, мерзнут, курят в рукав, если, не дай и не приведи, не побили уже. Ни корня, ни корешка не осталось на селе, оборвало и разнесло в разные стороны, как листья в бурю...

Оттопывал так, грустно раздумывая, Косой Фаюкин час или полтора под смутным небом с текучими облаками, среди посвистывания ветра и стылого постукивания веток; зазябнув и не отыскав утешения в нелегких думах своих, возвращался и молча занимал привычное место на сосновых нарах с хвойным настилом. Засыпал, хотя все тело натруженно ныло, не сразу — громко, с переливами, храпел простуженный сосед, кто-то стонал и кричал во сне, словно его душили, басовито гудела железная труба, засасывая и выкидывая в серую беззвездную ночь горячий воздух...

Понемногу Косой Фаюкин, прежде ни дня не служивший в армии, начал разбираться в делах отряда. На крупные стычки с немцами еще не шли, маловато сил, много неопытных, необстрелянных бойцов, туго с оружием и боеприпасами. Налаживали связь с другими отрядами, создавали единое командование. Тем временем вели разведку, устанавливали численность и расположение немецких гарнизонов и частей, следили за железной дорогой, самодельной миной подорвали эшелон, думали, с войсками или оружием, оказалось — со скотом. Подрывников поддразнивали: «С коровами сражаетесь!» Командир осаживал зубоскалов: «Ничего, для заявки сойдет... Нам бы взрывчатки побольше, а руку набьем». Потом узнали, что и почин не они сделали, рвали на левобережье на киевской дороге, на правобережье по гомельской. В Рябиновке, в центре села напротив церкви, связав за спиной руки и заткнув тряпкой рот, повесили на телефонном изоляторе старосту, бывшего бухгалтера — сам напросился на службу к немцам, усердствовал в поборах. Висел с боковиной картонного ящика из-под конфет на груди, углем крупно, наискосок: «Что заслужишь, то получишь». Осадистый, клещеватый ногами рябиновский конюх, больше недели промыкавшийся в лесу, с обмороженным ухом и ввалившимися щеками, рассказывал:

— Каратели рыскают, хватают без разбору... Село — оно теперь село разве? Могила и могила. Как сумерки, так дверь на клямку, изнутри еще дрыном подопрут, огня не вздувают. Собаки, которые остались, и те не взлаивают, полицаи по ним пуляют.

Немецкие комендатуры, которые до того расстреливали коммунистов и сельсоветчиков, стали зверeть, творить расправы без разбора, по всякому подозрению. На станции Подлужье в отместку за крушение поезда схватили поблизости пятерых престарелых мужиков и двух женщин, расстреляли, трупы для устрашения выложили в ряд на клумбе привокзальной площади. Три дня стекленели на режущем ветру лица, обсеивались мелким, как известка, снежком, наводили ужас на проходящих. Попался в деревне Комягино но разведчик из отряда Сенька Пашенников, но хитрый, с артистическими навыками,— несколько лет был активистом драмкружка при клубе,— разыграл придурка, заговорил зубы конвойному полицаю, сбил ударом в лицо, захватив винтовку, ускользнул в пойменные лозняки. Вслед стреляли, на опушке леса, когда казалось, что ушел, случайно достали пулей с насыпи возле моста, продырявили икру. Сутки волокся к лагерю по глухомани чернолесья, приспособив под костыль рогульку, напоследок километра полтора полз уже в полубреду, обессилевший, то и дело зарываясь лицом в снег. Отойдя после перевязки, докладывал командиру:

— С прежней волей ходить нельзя, через сито цедят и просеивают. На станции в бывшем здании военкомата — комендатура, в селе за рекой, на горе, отряд полицаев человек в тридцать. Командиром какой-то фюрер, помощник — Афонька Капустин из Бочаровки. Выламывается: старикам ли, бабам ли, чуть что — пистолет тычет под нос. Но трогать побаивается, говорят, записку ему подсунули — пришлют, мол, партизаны своих разведчиков, в постели придушат. За реку жителей по дрова не пускают, по логам хмызник, немцы кое-где сады, на топку рубят.

— Люди-то как живут?

— Как в песне... «Догорай, моя лучина»... Зубы на полку, мысли в засолку, язык на замок.

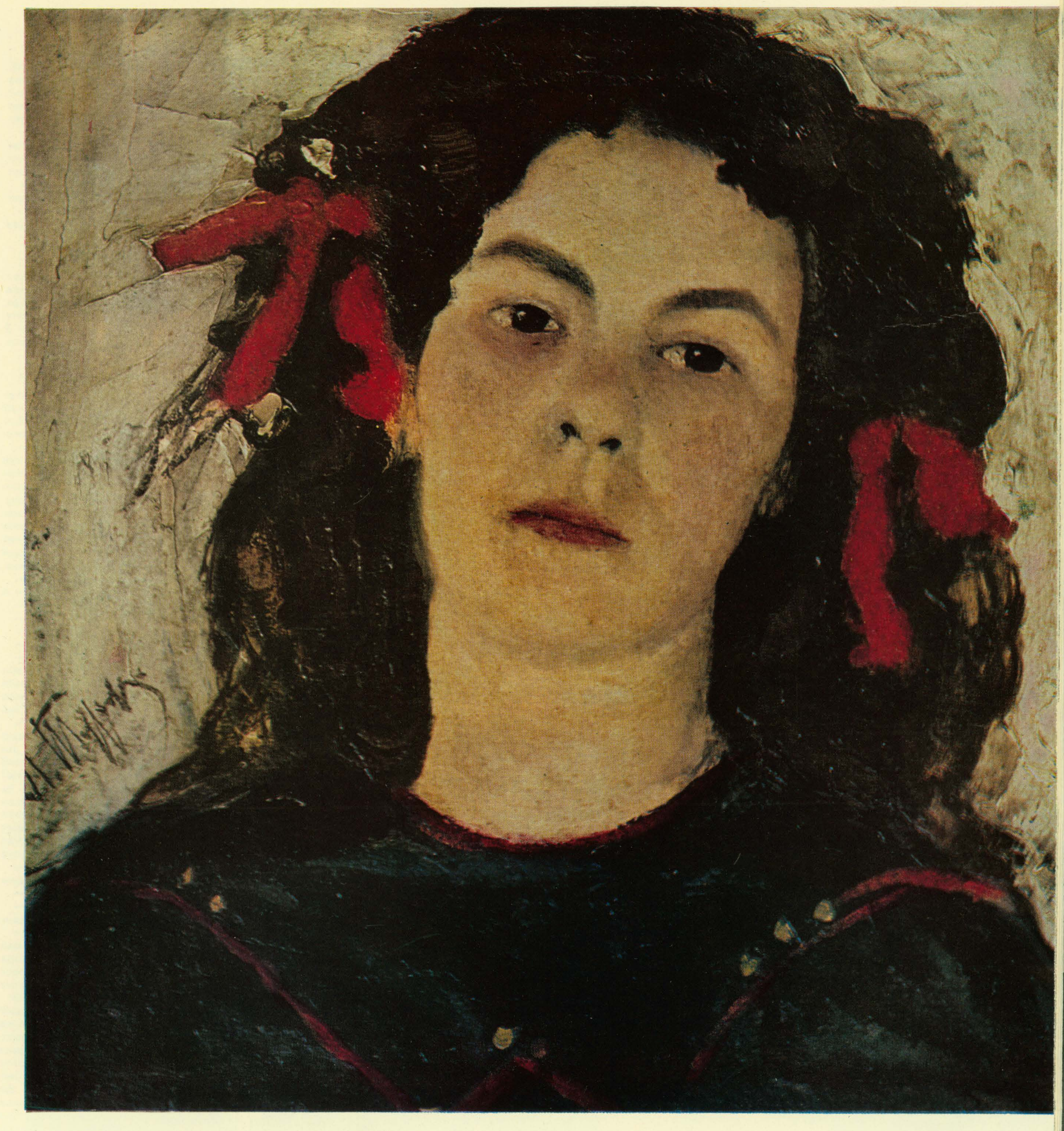
— Про лучину и засолку пустозвонство оставить,— поморщился командир.— Лучинник нашелся! Ты историю-то знаешь?

— Сдавал кое-как в школе.

— Сдал, а себе не оставил. Ночь на улице, вьюга, хата на запоре, темно и холодно — думаешь, люди дрыхнут, во сне бока почесывают? Обобранные, примятые под чужой сапог, они от дедов-прадедов все на памяти перебирают, примеривают, решаются. Знали бы коменданты да полицаи, что тут образуется, у них бы душа в пятки и волосья дыбом. Ветки сшибают да поверху роют, а корни-то во глубях земных, до них добраться — руки коротки... Вот язык на замок — правильно. Нам от того тоже труднее станет, однако ничего, свой своему в глаза поглядит — без слов что надо скажет...

Про похождения Сеньки Пашенникова стало известно в отряде — не военная тайна. Нашлись такие, что кипели от злости, носились с мыслью выпотрошить ночью полицаевское гнездо в селе, чтобы другим неповадно было. Командир охлаждал: рано, рано, недосуг за хорьками гоняться, волк рядом. У него было другое задание — на железную дорогу нацеливаться, к фронту круглосуточно идут эшелоны с войсками и техникой. А это непросто, на охрану немало войск поставили, укрепления построили, у станций и мостов колючей проволокой обмотались. Разведать все надобно до последней амбразуры,— одна незамеченная хлестнет, роту смоет или к земле прибьет,— взрывчатки сотни килограммов накопить, подрывников обучить как следует.

Неделю спустя в землянку командира влез, пригнувшись в низких дверях, Косой Фаюкин.

Л. Туржанский. ПОРТРЕТ В. С. ЛЮБИМОВОЙ. 1913.

Л. Туржанский. АВГУСТ. УРАЛ. 1935.

ТЕЛЯТА. 1936.

36

За это время он еще больше похудел, желтоватые щеки запали ямками, волосы на голове, борода стали серыми, под летнюю заячью шерсть. Скособочившись, смотрел темными строгими глазами, бухал кашлем.

— Здравствуй, отшельник! — кивнул головой командир.— Садись к печке поближе, вижу — прохватило по непогоде. Как там дела идут?

— Мои дела — хвост от помела, красы не жди, а пыль будет.

— Я, когда голиком заставляли хату мести, водой побрызгивал. Чтобы пыли не было.

— Не лясы точить пришел, по делу.

— Ладно, давай твое дело.

— Молодых ребят губишь в разведке,— помрачнев, сказал Косой Фаюкин.— С кем воевать будешь? Со мной, что ли, да Михайлом Кузовковым? Он-то на культе далеко не упрыгает, а я из винтовки в амбар не попаду. В небо, если к примеру взять, это можно, так тебе какая польза?

— Верно, никакой. Ну и что?

— Подумай.

Посапывая пустой трубкой, сделанной на досуге и подаренной пожилым рукоумельцем, бывшим плотником, командир отмерил по тесной землянке три шага вперед, три назад, сел снова, признал:

— Правду говоришь, жалко ребят. И гибнут и увечатся. Сеньке Пашенникову как бы ногу не пришлось отнимать, еще один деревяшкой будет стукать. Думаешь, не понимаю, душа не болит? Болит. Да ведь вот война жалости не знает ни к Сеньке, ни к тебе, ни ко мне. Без разведки же мы тут слепцами станем, попусту голодать и мерзнуть будем. Пока каратели не перестреляют, как кур в курятнике. Не так разве?

— Так,— согласился Косой Фаюкин.— С тем и пришел.

— С чем?

— Меня пошли.

— Тебя? В разведку?

— Меня. Давно об этом думаю.

— А посильно будет? Пятый десяток располовинил, кости, небось, на ходу поскрипывают. Мне годов поменьше, а и то на ходу тяжел, земля ногу придерживает. Да и справишься ли? Грамоты не ахти как густо набрал?

— Сколько дали, столько взял... А дело справлю, я на все памятливый. И своими ногами, когда из колхоза за дурными хлебами бегал, дороги эти промолотил пятками, помню. Твои молодые командиры ясным днем глаз от компаса не отдирают, мне хоть голову в мешок сунь, куда надо дойду и назад возвернусь. С мужиками, с бабами балачки заводить умею: свойский я им, косина глазная от природы прикрывает... Ну, обскажи, что надо, втолкуй — из меня не выронится.

— На страшное дело идешь. Это понимаешь?

— Другие тоже идут.

— Что ж, посоветуемся. Работы не слишком много на тебя навалено? Охудал вон как.

— Ничего, сдюжу. Охудал от злости. По селам гитлерюки над народом изгаляются — кровь стынет. В церквах раньше про сатану говорили, тут хуже, только скопом в смоле не кипятят.

Командир был наслышан о жизни Косого Фаюкина, знал, что в колхозе держался задиристо, с людьми неуживчив, цапался, хотел спросить — передумал, переменился? Решил — не стоит, теперь при общем бедствии, которого в полноте и разумом не обнять, многие менялись — в той же коже, а все несхоже. И в хорошую и в дурную сторону — тихоня какой, воробья в жизни не обидевший, шел, слов не тратя, на смертное дело и управлялся, а иной петух и горлодер, верховодивший на сельских улицах, хвост поджимал. Кто-то обронил при схожем разговоре: «При пожаре дом настежь, перед смертью душа наружу». Видно, так оно и есть. Поэтому сказал Косому Фаюкину:

— Утешать нечем, дело тяжкое. Но и просветы видать — про сражение под Москвой слыхал уже? На сто верст немцы катились, разве что подштанники не теряли... Да это разговор долгий. А сейчас ступай, скажу, чтобы дня на три от водовозки и дров освободили, дух переведи...

Окончание следует.

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИВАНА ЛЕ

БОЛЬШОЙ ХУДОЖНИК

Иван Леонтьевич Ле — один из старейших писателей Украины, один из создателей украинской литературы социалистического реализма. Его романы, повести, рассказы всегда волнуют актуальностью, ярким воплощением идей и событий, становившихся содержанием и смыслом жизни народной.

Безземельный казак Леонтий Мойся оставил в наследство своему малолетнему сыну тяжкую рабочую долю. Сельский пастух, батрак, коногон на одной из шахт Криворожья, землекоп — таковы первые трудовые профессии будущего писателя. Призванный в армию, Иван Ле в 1917 году принимает активное участие в революционном перевороте в Петрограде, а позднее — в борьбе за Советскую власть на Украине. В 1925 году он вступает в ряды Коммунистической партии.

Первые самостоятельные шаги Ивана Ле в литературе относятся к середине 20-х годов, когда он публикует рассказы «Смычка», «Разбойник».

Наиболее значительна из ранних произведений писателя повесть «Юхим Кудря», посвященная борьбе украинского бедняцкого селянства с силами контрреволюции. В последовавшем за ней романе «История радости» увлек читателей образ батрачки Татьяны Долгопол. Ее сложная и богатая событиями жизнь учила, как надо бороться за собственное счастье и счастье таких же когда-то обездоленных тружеников.

Тема интернационального братства народов нашей Родины мастерски запечатлена Иваном Ле в «Романе межгорья». Одним из первых писателей Украины, да и не только Украины, Иван Леонтьевич показал процесс преобразования бывшей российской окраины — Узбекистана, шагнувшего в социализм.

В годы Великой Отечественной войны его повесть «Право молодости», рассказы «Красная звезда», «Шевченко» и многие другие звали советских людей на самоотверженную борьбу с ненавистным врагом.

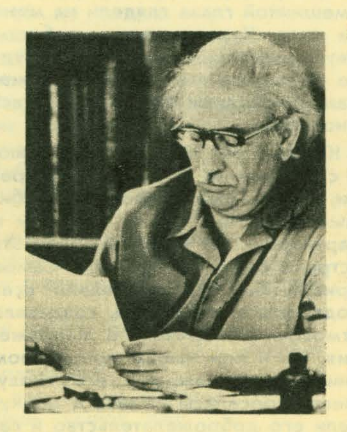
Особое место в творчестве Ивана Ле занимают книги исторической тематики. В свое время он задумал цикл романов, объединенных общим названием «Украина». М. Горький одобрил это намерение писателя, и Ле приступил к серьезной и кропотливой работе. Он уже создал роман «Наливайко» и трехтомную эпопею «Хмельницкий», в которых, как живая, встает эпоха борьбы Украины за свою независимость, за воссоединение с братской Россией.

В 1973 году вышла автобиографическая повесть писателя «Борозда века». Иван Леонтьевич и сегодня полон энергии и новых замыслов. Хочется от всей души пожелать замечательному мастеру крепкого здоровья, больших свершений.

Сергей **КИРЬЯНОВ**

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СУЛЕЙМАНА РАГИМОВА

РОВЕСНИК ВЕКА

В нашей республике давно утвердилось справедливое мнение, что в развитии современной азербайджанской прозы творчеству народного писателя Сулеймана Рагимова принадлежит такая же роль, какую играют в азербайджанской советской культуре и литературе музыка Узеира Гаджибекова, драматургия Джафара Джабарлы, поэзия Самеда Вургуна.

Умение создавать яркие, глубокие картины жизни и самобытные характеры, прекрасное чувство языка и народного духа, стремление донести до читателя все лучшее и светлое из исторического прошлого, освещенного с позиции нашей современности,— таковы характерные черты, свойственные прозе Сулеймана Рагимова. В его талантливых произведениях с эпическим размахом получили художественное отражение важнейшие события общественно-политической и духовной жизни народа, его обычаи и традиции, героизм и мужество в борьбе и труде, постоянное стремление к созидательной работе, миру и интернациональной дружбе. Очень метко назвал Самед Вургун его книги «дальнобойной артиллерией нашей прозы».

Эта «артиллерия» всегда обладала верным прицелом. Творчество С. Рагимова охватывает отрезок азербайджанской истории более чем в сто лет — до наших дней и начиная со второй половины прошлого века, с освободительного движения под водительством народного героя Гачаг Наби, поднявшего соотечественников на борьбу против бесправия и социальной несправедливости.

Сегодня Сулейман Рагимов — автор таких крупных, многотомных романов, как «Шамо», «Сачлы», «В горах Ачбулага», «Памятник матери», десятков повестей и рассказов. Все эти книги — результат огромной вдохновенной работы писателя. Один из героев романа «Сачлы», Годжакиши, тесальщик жерновов для мельницы, утверждает, что всемогущий бог — это труд. Здесь, несомненно, выражена мысль самого автора. Потому что и сам С. Рагимов видит в труде первооснову всей жизни человека на земле.

Творческая энергия Сулеймана Рагимова неиссякаема, словно в могучем кузнечном горне «кует» он характеры героев своих книг, которые несут людям свет мысли, искры жизни, тепло души.

Пусть перо писателя никогда не потеряет своей остроты и творческого вдохновения, пусть голос художника всегда звучит как мощный саз, чисто и звонко.

Гулу **ХАЛИЛОВ**, доктор филологических наук

Баку.

ЧУДО ВДОХНОВЕНИЯ

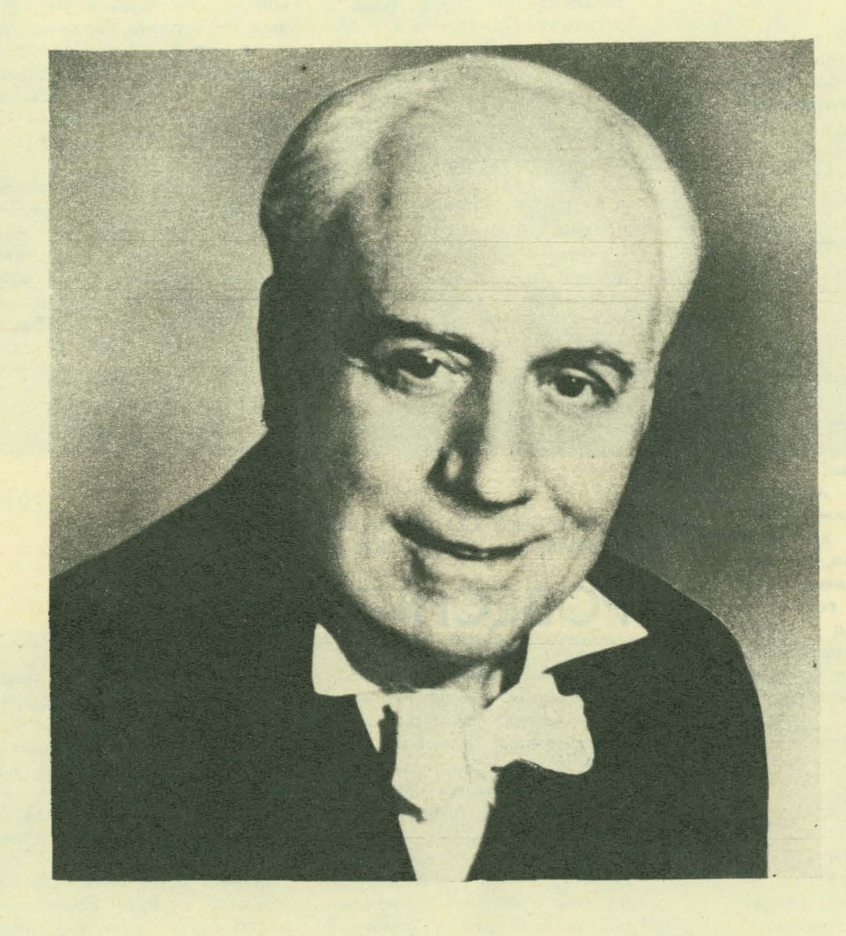
Иван ПЕТРОВ,
народный артист СССР

Бывают в жизни счастливые встречи, которые определяют человеческую судьбу на всю жизнь. Такой для меня в начале сороковых годов была встреча с Иваном Семеновичем Козловским. Совсем еще «зеленого», начинающего певца, меня неожиданно пригласили на пробу в Государственный ансамбль оперы, созданный и руководимый И. С. Козловским.

Кто из нас, тогда еще и не певцов, а только студентов, в тайных мечтах не представлял себя в любимых ролях рядом с замечательным мастером! Мы бегали на галерку в Большой театр и с замирающим сердцем слушали волшебный голос... И вдруг не в мечтах, а наяву добрые, с веселой смешинкой глаза глядели на меня из зала. Куда девалась робость, неуверенность! Этот взгляд будто вдохнул в меня смелость, желание победить! И вот я — артист ансамбля.

Каждый раз, идя на репетицию, я с волнением ждал новой встречи, теперь уже не просто с любимым артистом, а с учителем и партнером, и каждый раз эта встреча была праздником. Самое присутствие его заставляло всех подтянуться, собраться, создавало атмосферу творческого напряжения. Но и при нашем предельном внимании к каждому его слову, жесту бросались в глаза и подкупали его доброжелательство и самоотверженность. Именно эту черту — умение без остатка отдавать себя искусству — настойчиво старался передать Козловский своим товарищам.

Государственный ансамбль оперы Союза ССР стал заметным явлением в музыкальной жизни столицы. Постоянными его «опекунами» были А. В. Нежданова и Н. С. Голованов, С. А. Самосуд. И здесь проявилась еще одна замечательная черта неугомонной артистической натуры Козловского, качества страстного борца за реализм на оперной сцене. Замечательный драматический артист, он был замечен еще К. С. Станиславским и неотступно следовал заветам великого учителя сцены, который считал, что работать в оперном спектакле следует и над вокальной партией и над образом действующего лица в равной мере. Не просто петь, а жить на сцене жизнью своего героя.

Я вспоминаю сейчас блистательный опыт постановки «Вертера» Массне; творческая фантазия Козловского-режиссера подсказала ему смелое решение: соединить на сцене и оркестр и самое действие спектакля. Музыканты, отгороженные легкой ширмой, не мешали зрительному восприятию, не утрачивая, однако, своего главенствующего значения в спектакле, но ведущим здесь оставалось драматургическое действие, правдивое, эмоционально насыщенное.

Постановка «Орфея» Глюка утвердила для театра совершенно необычную попытку, в свое время предпринятую еще Л. В. Собиновым, меццо-сопрановую партию Орфея петь тенору. Для большей убедительности этого эксперимента Козловский ставил «Орфея» в двух редакциях; один спектакль пела М. П. Максакова, в другом пел он сам. Этот опыт позволил открыть новые вокальные красоты произведения Глюка, интереснейшие возможности для певца-тенора.

«Паяцы» Леонкавалло, «Моцарт и Сальери» Римского-Корсакова, «Катерина» Аркаса, опера, написанная по одноименной поэме Тараса Шевченко,—спектакли следовали один за другим. Постановка «Катерины» была приурочена к празднованию 125-летнего юбилея великого Кобзаря, она стала дорогим подарком для слушателей: роль Андрея исполнял И. С. Козловский; это было воплощение задушевности и лиризма, которыми полна народная украинская музыка. Богатый песенный колорит, с детских лет знакомый и близкий певцу, особенно выразительно подчеркнул поэзию прекрасного творения Шевченко.

В биографиях Козловского подробно описан украинский период его жизни и творчества. Но мне все-таки хочется напомнить об истоках замечательного певческого таланта артиста. Село Марьяновка, что близ Белой Церкви под Киевом,—место, где чарующие украинские напевы рождаются будто из живописнейших красот самой природы. Здесь, в саду возле родной хаты, впервые услышал мальчик мелодичные украинские песни. Пели мать и отец, пели за работой и в часы отдыха... А скоро и звонкий голосок мальчика звучал в школьном хоре.

В годы гражданской войны Козловский, получив диплом Киевского музыкального драматического института, добровольно ушел в ряды Красной Армии. И нес тяжелую военную службу, не теряя жизнерадостности, веселости нрава. Лучший запевала в строю, постоянный участник армейских праздничных выступлений, Козловский завораживал слушателей песнями родной Украины, романсами, отрывками из любимых опер. Здесь же, в Полтаве, будучи еще солдатом, Иван Семенович пришел на оперную сцену. Рассказывают, что Козловский подъезжал к театру верхом на строевом коне, чтобы затем выйти на сцену в роли Ленского или Фауста...

«Дубровский», «Риголетто», «Галька», «Травиата» — оперы, в которых пел Козловский в Полтаве со все возрастающим успехом. Ширился репертуар, крепло мастерство певца. Затем была Харьковская опера, где тесная творческая дружба с такими артистами, как М. И. Литвиненко-Вольгемут, П. К. Саксаганский, М. И. Сабинин, стала своеобразным продолжением школы сценического мастерства и, конечно, помогла дальнейшему познанию себя в искусстве.

Весьма характерным для личности Козловского, для его отношений с людьми является эпизод, происшедший в Харькове. Здесь один из товарищей его по театру получил назначение на Урал с ответственным заданием: создать в Свердловске крепкую оперную труппу; Козловский с радостью согласился помочь другу и уже собирался в путь, когда получил письмо с официальным приглашением дебютировать в Ленинградском театре оперы и балета...

Приведу строки письма, которое написал тогда Козловский управляющему труппой бывшего Мари-

инского театра В. П. Шкаферу: «Несмотря на весьма лестное и приятное для меня предложение дебюта и большую честь, я вынужден отказаться от Вашего предложения, так как связан моральным обязательством с Аркановым, который в свое время дал мне возможность стать солистом Харьковской оперы. Теперь он уезжает в Свердловск для организации там оперного театра. Я с группой артистов решил помочь ему в этом. Прошу меня извинить за то, что не сдержал данного Вам обещания, но, думаю, Вы меня поймете и не будете в обиде...»

Свердловск — старый театральный город. Слушатели здесь умели по достоинству оценивать настоящие дарования, и первые же выступления Козловского на свердловской сцене завоевали артисту популярность. Кроме известного уже репертуара, он здесь поет Хозе в «Кармен», Звездочета в «Золотом петушке»...

Во время уральских гастролей МХАТа о молодом певце-артисте услышал Вл. Ив. Немирович-Данченко; он написал Козловскому из Москвы, предлагая принять участие в большом зарубежном турне вместе с Художественным театром, и снова огромное чувство ответственности, присущее И. С. Козловскому, заставляло его отклонить приглашение; он считал, что должен петь в сезоне, на который был продан абонемент с его участием.

Позднее Вл. Ив. Немирович-Данченко слушал Козловского уже в Москве, на сцене Большого театра в «Ромео и Джульетте». После спектакля между ними состоялась долгая беседа. «Вы необычайно храбрый человек,— сказал тогда Немирович-Данченко.— Вы идете против течения и не ищете сочувствующих, бросаясь в бурю противоречий, которые переживает сейчас театр. Я понимаю, что вам трудно и многое пугает вас, но поскольку вас окрыляет ваша смелая творческая мысль — а это чувствуется во всем — и виден везде ваш собственный творческий почерк,— плывите, не останавливаясь...»

Еще тогда Вл. Ив. Немирович-Данченко опытным глазом увидел в Козловском не только певца, не только прекрасного драматического артиста, но и режиссера, умеющего всегда найти особый ход в своей роли для наиболее выразительной трактовки создаваемого образа. Предвидение великого режиссера оправдалось: блестящим режиссерским дебютом Козловского стало создание Государственного ансамбля оперы Союза ССР.

После Великой Отечественной войны я встретился в Большом театре с моим первым оперным режиссером и учителем. Он по-прежнему оставался добродушным человеком, всегда готовым прийти на помощь к людям, и жизнерадостным и неизменно требовательным, ищущим художником. Для меня незабываемы спектакли, где мне довелось петь вместе с Козловским: «Фауст», «Садко», «Демон», многочисленные концерты.

Служение Козловского искусству столь высоко, что невольно вспоминаешь Фауста. Чудом своего вдохновения артист по-прежнему молод и дерзновенен, полон возвышенных стремлений и фантазий

Иван ВАРАВВА

ПШЕНИЧНЫЙ ЗВЕНИТ ОКЕАН

Краснодарскому поэту Ивану Федоровичу Варавве исполнилось 50 лет. Редакция журнала «Огонек» предлагает вниманию читателей его новые стихи.

●

Теперь моим акациям и кленам
Не хорошеть, склоняясь
за окном.
Мне платит жизнь
Не золотом червонным,
А седины черненым серебром

За пыль дорог истоптанных
Солдатских,
За дым освобожденных
городов,
За тишину курганов
семибратских
И боль моих умчавшихся
годов.

За белый цвет раскидистого
сада,
За крепость зерен, вызревших
В горсти.
За свежесть налитого
винограда,
За все мои тропинки
И пути.

За то, что был любимым
И влюбленным,
Владел штыком, и плугом,
И пером...
Мне платит жизнь
Не золотом червонным,
А седины черненым серебром.

●

В кустах поблекших
Бересклета,
У придорожных двух берез,
Споткнулось радужное лето
И покатилось под откос.

И вот сентябрь стучится
В крышу
Дождями желтых желудей.
И я все явственнее слышу
Осенний ропот журавлей.
Еще не все рулады спеты
Последних птиц в вечерний
час.
В кустах поблекших
Бересклета
Гуляет ветер-верхолаз.

А скоро иней в травы ляжет,
Сады неспешно облетят.
В пустых полях
Январь запляшет
Холодный танец журавлят.
В кустах колючих
Бересклета,
У придорожных двух берез,
Споткнулось радужное лето
И покатилось под откос.

КУРГАН

За дальней околицей
Зноем сморенной станицы
На старом кургане
Застыла могучая птица.
И слушает медные звоны
Колосьев созревших
И давние,
Дальние стоны
Веков отшумевших.

Пшеница
Бежит —
Пшеничный звенит океан.
В пшенице
Лежит
Высокий степняцкий курган.

Курган на Тамани,
Угрюмый орел на кургане—
Свидетели доблестной брани
Тмутаракани.
От моря до моря
Клонились в степи ковыли,
И древние кони
Наездников древних несли.

Пшеница
Бежит —
Пшеничный звенит океан,
В пшенице
Лежит
Продутый ветрами курган.

Однажды в Кубань
Ковыли семена уронили,
И воины
Стрелы в высокий курган
Схоронили.
От старых времен
Остались седые преданья:
Курган за станицей
Да сизый орел на кургане.

Пшеница
Бежит —
Пшеничный звенит океан.
В пшенице
Лежит
Прибитый веками курган.

АМБАР

За хутором,
Где полем ходят тракторы,
Собою и не молод
И не стар,
Стоит, насупясь, прадед
элеватора
Под старой крышей цинковой
Амбар.

Былых времен железные
запоры
На нем и ныне, звякая, висят,
Чтоб не смогли
Завистливые воры
Амбарные сокровища украсть.
Его хозяин, щупая потемки,
Недосыпал ночей незадарма.
Он крякал лишь,—
Под осень от «гарновки»
Дубовые
Ломились закрома.

Давно пусты амбарные
Сусеки.
Не стало ни злодеев, ни воров.

Не скажут даже бывшие
соседи:
Хозяин кто,
И жив ли он, здоров?
Лишь конюх наш
По собственному праву
Худой амбар, телегу и коня
Объединил в отдельную
державу —
Ведь как-никак,
А все они родня.

В амбаре том хранит
он телогрейку,
Ночует под телегой, борода.
На поле воду возит
помаленьку,—
В страду
Нужна холодная вода.

Проходят мимо дизельные
тракторы,
Машины мчат
Дорогой грунтовой.
Стоит, насупясь, прадед
элеватора.
А рядом конь
Кивает головой.

Сергей ВЛАСОВ

К 150-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А. Ф. МОЖАЙСКОГО

ПОДАРИВШИЙ КРЫЛЬЯ

Вы помните, конечно, легенду об Икаре, смастерившем себе крылья и ринувшемся прямо к пылающему солнцу. Икара предупреждали, что это бессмысленно и рискованно, что ни добра, ни прока от такого поступка ждать нечего. Но он все же полетел. Полетел и разбился.

Ну, а если бы Икар существовал на самом деле, много ли пользы было бы от полета, закончившегося так печально? Во всяком случае, он послужил бы хорошим примером. Слабых отпугнул бы. Сильных, уверенных в себе заставил бы взяться за дело, в которое они свято верят, с утроенной энергией.

Александр Федорович Можайский был сильным. Его современники —«икары»— один за другим терпели неудачу. Аэропланы англичан Кейли, Хенсона, французов Пено, братьев дю Тампль, готовые, по замыслу своих создателей, полететь, подобно птицам, терпели аварии, даже не оторвавшись от земли.

Трудно сказать, что принесли эти несостоявшиеся полеты первому русскому авиатору. Польза, несомненно, была: ошибки предшественников учат многому. Но ведь и вред был немалый: неудачи европейских «икаров» вынесли приговор — идея аэроплана изжила себя полностью и не должна возродиться. Большинство инженеров того времени считало: единственный путь развития аэронавтики — это создание аэростатов, летательных аппаратов легче воздуха.

А в это время Можайский продолжал опыты по созданию своего аэроплана. Идея о полете возникла у Можайского в результате наблюдений за полетами парящих птиц. Можайский сконструировал и построил воздушный змей-планер, имеющий форму птицы с распростертыми крыльями, обтянутыми шелковой тканью. На этом планере Можайский совершал бесстрашные полеты.

Впервые в мире человек поднялся в воздух на аппарате тяжелее воздуха. Тройка лошадей тянула телегу, к которой веревкой был привязан парящий над землей человек-птица. Однажды при неудачном приземлении Можайский сломал себе ногу. Далеко не утешением звучали для него слова великого английского физика В. Томсона (лорда Кельвина): «...не имею ни малейшего доверия к каким бы то ни было летательным аппаратам, кроме аэростатов...»

Но первое, что сделал Можайский, едва оправившись после болезни,— приступил к созданию модели аэроплана. Опыты со змеем-планером помогли ему определить размеры несущей поверхности, которая может удержать в воздухе человека. Теперь он поставил перед собой другую задачу: освободиться от веревки, связывающей аппарат с землей. И снова изобретатель обращается к результатам своих наблюдений над птицами. Ведь птица может свободно парить в воздухе лишь после того, как взмахами крыльев сообщит своему телу определенную скорость. И Можайский приходит к выводу, что взмахи крыльев нужно заменить двигателем, способным создать тягу. Для этого он использует воздушный винт.

Можайский отнюдь не был изобретателем-кустарем, оторванным от развития современной авиационной мысли. Он был широко образованным, творчески мыслящим человеком. В своей деятельности использовал всю доступную ему литературу по воздухоплаванию, в том числе и иностранную.

Обширные познания и большой практический опыт позволили Можайскому правильно выбрать схему летательного аппарата. Каких только самых немыслимых форм и конструкций не предлагали тогда зарубежные изобретатели — и даже в виде комфортабельного дома с драконьими крыльями! Своей схемой аэроплана Можайский впервые доказал необходимость пяти основных его частей: крыла, двигателя, фюзеляжа, шасси и оперения. Именно по этой принципиальной схеме создаются и современные самолеты.

Он же первым сформулировал вывод о том, что вес самолета, величина площади его и скорость полета взаимно связаны определенной зависимостью.

Вскоре Можайский понял, что для создания аэроплана потребуется намного больше сил и времени, чем оставалось у него после службы. Тогда с карьерой морского офицера было покончено. «Я желал быть полезным своему Отечеству и заняться разработкой моего проекта,— писал Можайский одному из друзей,— для чего я оставил место своего служения, отказался от другого, тоже выгодного по содержанию и карьере».

Приехав осенью 1876 года в Петербург, Можайский создает первую модель своего самолета. Успешная демонстрация его «летуньи» в Большом петербургском манеже в присутствии многочисленных любителей забав и зрелищ произвела сенсацию. Вот что писал член морского технического комитета полковник П. Богословский: «Быстрота полета аппарата изумительная, он не боится ни тяжести, ни ветра и способен летать в любом направлении... Опыт доказал, что существовавшие до сего времени препятствия к плаванию в воздухе блистательно побеждены нашим даровитым соотечественником... Аппарат при движении на всех высотах будет постоянно иметь под собою твердую почву и ...плавание на таком аппарате в воздухе менее опасно, чем езда по железным дорогам».

Так впервые Можайский практически доказал возможность полета аппарата тяжелее воздуха.

В конце 1876 года Можайский обратился в военное министерство с просьбой выделить средства на постройку настоящего аэроплана. Комиссия министерства, в состав которой входил и Д. И. Менделеев, разрешила выдать Можайскому 3 тысячи рублей. Но по самым скромным подсчетам изобретателя, на постройку самолета требовалось не меньше 19 тысяч. О такой сумме не могло быть и речи, ведь, по мнению авторитетных специалистов главного инженерного управления, создание летательного аппарата тяжелее воздуха было «бесполезным и нерациональным».

Самолет, впервые в истории человечества оторвавшийся от земли, строился в основном на средства самого изобретателя, который был вынужден закладывать личные вещи, продавать свое имущество. Его украинское поместье в Вороновице пошло с молотка.

Если верить оставшимся документам, то постройка аэроплана началась в 81-м году. Так осторожно приходится говорить о фактах, связанных с этой удивительной страницей мировой авиации потому, что работы по созданию самолета Можайского были засекречены военным министерством и почти все документы этого дела по истечении десятилетнего срока были уничтожены.

Однако достоверно известно, что Можайский спроектировал для своей машины два паровых двигателя облегченной конструкции мощностью 10 и 20 лошадиных сил и добился их изготовления. Выбор типа двигателя был для Можайского главной проблемой. И паровую машину он предпочел не случайно. Сегодня она кажется нам примитивной, но в то время с ней не мог конкурировать ни один другой двигатель ни по мощности, ни по весу, ни по надежности.

Первый полет аэроплана Можайского состоялся под Петербургом вблизи Красного Села, летом 1882 года. Вот сохранившиеся воспоминания очевидца этого события Петра Наумова: «Диковинная птица с огромными крыльями вдруг сильно зашумела, завертелись какие-то впереди нее кресты, и она сдвинулась с места, побежала по деревянному настилу, а затем оторвалась от земли и поднялась в воздух». Но через несколько секунд самолет резко изменил направление и налетел на высокий забор, повредив крыло и шасси. Механик, управлявший самолетом (фамилию его установить не удалось), получил при этом увечье.

Многие увидели в результате этого полета лишь подтверждение уже устоявшегося мнения: аэроплан никогда не сможет летать. Но Можайский был в первую очередь инженером. Он видел главную причину неудачи в том, что мощность двигателей была явно недостаточной для такого самолета. И Можайский приступил к проектированию более мощного двигателя.

Но средства изобретателя были на исходе — уже продано второе имение, Котельниково в Вологодской губернии, проданы обручальные кольца, часы.

Создание более совершенного аэроплана велось с огромными трудностями и перерывами. Изготовление нового двигателя, организованное Можайским на Обуховском заводе в Петербурге, шло очень медленно. Сколько бумаги извел Можайский на бесконечные письма, обращения и докладные записки с просьбой ускорить изготовление! Наконец, большинство деталей к двигателю сделано. До завершения работ оставалось совсем немного, и новый самолет должен вот-вот взлететь. И он обязательно бы взлетел, но судьба распорядилась иначе. Можайский заболел крупозным воспалением легких и 19 марта 1890 года на 66-м году жизни умер.

В свое время имя этого человека было легендарным. Но вот ровно через 20 лет после первого полета в Красном Селе полетели братья Райт, и Можайский был записан в неудачники. Его имя изредка упоминалось, деятельность его не анализировалась, а характеризовалась предельно кратко: «Проводил опыты, которые закончились неудачей».

Сегодня Можайского почитают как выдающегося пионера авиации, создавшего первый в мире аэроплан—прообраз современных лайнеров. Многое сделал этот человек огромного энтузиазма и одержимости, но многого он и не успел. Его дело завершили те, кто шел его дорогой.

Александр Федорович Можайский мог бы с полной уверенностью сказать словами поэта:

О, я недаром в этом мире жил!
И сладко мне стремиться из потемок,
Чтоб, взяв меня в ладонь,
ты, дальний мой потомок,
Доделал то, что я не довершил.

Б. СОПЕЛЬНЯК

ПОЛЕТ ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

Ю. А. Гагарин и Н. Д. Анощенко.

Этой фотографии всего четырнадцать лет, но она уже стала исторической. Ю. А. Гагарина узнает, конечно, каждый, а вот лицо человека, на которого он смотрит, известно далеко не всем. Между тем именно он, первый красный пилот-воздухоплаватель Н. Д. Анощенко, стоял у истоков советского воздухоплавания.

...Лето 1920 года. Еще бушует гражданская война, молодая Республика Советов задыхается от голода, тифа и разрухи, но уже третий год работает созданная по указанию В. И. Ленина Всероссийская коллегия по управлению воздушным флотом, организован Центральный аэрогидродинамический институт, начато строительство авиационных заводов. В середине июля, когда в Москву съехались делегаты II конгресса Коминтерна, молодые советские воздухоплаватели решили приветствовать их с воздуха. Реввоенсовет поддержал эту идею и назначил полет на 27 июля.

«Вот наконец и Красная площадь,— вспоминал об этом дне Н. Д. Анощенко.— Глаза тотчас же жадно впиваются в четкий силуэт ярко-желтого воздушного шара, стоящего посредине площади, невдалеке от Спасской башни. По экватору его опоясывает широкая красная лента, на которой ярко горят слова лозунга: «Мир восстал против рабства, нищеты, угнетения. Вождь восставших — III Интернационал».

Площадь заполняется все больше и больше. Вот прошел отряд балтийских моряков, вот колонна спортсменов-инструкторов Всевобуча, за ними идут курсанты пехотных училищ, пулеметчики. Появляются на площади и отдельные группы делегатов конгресса, которые в первую очередь дарят свое внимание нам, воздухоплавателям.

Проверяем подъемную силу аэростата и с ужасом убеждаемся, что он не может поднять корзину с четырьмя пассажирами: мы неправильно рассчитали объем оболочки, да и газ был слишком стар. Вот и пришлось в самый последний момент высадить одного нашего товарища. После этого дно гондолы отклеилось от брусчатки, и аэростат стал подниматься все выше и выше... Красиво, тихо, спокойно. Стрелка барографа уже перешагнула отметку четыре тысячи метров и продолжает лезть все дальше. Когда от недостатка кислорода самочувствие резко ухудшилось, решили идти вниз. Наконец благополучно приземляемся на опушке небольшого лесочка. Добравшись до деревни, мы сейчас же послали телеграмму: «Москва. Кремль, Ленину. Спустившись из заоблачных интернациональных владений на землю РСФСР после первого свободного полета в свободной России в честь II конгресса III Интернационала, первые красные аэронавты пламенно приветствуют вождей международного пролетариата. Красный стяг был поднят на высоту пять тысяч метров. Старт — с Красной площади, в Москве. Спуск — в 15 часов у деревни Щекавцево, у Богородска».

Через некоторое время состоялся первый в Советской стране ночной полет, в котором снова участвовал Н. Д. Анощенко — помощник начальника Воздушного Флота республики. А в 1922 году в честь пятой годовщины Октября в воздух поднялся аэростат «Красная Москва», экипаж которого возглавлял Николай Дмитриевич. Это был беспримерный в то время перелет из Москвы в Карелию: расстояние в 1 273 километра аэростат преодолел за 22 часа 10 минут, значительно перекрыв мировые рекорды дальности и продолжительности полетов.

Но, кроме воздухоплавания, у Николая Дмитриевича была и другая страсть: все знали его как бесстрашного парашютиста. Именно он 5 мая 1917 года первым в русской армии совершил добровольный спуск с аэростата на парашюте. Но особенно важно то, что это был отечественный парашют Г. Е. Котельникова, который, кстати, существенно усовершенствовал подпоручик Анощенко.

А до воздухоплавания и парашютного спорта он увлекался авиамоделизмом. В 1910 году шестнадцатилетним парнишкой он участвовал в состязаниях, да так успешно, что на него обратил внимание отец русской авиации профессор Н. Е. Жуковский. По совету профессора он написал первую русскую книгу, посвященную проблемам авиамоделизма.

Казалось бы, жизненный путь первого красного пилота-воздухоплавателя ясен — авиация. И вдруг в 1924 году он поступает... в институт кинематографии. Николая Дмитриевича уже нет в живых, а объяснить причины такого «виража» мог только он. Но мне кажется, одна из причин бесспорна: видя стремление молодежи летать и понимая, что авиационных школ мало да и специалистов раз, два и обчелся, помощник начальника Воздушного Флота республики решил популяризовать достижения лучших красных летчиков средствами кино. Не случайно еще в 1918 году он был режиссером и сценаристом учебного фильма «Самолет». После окончания института Николай Дмитриевич снял популярные в те годы ленты «Аэростат и работа с ним», «Обучение молодых орлят», «Люди-птицы», «Красный воздушный флот» и многие другие.

Нетрудно представить, как сложно было подниматься в воздух с громоздкой аппаратурой и снимать не просто безмятежный полет, а выполнение фигур высшего пилотажа, как рискованно создавать аварийные ситуации и показывать способы выхода из них.

Фильмы получались интересные, но порой технически некачественные. И тогда Николай Дмитриевич садится за кульман: он создает новые образцы кинотехники, разрабатывает методы авиационной, подводной и ночной съемки. Заодно создает систему цветного кино «Спектроколор», по которой вскоре сняли первый советский цветной фильм «Праздник труда».

Шли годы... Николай Дмитриевич стал профессором ВГИКа, заведующим кафедрой операторского мастерства, но с авиацией не порывал. Он часто встречался со своими старыми друзьями О. К. Антоновым, С. В. Ильюшиным, А. Н. Туполевым, А. С. Яковлевым.

А когда в космос поднялся питомец его давнего товарища С. П. Королева, Анощенко поспешил на Красную площадь, которая когда-то приветствовала его самого и вот теперь — Юрия Гагарина. И вскоре состоялась та символическая встреча первого красного пилота-воздухоплавателя с первым космонавтом, в память о которой нам осталась вот эта фотография.

Анатолий **ПАПАНОВ**,
народный артист СССР

ДЛЯ ВСЕХ, КОМУ ДОРОГ ТЕАТР

Вышел в свет 400-й номер журнала «Театральная жизнь» Быстро бежит время. Кажется, еще так недавно держали мы в руках первые номера самого массового из театральных журналов. Выходил он тогда, семнадцать лет назад, в скромной обложке, на газетной бумаге, но сразу же привлек к себе внимание не только людей, профессионально связанных с театром, но и великого множества любителей и почитателей театрального искусства. Журнал приблизил театр к зрителям и зрителей — к театру, стал их трибуной.

В годы, когда раздавались голоса пессимистов, предсказывавших постепенное вытеснение искусства сцены кинематографом и телевидением, «Театральная жизнь» — едва ли не единственный печатный орган, решительно воспротивившийся «пророчествам» на эту тему. Вечно живое, непосредственное общение актера и зрителя здесь защищают бескомпромиссно.

Художественное творчество жизнеспособно лишь тогда, когда заряжено положительным идеалом. В искусстве нередко случаются «поиски на стороне»,— временный отход от главной магистрали, попытка ревизовать традиции. Это свойство молодости подметил К. С. Станиславский. Здесь-то и нужен умный, научно обоснованный противовес. Здесь-то и необходимо, не разрушая поиска молодых, направлять их к главной магистрали. Не утрачивая высоких критериев, созданных предшественниками, журнал «Театральная жизнь» выступал с критикой различных «новаций», не оправданных ни образом жизни, ни мировоззрением советского народа.

Бывали на этой почве споры и даже ссоры в театральных кругах, да и я тоже не всегда соглашался с некоторыми критическими высказываниями на страницах «Театральной жизни»,— но ведь в этом и достоинство журнала. Хуже другое. Хуже, когда критика привычно похваливает наш труд, а мы перестаем понимать, где наши достижения, где ошибки.

Иной раз прочитаешь в журнале добрые слова о новой пьесе и усомнишься: такими ли уж достоинствами она обладает? Но вдумаешься и поймешь: есть ведь пьесы — разведчики новой темы, которые, быть может, и не столь совершенны, но необычайно ценны именно первооткрытием. Надо отдать должное «Театральной жизни» — она умеет замечать и поддерживать такие пьесы.

«Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстоянье»,— писал С. А. Есенин. Для меня это — формула совершенного искусства и литературы. Разумеется, легче создавать образы, проверенные временем. Отразить нынешний день всегда труднее. Терпение и мудрость критиков и публицистов особенно необходимы современному искусству, его стремительным поискам и находкам, которые могут вдруг обернуться коренным открытием...

Помню, как в крутые для Московского Художественного театра годы, в период переходный для его поколений, «Театральная жизнь» энергично отстаивала все лучшее, чем располагал этот театр. Моему сердцу была близка эта позиция, потому что МХАТ — кафедра русской реалистической театральной культуры, наша школа, родник «живой воды», к которому можно припасть, как и всегда можно припасть к роднику Малого театра.

Журнал уделяет пристальное внимание молодежи: актерской, режиссерской, коллективам народных театров, наконец, молодым зрителям. Мне нравится давняя и добрая традиция «Театральной жизни», где каждый год подробно освещаются результаты выпусков актерских факультетов республики и конкурсных экзаменов. Журнал следит за судьбами молодых актеров, возвращаясь к ним даже и спустя несколько лет. А дискуссии «Театр, семья, школа», «Театр и молодежь», разгоревшись на страницах журнала, выходят в жизнь, привлекают внимание мастеров, театральной молодежи и зрителей.

Как нигде широко освещается на страницах журнала «Театральная жизнь» творческая жизнь театров РСФСР,— художественные достижения и проблемы любых самых отдаленных от столицы коллективов. За этим — разветвленная сеть авторского актива, огромный труд журналистов, объединенных журналом.

Листаю на выбор номера журнала за последние десять лет. Кто же его авторы? Да, конечно, театральные критики, публицисты, мастера искусств, молодые актеры и режиссеры — это понятно. Но среди авторов то и дело встречаются имена знатных рабочих, тружеников сельского хозяйства, партийных и советских работников, инженеров, ученых, врачей. Театр нужен всем, а значит, всем нужен журнал «Театральная жизнь», щедро открывающий свои страницы для диалогов мастеров искусств и критиков, людей театральных профессий и зрителей.

Как читатель и как один из авторов, поздравляю «Театральную жизнь» с выходом в свет 400-го номера.

театр

ЛЮБКИНО СЧАСТЬЕ

Спектакль цыганского театра «Ромэн» «Ехали цыгане», поставленный по одноименной пьесе И. Ром-Лебедева — вторая режиссерская работа Н. Сличенко. После романтической драмы «Грушенька» режиссер в веселой, озорной комедии из современной жизни поднимает большую и важную тему борьбы за душу человека, за воспитание людей нового общества.

...На глазах хорошеет Светлогорск. Хочется жить в таком городе, хочется его строить. И вдруг среди новых, только что отстроенных домов, прямо на газонах возникают цыганские «палатки». До чего же смешными и нелепыми кажутся они здесь, да и обитатели их не менее смешны. Женщины в модных брючных костюмах, темных очках — на первый взгляд цивилизованные люди, якобы приехавшие сюда проводить свой отпуск.

С неподдельным темпераментом старается глава семейства Борзо (С. Золотарев) убедить дружинников Ивана Максимовича (Я. Яковлев) и Димку (С. Чунгаг) в том, что они, может быть, даже останутся здесь работать. Однако скоро становятся явными истинные планы Борзо: нет, не хочет он честно жить. Кончилось время цыганских кочевий, негде украсть коня, зато можно раздобыть автомобильные покрышки, женские сапожки, дубленку, чтобы потом продать втридорога.

Все семейство Борзо «при деле»: и жена Фрося (И. Некрасова) и мать Пятнэ (А. Кононова), и сестра Раница (С. Тимофеева). Но нет мира и благополучия в «таборе» Борзо,— мешает ему дед Кузя (В. Туманский).

Прожил дед долгую, трудную жизнь, много повидал на своем веку и понял, что миновало так называемое «цыганское счастье», когда жили воровством и обманом. Настоящего, человеческого счастья добьешься только честным трудом. Это дед внушает своей внучке, Любке. Широко открытыми глазами смотрит Любка на окружающий мир. Много интересного, непонятного и любопытного в нем...

С большим артистизмом, самозабвенно и смело играет молодая актриса Л. Федоренко Любку — голосистую, непокорную, сияющую ослепительной улыбкой. Актриса нигде не переигрывает. Незабываемое впечатление оставляет танец-импровизация: «умирающий лебедь»: руки-крылья трепещут, тоненькая фигурка натянута как струна... Но вот актриса улыбнулась, взмахнула кистями рук — и понеслась в лихой цыганской пляске.

Не хочет Любка жить в «таборе» и потому убегает от своих родителей с помощью деда Кузи. Хочет она работать, учиться, ходить в кино... Любка должна стать человеком, и помогут ей в этом люди Светлогорска...

Марина ДМИТРИЕВА

**Дед Кузя — В. Туманский,
Любка — Л. Федоренко.**

ЧЕТЫРЕ КОММЕНТАРИЯ К ИНТЕРВЬЮ ДИКА БАТТОНА

— Победа советских фигуристов в Колорадо-Спрингс поражает своей яркостью и убедительностью. И, мне кажется, я знаю, что стоит за этим успехом,— сказал специальному корреспонденту АПН Сергею Попову в интервью для «Огонька» прославленный американский фигурист Дик Баттон, которого западная пресса называет «чемпионом всех времен».

Двукратный победитель олимпийских турниров в одиночном катании (1948 и 1952 года) присутствовал на мировом чемпионате в Колорадо-Спрингс в качестве комментатора телевизионной компании Эй-Би-Си. Достижения советских спортсменов, выигравших три больших золотых медали в четырех номерах программы, заставили зарубежных специалистов искать ответ на вопрос: что представляет собой советская школа фигурного катания!

Дик Баттон так отвечает на этот вопрос:

— Советская школа фигурного катания — это хороший отбор спортсменов, мощный стиль, оригинальное конструирование программ и, наконец, постоянный прогресс.

В ЧЕМ СЕКРЕТ?

С этой лаконичной, но достаточно емкой характеристикой С. Попов познакомил видных советских специалистов фигурного катания и попросил их прокомментировать оценку Баттона.

ВАЛЕНТИН ПИСЕЕВ, НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА ФИГУРНОГО КАТАНИЯ СПОРТКОМИТЕТА СССР, СУДЬЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ КАТЕГОРИИ.

— «Хороший отбор спортсменов» — это, пожалуй, верно. Но тут следует подчеркнуть, что по-настоящему хорошим отбор может стать лишь в том случае, когда есть из кого выбирать и есть кому выбирать.

Еще в 1908 году на Олимпийских играх в Лондоне в произвольном одиночном катании чемпионом стал русский фигурист Николай Панин-Коломенкин, но фигурное катание в нашей стране стало поистине популярным лишь в начале пятидесятых годов. Сегодня им занимаются более 100 тысяч юношей и девушек в различных городах Советского Союза. Они пользуются искусственным льдом более пятидесяти дворцов спорта и специализированных арен, простейшими площадками, которые работают при стадионах, школьных спортивных комплексах и просто во дворах жилых домов. Тысячи тренеров и инструкторов, среди них 800 специалистов высшей квалификации, обучают молодежь мастерству фигурного катания. Как видим, специалисты имеют достаточно широкие возможности для поисков талантливых спортсменов.

ЕЛЕНА ЧАЙКОВСКАЯ, ЗАСЛУЖЕННЫЙ ТРЕНЕР СССР:

— Спортивность и хореографичность — сочетание этих двух начал советские тренеры берут за основу при конструировании программ, с которыми затем выступают спортсмены. Но, разумеется, здесь не может быть единого рецепта: каждый фигурист требует строго индивидуального подхода, чтобы его возможности раскрылись как можно более полно.

Я, например, строя новые программы для многократных чемпионов мира в спортивных танцах Людмилы Пахомовой и Александра Горшкова, всегда иду от музыки. Приходится иногда по 300—400 раз прослушивать различные произведения, которые, как мне кажется, наиболее подходят моим ученикам, прежде чем вырисовывается творческое решение. В первую очередь хореографическое. Потом уже начинаются поиски его интерпретации, приспособления к технике катания.

Знаю, что некоторые из моих коллег, напротив, идут от отдельных элементов, а затем уже подбирают к ним музыкальное сопровождение. Так, в частности, готовятся Ирина Роднина и Александр Зайцев.

Таким образом, единство конструирования программ, характерное для советской школы фигурного катания, заключается прежде всего в разнообразии путей и подходов.

ВИКТОР КУДРЯВЦЕВ, ЗАСЛУЖЕННЫЙ ТРЕНЕР СССР:

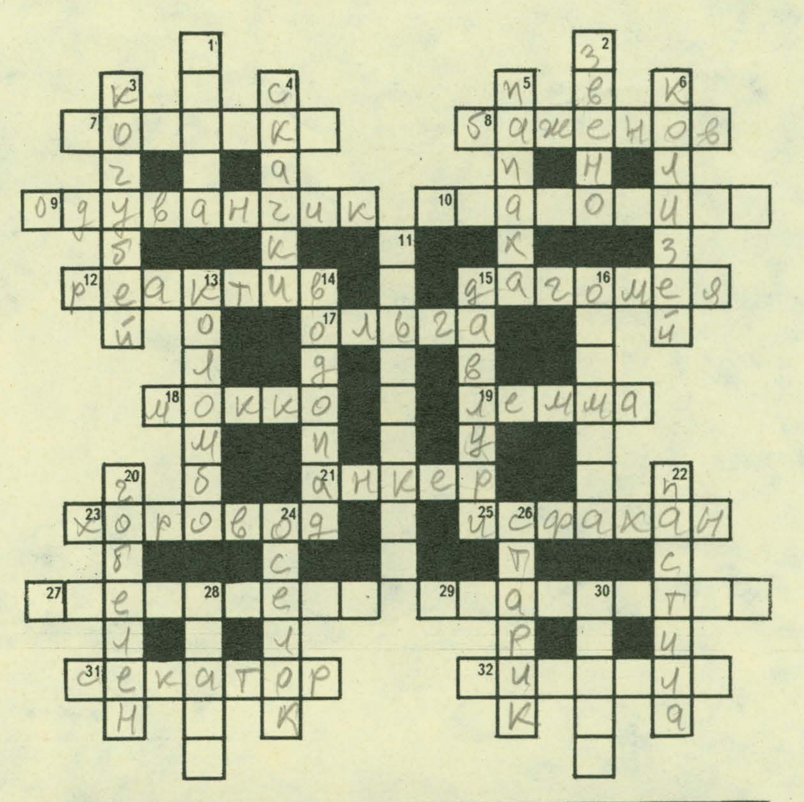
— Постоянный прогресс советской школы фигурного катания, о котором говорил Дик Баттон, объясняется, по моему мнению, среди прочих причин и тесной взаимосвязью между массовостью и мастерством. Причем я вижу здесь не только прямую связь (чем больше занимающихся, тем выше класс лидеров), но и обратную. Так, например, популярность фигурного катания среди советских юношей и девушек стала бурно расти после первых выдающихся успехов, которых достигли на международной арене Людмила Белоусова и Олег Протопопов. И чем больше появлялось звезд, подобных Ирине Родниной, Алексею Уланову, Александру Зайцеву, Людмиле Пахомовой, Александру Горшкову, тем теснее становилось на наших тренировочных площадках и аренах.

Убежден, что последние успехи моего воспитанника Сергея Волкова, а также Владимира Ковалева приведут к тому, что тысячи мальчиков придут на лед.

ИРИНА РОДНИНА, СЕМИКРАТНАЯ ЧЕМПИОНКА МИРА:

— Дик Баттон, как мне кажется, определил понятие «советская школа фигурного катания». Но я бы несколько расширила его основные положения. В частности, лучшим представителям советской школы присуща высокая морально-волевая подготовка. Наверное, далеко не каждый фигурист смог бы, получив серьезную травму на старте, подняться на высшую ступень пьедестала почета, как это сделал на нынешнем чемпионате Сергей Волков. Или взять Ирину Моисееву и Андрея Миненкова: юные спортсмены неожиданно, перед самым турниром, вдруг оказались из-за болезни Александра Горшкова в роли лидеров советской команды, а потом, уже в ходе соревнований, им все время приходилось догонять ушедших вперед соперников. И все же, проявив твердость нервов и силу характера, они сумели победить.

Колорадо-Спрингс — Москва.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Рассказ М. А. Шолохова. 8. Русский архитектор XVIII века. 9. Растение с желтыми цветками. 10. Азбука старославянского языка. 12. Вещество, применяемое в лабораторных исследованиях. 15. Государство в Западной Африке. 17. Действующее лицо оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин». 18. Сорт кофе. 19. Вспомогательная теорема. 21. Часть ходового механизма часов. 23. Игра с пением и пляской. 25. Город в Иране. 27. Прибор для измерения скорости ветра. 29. Итальянский композитор XVII — XVIII веков. 31. Садовые ножницы. 32. Южное плодовое дерево.

По вертикали: 1. Река в Югославии. 2. Авиационное подразделение. 3. Роман А. Первенцева. 4. Конноспортивные состязания. 5. Меховая шапка. 6. Памятник древнеримской архитектуры. 11. Актер Малого театра, народный артист СССР. 13. Столица Шри Ланка. 14. Поток воды, падающий с высоты. 15. Грузинский народный танец. 16. Старая русская мера объема сыпучих веществ. 20. Тканая картина. 22. Кондитерское изделие. 24. Точильный брусок. 26. Пьеса М. Горького. 28. Птица семейства утиных. 30. Административный центр в Польше.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12.

По горизонтали: 7. Габардин. 8. Карнавал. 9. Семафор. 11. Семестр. 12. Океан. 13. Аншлаг. 15. «Аэлита». 16. Артишок. 19. Иравади. 22. Мушкет. 23. Яровая. 26. Орион. 27. Мезолит. 28. Чусовая. 29. Демокрит. 30. Кустанай.

По вертикали: 1. «Катерина». 2. Карамель. 3. Микрон. 4. Массне. 5. «Калевала». 6. Ваттметр. 10. Пенсильвания. 14. Гамбит. 15. Акация. 17. Тургенев. 18. Скоморох. 20. «Кориолан». 21. Нафталан. 24. Боткин. 25. Анчоус.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Балет «Иван Грозный» — премьера Большого театра Союза ССР. Сцена из спектакля. В ролях: Анастасия — народная артистка РСФСР Наталья Бессмертнова, Иван Грозный — заслуженный артист РСФСР Юрий Владимиров.

Фото Е. УМНОВА

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: На Ангаре.

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. КУДРЯВЦЕВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 3/III — 75 г. А 00541. Подп. к печ. 18/III — 75 г. Формат 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 700. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 276.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Фото Е. УМНОВА

Выразительна сцена болезни Ивана...

«ИВАН ГРОЗНЫЙ»

Новый спектакль Большого театра СССР балет «Иван Грозный» на музыку Сергея Прокофьева, в музыкальной редакции Михаила Чулаки, в постановке главного балетмейстера ГАБТа, лауреата Ленинской премии, народного артиста СССР Юрия Григоровича — большое событие нашей культурной жизни.

После премьеры мы побывали у одного из крупнейших мастеров советского хореографического искусства, народного артиста СССР, лауреата Государственных премий Алексея Николаевича Ермолаева, и попросили его поделиться с читателями «Огонька» своими впечатлениями от нового спектакля.

— Создание оперного, балетного, драматического спектакля,— сказал Алексей Николаевич,— мне хочется сравнить с работой архитектора, создающего здание, с его осмысленными масштабами и строгой соразмерностью всех слагаемых: портика, колоннады, фронтона и так далее. Именно с таких позиций я рассматриваю спектакль Юрия Григоровича «Иван Грозный» в Большом театре.

Хореографическая режиссура — это понятие возникло совсем недавно, за какие-нибудь полвека. Юрий Григорович ныне общепризнанный не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами мастер хореографической режиссуры.

Новый балет «Иван Грозный» и новые режиссерские озарения. Прежде всего это великолепный режиссерский прием — колокольная сюита — симфония. Колокола в спектакле как провозвестники драматических кульминаций: торжественных и трагических, радостных, ликующих и страдальческих, печальных.

Это очень хорошо и верно. Ведь в XVI веке звучание колокола было неотъемлемой частью самой жизни человека.

Второй блестящей находкой режиссера считаю видение Ивану погибшей жены Анастасии (ее танцует Наталья Бессмертнова). Здесь, в этой сцене, режиссер-хореограф поднимается до трагических вершин.

Наконец, третий взлет — финал первого акта, жесточайшая не на жизнь, а на смерть схватка царя Ивана с мятежными боярами. И особенно кульминация этой сцены: посох Ивана Грозного, дрожащий в мощном полете, глубоко вонзившийся в землю: «Я — царь!..»

Я назвал лишь три режиссерские находки Юрия Григоровича. Их еще немало в новом спектакле «Иван Грозный». Но и по приведенным мной примерам можно судить о глубине и диапазоне выдающегося хореографа, о его неистощимой творческой фантазии и богатейшей художественной интуиции.

Как всегда, в спектаклях Ю. Григоровича большая роль в сценическом решении принадлежит художнику С. Вирсаладзе.

Главную партию в балете «Иван Грозный» исполняют Юрий Владимиров и Владимир Васильев.

Михаил АЛЕКСАНДРОВ

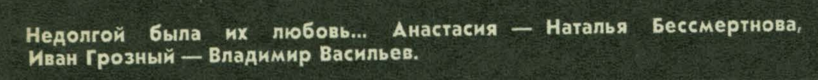
Партию Анастасии в спектакле танцует народная артистка РСФСР Наталья Бессмертнова.

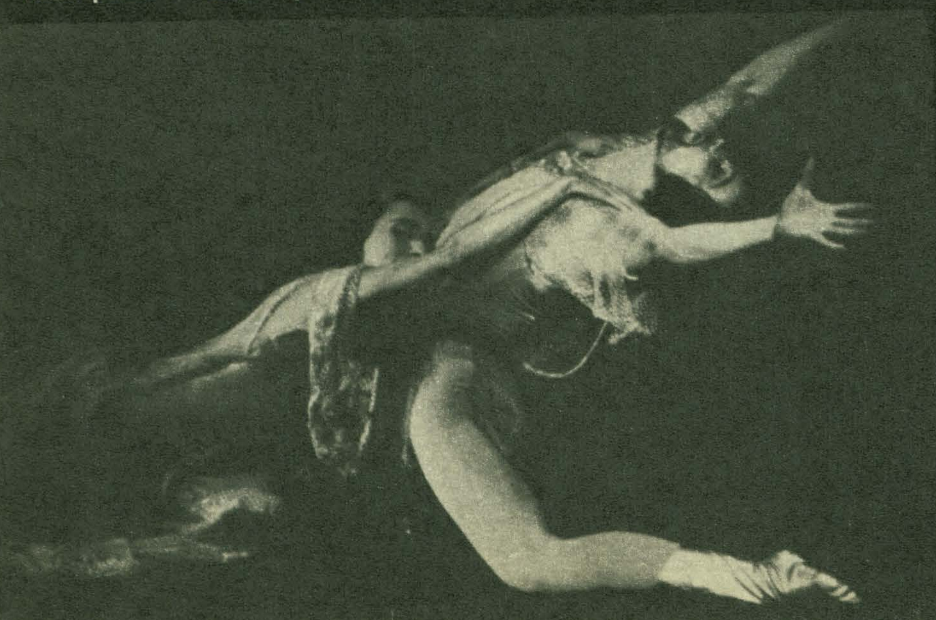
В роли князя Курбского молодой танцовщик Борис Акимов.

Так шло сочинение балета «Иван Грозный»... Постановщик спектакля, главный балетмейстер ГАБТ СССР народный артист СССР Юрий Николаевич Григорович репетирует с исполнителем роли Грозного, заслуженным артистом РСФСР Юрием Владимировым.

Недолгой была их любовь... Анастасия — Наталья Бессмертнова, Иван Грозный — Владимир Васильев.

Сцена из первого акта...

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663